

Айдын Балаев

**Мамед Эмин
Расулзаде**

**На чужих берегах
1922 - 1943**

К 130-летию со дня рождения

Москва
МАСКА
2013

УДК 82-94(5)
ББК 63.3(5Азе)-8
Б20

Научный редактор: Георгий Мамулиа — Доктор Высшей школы исследований общественных наук (Париж, Франция)

Рецензент: Явуз Акпынар – Доктор, профессор Эгейского университета (Измир, Турция)

Редактор: Лаврова Л.Е.

Балаев А.
Б20 Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах (1922-1943).
М.: ООО «ИПЦ „Маска“», 2013 — 266 с.

ISBN 978-5-91146-ИСБ-Н

В книге на основе выявленных за последнее время в архивах различных стран исторических документов, подавляющее большинство которых впервые вводится в научный оборот, заново переосмысливается деятельность основателя национальной государственности азербайджанских тюрков Мамед Эмина Расулзаде в период эмиграции в 1922-1943 годов. Исследование охватывает различные периоды эмигрантской деятельности М.Э. Расулзаде – от первых его шагов по созданию организационных структур азербайджанской политэмиграции до активного участия в прометеевском движении в качестве одного из лидеров всей кавказской эмиграции.

Особое внимание в книге уделено освещению проблемы непростых взаимоотношений М.Э. Расулзаде с различными представителями азербайджанской и кавказской эмиграции, а также его неустанной борьбе за достижение единства рядов поработанных народов советской империи в противостоянии с большевистским режимом.

УДК 82-94(5)
ББК 63.3(5Азе)-8
Б20

© Айдын Балаев, 2013
© Наталья Семенова,

ISBN 978-5-91146-ИСБ-Н художественное оформление, 2013

Содержание

Предисловие	4
ГЛАВА I. Начальный период деятельности М.Э. Расулзаде в эмиграции. Формирование первых организационных структур азербайджанской политэмиграции (1922—1924)	10
ГЛАВА II. Борьба за единство азербайджанской эмиграции. Создание Азербайджанского национального центра (1925—1930)....	58
ГЛАВА III. Деятельность М.Э. Расулзаде после депортации из Турции. Европейский период эмиграции (1931—1936)	132
ГЛАВА IV. М.Э. Расулзаде накануне и в период Второй мировой войны (1937—1943)	184
Заключение	250
Указатель имен	259

Предисловие

Кто избран судьбой творить новое, великое, тот заодно обращает в развалины часть собственной жизни. И чем он добросовестней, тем глубже разрез, которым он рассекает мироздание, проходит по его собственному нутру. В этом тайная боль и горечь всякой великой исторической мысли.

Густав Фрейтаг,
немецкий писатель и историк

С распадом советской империи и восстановлением независимости Азербайджана наступил коренной перелом в разработке многих проблем национальной истории, на исследование которых в период существования СССР было наложено табу. Одной из них являлась проблема изучения истории национального движения азербайджанских тюрков в начале XX века. Именно это движение способствовало политическому пробуждению и росту национального самосознания азербайджанских тюрков, сыграло определяющую роль в становлении и развитии идеологии национального возрождения и, в конечном итоге, привело к провозглашению 28 мая 1918 года независимости Азербайджана.

В течение последних двух десятилетий в связи с кардинальными изменениями на геополитическом пространстве и демонтажем тоталитарной системы внутри страны в азербайджанской историографии происходили интенсивные процессы становления подлинно научной концепции в отношении событий национальной истории XX столетия. Зарождающаяся новая историография Азербайджана, отказываясь от стереотипов и клише советской эпохи, на основе привлечения ранее недоступных исторических источников добилась существенного прогресса в изучении проблем национально-освободительной борьбы азербайджанских тюрков в XX веке.

В результате вышло в свет немало как обобщающих фундаментальных трудов по данной проблеме, так и отдельных монографий, посвященных жизни и деятельности исторических личностей, руководивших азербайджанским национально-освободительным движением. Естественно, в этих работах немало внимания уделялось исследованию деятельности одной из ярчайших фигур политической истории Азербайджана XX столетия М.Э. Расулзаде, которому суждено было создать идеологию азербайджанизма, ставшую основой национальной идентичности и государственности азербайджанских тюрков.

В контексте переоценки ценностей, происходившей в отечественной историографии в течение последних двух десятилетий, азербайджанские историки вплотную занялись также исследованием истории азербайджанской политэмиграции, возникшей как историческое явление после оккупации Азербайджана в апреле 1920 года большевистскими войсками. По этой причине Расулзаде и другим лидерам АДР пришлось покинуть родину, продолжив борьбу за азербайджанский идеал в эмиграции.

Несмотря на то, что в последнее время было издано несколько книг, посвященных деятелям эмиграции, в том числе М.Э. Расулзаде,¹ в этой области все еще остается немало неизвестных и запутанных эпизодов, что делает весьма актуальным дальнейшие исследования. Наряду с этим, следует учесть, что лишь в 2010—2012 гг. были опубликованы многочисленные ранее неизвестные документы, отражающие различные аспекты деятельности азербайджанской политэмиграции.

Здесь, в первую очередь, речь идет о сборниках документов, подготовленных российским исследователем С. Исхаковым: — «Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем» (М., 2010) и «Из истории азербайджанской эмиграции.

¹ Ibrahimli X. Azərbaycan siyasi mühacirəti (1920-1991). Bakı, 1996; Qasımlı M. Azərbaycan türklərinin milli mücadələ tarixi. 1920-1945. İstanbul, 2006; Yaqublu N. Azərbaycan-Polşa əlaqələrində M.Ə. Rəsulzadənin rolu. Bakı, 2007.

Сборник документов, произведений и писем» (М., 2011). С. Исхаков является составителем, а также автором предисловия и примечаний обоих сборников, с изданием которых в научный оборот были введены многие неизвестные факты, характеризующие сложные отношения между азербайджанскими политиками в эмиграции, их взаимоотношения с другими эмигрантскими центрами, с европейцами — от представителей различных спецслужб до высокопоставленных и известных политиков и дипломатов. В них впервые перепечатаны статьи М.Э. Расулзаде, вышедшие в парижском журнале «Prométhée» («Прометей») с 1926 по 1938 гг., а также его письма различным представителям эмиграции.

Ценным источником для изучения взаимоотношений двух знаковых фигур азербайджанской эмиграции — М.Э. Расулзаде и А.М. Топчибаши, является сборник «А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. 1923—1926 гг.» (М., 2012), где составителем и автором предисловия также является С. Исхаков. В нем впервые публикуется переписка этих двух виднейших азербайджанских политиков. Следует отметить, что вошедшие в сборник письма лишь недавно обнаружены в личном фонде А.М. Топчибаши в Центре исследований России, Кавказа и Центральной Европы Высшей школы исследований социальных наук в Париже. Эти письма носили конфиденциальный, а иногда секретный характер, и до последнего времени были известны лишь узкому кругу ближайших соратников Расулзаде и Топчибаши.

Упомянутые письма были обнаружены экспертом вышеуказанного парижского научного центра Георгием Мамулиа, являющегося одним из известных исследователей в области истории кавказской эмиграции. В частности, в 2012 году в московском издательстве «Социально-политическая Мысль» вышел в печать сборник документов под названием «Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей», подготовленный Г. Мамулиа.

Данный сборник, содержащий документы и материалы по истории проектов Пакта Кавказской Конфедерации, выработанные национальными центрами Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа, входящими в движение «Прометей» (1926—1939 гг.), стал результатом кропотливой исследовательской работы Г. Мамулиа.

В сборник, в частности, вошли многочисленные протоколы заседаний Совета Кавказской Конфедерации и президиума этой структуры, а также проекты Пакта Конфедерации Кавказа и окончательный вариант данного документа, подписанного 14 июля 1934 года в Варшаве полномочными представителями Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа. Хотя для того, чтобы не дать Кремлю возможности обвинить Варшаву в нарушении условий советско-польского договора 1932 г., местом подписания этого документа было решено объявить Брюссель.² Помимо этого, в сборнике впервые опубликованы письма М.Э. Расулзаде, адресованные представителям как азербайджанской, так и кавказской эмиграции.

Как справедливо отмечает Г. Мамулиа в предисловии к сборнику, опубликованные в нем документы не потеряли своей актуальности и в наши дни, когда народы и политические деятели Кавказа все больше и больше осознают необходимость сплочения своих сил во имя достижения мира и процветания региона.

Источником значительного аналитического и фактического материала по истории кавказской политэмиграции является другое исследование Г. Мамулиа: — «Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921—1945)» (Тбилиси-Париж, 2012)³.

² Кавказская конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей» / Сост. пред. пер., прим. Г.Г. Мамулиа. М., 2012. С. 32.

³ Упомянутое исследование Г. Мамулиа является дополненным и переработанным изданием его вышедшей в 2009 г. в Париже книги: *G. Mamouliia. Les combats indépendantistes des Caucasiens entre URSS et puissances occidentales. Le cas de la Géorgie (1921-1945)*, Paris, 2009.

Эта фундаментальная работа дает исчерпывающую информацию о различных политических течениях внутри кавказской эмиграции и их взаимоотношениях. Ценность данной работы Г. Мамулиа заключается в том, что история кавказской политической эмиграции исследуется автором в контексте геополитических процессов и событий, имевших место в то время на международной арене.

Впрочем, нисколько не умаляя заслуг С. Исхакова и Г. Мамулиа в исследовании проблем азербайджанской и кавказской эмиграции, необходимо отметить, что большинство из вышеуказанных сборников вряд ли могли бы увидеть свет без поддержки и активного содействия известного азербайджанского дипломата, неустанного пропагандиста и популяризатора национальной истории за пределами родины Рамиза Абуталыбова.

Следует отметить, что за долгие годы дипломатической работы Р. Абуталыбову удалось собрать уникальные материалы и свидетельства о жизни и деятельности азербайджанской эмиграции. Близкие дружеские отношения со многими эмигрантами разных «волн» позволили ему возратить с чужбины ценные исторические документы, а также предметы искусства, которые хранятся сегодня в музеях и архивах Азербайджана и России.

В этом отношении весьма символично, что в последний сборник: — «А.М. Топчибаши: документы из личных архивов. 1903—1934 гг.» (М., 2012), подготовленный С. Исхаковым, вошли именно документы из личного архива Р. Абуталыбова. Как видно из названия книги, в ней собраны материалы, охватывающие, пожалуй, наиболее интересный и насыщенный период многовековой азербайджанской истории. Эти документы, представляя собою настоящую россыпь неожиданных, доселе неизвестных фактов по данному периоду отечественной истории, значительно расширяют представления о жизни и деятельности многих известных

общественно-политических деятелей не только Азербайджана, но и всего тюркского мира как в начале XX века, так и в период их вынужденной эмиграции, в 20—30-х гг.

Говоря об изданиях последних лет, необходимо также отметить сборник «Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века)» (Торун, 2010), составленный Виляятом Гулиевым. В книге собраны ранее неизвестные научной общественности образцы публицистического и историко-литературного наследия представителей азербайджанской политической эмиграции в Польше. В многочисленных публикациях М.Э. Расулзаде, М.Б. Мамедзаде, М. Мехтиева и других видных деятелей эмиграции освещается идеологическая борьба национальных сил против большевистского режима, идеи единства народов Кавказа и их независимости.

Содержание документов, опубликованных в вышеуказанных сборниках, проливает свет не только на многие тайны из жизни азербайджанской и кавказской эмиграции, но и позволяет по-новому взглянуть на многие аспекты их деятельности в 20—30-х гг. прошлого столетия. Нет сомнений, что эти материалы станут серьезным подспорьем для исследователей в дальнейшей разработке ими темы азербайджанской и кавказской политэмиграции в целом.

Опубликованные в упомянутых сборниках документы и составили, в основном, источниковедческую базу нашего исследования. В книге также использованы материалы, любезно представленные профессором Эгейского университета (Турция) Явюзом Акпынармом, а также другим турецким исследователем, Омером Озджаном. Автор признателен и азербайджанскому исследователю А. Тагирзаде за предоставленные для данного издания фотографии.

Автор выражает свою искреннюю признательность всем, кто содействовал появлению этой книги.

Глава I.

Начальный период деятельности

М.Э. Расулзаде в эмиграции.

Формирование первых организационных структур азербайджанской политэмиграции (1922—1924)

С падением Азербайджанской Демократической Республики и оккупацией страны большевистскими войсками в апреле 1920 года азербайджанский народ вступил в один из самых трагических периодов своей истории. Сразу же после захвата страны XI Красной армией, предав забвению свои недавние обещания относительно соблюдения основных прав и свобод, в том числе в политической сфере, большевики начали преследования и репрессии видных деятелей АДР. Карательные органы, осуществлявшие эти репрессии, обладали чрезвычайными полномочиями и напрямую подчинялись Кремлю. Они фактически были бесконтрольны в своих действиях, в результате чего насилия над личностью и имуществом мирных граждан приняли огромные масштабы.

В Азербайджане установился режим массового террора, жертвами которого зачастую становились даже рядовые граждане. Но своим главным острием эти репрессии, несомненно, были направлены, в первую очередь, против представителей политической и интеллектуальной элиты Азербайджана, а также национальных военных кадров. Подобными действиями большевистские оккупанты стремились обезглавить национальное движение и лишить азербайджанских тюрок политических и военных лидеров, что, в свою

очередь, значительно облегчило бы задачу укрепления их власти в Азербайджане.

Широкомасштабные репрессии внутри страны спровоцировали массовую эмиграцию из Азербайджана людей, не согласных с новыми политическими реалиями на исторической родине. Первая волна эмигрантов, в основном, состояла из членов правительства, высших государственных чиновников, руководителей и активистов политических партий, а также представителей военной элиты. В рядах эмигрантов оказались и члены дипломатической миссии Азербайджана во Франции во главе с А.М. Топчибаши, участвовавшие в работе Парижской мирной конференции, которые отказались вернуться на родину. Вскоре их примеру последовали дипломаты, аккредитованные или пребывавшие в других странах, ряд представителей интеллигенции, военных и национальной буржуазии, находившихся в момент апрельского переворота за пределами Азербайджана.

По мере усиления большевистских репрессий внутри страны ряды азербайджанских эмигрантов начали пополняться и за счет простых граждан, которые, не пожелав смириться с царящим в стране правовым беспределом, пытались любыми путями, легально или нелегально, покинуть республику.

В августе 1922 года в эмиграции оказался и основатель азербайджанской государственности М.Э. Расулзаде. Как известно, после большевистского переворота М.Э. Расулзаде вынужден был перейти на нелегальное положение. Он из подполья руководил сопротивлением национальных сил оккупационному большевистскому режиму. Однако, учитывая опасность дальнейшего нахождения в Баку из-за усиливающихся с каждым днем репрессий, уже летом 1920 года М.Э. Расулзаде принимает решение покинуть Азербайджан и перебраться в Грузию.

К сожалению, из-за предательства ему не удастся осуществить свой план. 17 августа 1920 года М.Э. Расулзаде был

арестован большевиками в селе Гарамарьям Гейчайского уезда. Вскоре он был препровожден в Баку и помещен в изолятор особого отдела XI армии, который возглавлял В. Панкратов, получивший прозвище «палача азербайджанского народа». Судьба М.Э. Расулзаде фактически была предрешена, поскольку не только московские «товарищи», но и «водители» азербайджанских коммунистов настаивали на его казни.

Лишь вмешательство И.В. Сталина, который в начале ноября 1920 года находился с инспекционной поездкой в Баку, спасло М.Э. Расулзаде жизнь. По указанию И.В. Сталина М.Э. Расулзаде был освобожден и отправлен в Москву, где 29 ноября 1920 года его зачислили в штат Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР.

Можно лишь догадываться, какими соображениями руководствовался И.В. Сталин, содействуя освобождению М.Э. Расулзаде. Однако вызывает большие сомнения то, что им двигало исключительно только чувство долга перед М.Э. Расулзаде, который несколько раз спасал И.В. Сталина от неминуемой гибели. Скорее всего, решающее значение для И.В. Сталина имела не их прошлая личная дружба, а желание воспользоваться услугами М.Э. Расулзаде в своих политических интересах. Поэтому неудивительно, что в течение примерно полутора лет нахождения М.Э. Расулзаде в Москве И.В. Сталин неоднократно пытался склонить его к сотрудничеству в той или иной форме с советской властью, предлагая ему различные должности.

Но по идейно-политическим соображениям М.Э. Расулзаде каждый раз отказывался от этих предложений. Даже личное вмешательство И.В. Сталина и его попытки уговорить М.Э. Расулзаде принять эти предложения не дали желаемого результата. В период своего пребывания в Москве в 1920—1922 гг. он ограничился лишь работой преподавателя персидского и русского языков в Институте восточных языков (бывший Лазаревский институт), а также занимался научными исследованиями.

Впрочем, М.Э. Расулзаде прекрасно осознавал, что так долго продолжаться не может, и он не в состоянии бесконечно игнорировать «просьбы» И.В. Сталина. Поэтому, пытаясь окончательно избавиться от этих назойливых предложений, М.Э. Расулзаде принял решение уехать из России, и все свои усилия направил на реализацию этого плана. В Москве друзья посоветовали ему бежать из страны через Финский залив в Финляндию.⁴

С этой целью летом 1922 г. М.Э. Расулзаде под предлогом работы в научной библиотеке Академии Наук, а также консультаций с такими известными учеными, как Н. Марр и В. Бартольд, отправляется в научную командировку в Петроград. И с помощью своих друзей, в первую очередь, известного татарского общественного деятеля Мусы Бигиева, ему удается переправиться на лодке через Финский залив в Финляндию. После нахождения в течение 15 дней на карантине в Териоки, М.Э. Расулзаде примерно месяц гостит в татарской колонии Хельсинки.

16 сентября 1922 года М.Э. Расулзаде покидает Хельсинки и отправляется в Берлин. Именно находясь в Берлине, он 12 октября 1922 года пишет письмо Джейхун беку Гаджибейли, в котором сообщает, что к 13-му числу завершит все свои дела, а вечером 14 октября покинет германскую столицу и отправится в Париж.⁵ Перебравшись во Францию, М.Э. Расулзаде вскоре принимает окончательное решение обосноваться в Турции, и в конце 1922 года прибывает в Стамбул.

Правда, некоторые исследователи полагают, что М.Э. Расулзаде прибыл в Стамбул в начале 1923 года⁶. Однако подобного рода утверждения не соответствуют действительности,

⁴ *Resulzade M.E.* Rusiya'da siyasi vaziyet. İstanbul, 2005, S. 26.

⁵ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем / Сост., предисл. и прим. С. Исхаков. М., 2010. С. 246-247.

⁶ См. например: *Hacaloğlu Y.* Resulzade'den Tanrıöver'e mektuplar // *Türk dünyası araştırmaları*. 1997. Sayı: 109. S. 210.

поскольку доподлинно известно, что в декабре 1922 года Мамед Эмин бей уже находился в Стамбуле. Подтверждением тому являются его письма, отправленные отсюда своим друзьям и соратникам. В одном из них, датированным 21 декабря 1922 года, М.Э. Расулзаде подчеркивает, что спустя несколько дней после своего приезда в Стамбул, он встретился с известным турецким политическим деятелем Руфат пашой, и обсудил с ним проблемы азербайджанской эмиграции.⁷

К тому времени тысячи эмигрантов из Азербайджана уже обосновались в различных странах мира, и прежде всего, в Турции и Иране. Хотя в европейских государствах азербайджанские колонии были немногочисленными, но в таких странах, как Франция и Германия, находились видные представители политической и научной элиты Азербайджана. Неудивительно, что более или менее активными в политическом отношении были именно азербайджанские эмигранты, обосновавшиеся в этих европейских странах, а также в Турции и Иране. В силу своих возможностей они предпринимали определенные шаги, чтобы в дипломатическом, информационном и пропагандистском плане дать отпор большевикам, оккупировавшим их историческую родину.⁸

Особой активностью среди азербайджанских эмигрантов выделялся в этом плане председатель азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции А.М. Топчибаши. 8 сентября 1920 года он от имени делегации официально проинформировал руководство Лиги Наций относительно большевистской оккупации Азербайджана, пытаясь подобным образом привлечь внимание этой организации к азербайджанской проблеме.⁹

⁷ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 242.

⁸ Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих. М., 2007. С. 4.

⁹ Naşımova A. XX əsrin birinci yarısında Azərbaycan mühacirəti. Bakı, 1992. S. 131.

Вслед за этим, 1 ноября 1920 года, А.М. Топчибаши направил официальную ноту Генеральному секретарю Лиги Наций с просьбой рассмотреть вопрос принятия Азербайджана в ряды этой организации.¹⁰ Известно, что Азербайджан, как и Грузия, был признан *де-факто* Верховным советом Антанты 12 января 1920 г., т. е. еще до его оккупации большевиками в конце апреля 1920 года. Оккупация Азербайджана была вызвана, в определенной степени, именно страхом большевиков перед тем, что за этим последует и признание Баку *де-юре*, как впоследствии в случае с Грузией. Хотя Лига Наций и отказала Азербайджану в приеме, но данное решение практически явилось признанием самого факта оккупации Азербайджана.¹¹

Не умаляя значения деятельности А.М. Топчибаши и других азербайджанских эмигрантов, все же следует признать, что предпринимаемые ими демарши и шаги носили разрозненный и эпизодический характер. Это объяснялось отсутствием серьезных организационных структур, способных координировать и направлять деятельность азербайджанской эмиграции в единое русло.

Что же касается Стамбула, то по прибытии туда М.Э. Расулзаде столкнулся с удручающим положением азербайджанской эмиграции. Правда, впоследствии политические оппоненты М.Э. Расулзаде внутри азербайджанской эмиграции утверждали, что, пока он находился в Москве, они в поте лица трудились для создания организационных структур эмиграции в Стамбуле, и по приезде в Стамбул ему оставалось лишь возглавить уже готовые организации.

Тем не менее, как свидетельствуют факты, подобные утверждения далеки от исторических реалий. К моменту приезда М.Э. Расулзаде в Стамбул (как мы уже отмечали, в конце

¹⁰ Абуталыбов Р. Годы и встречи в Париже. М., 2006. С. 53.

¹¹ Там же. С. 55.

1922 года), там не существовало не только каких-либо дееспособных организаций азербайджанской эмиграции, но даже деятельность уже созданных структур была по сути парализована. В частности, из-за интриг и разногласий между азербайджанскими эмигрантами прекратило свое существование азербайджанское консульство в Стамбуле, о чем М.Э. Расулзаде сообщал Джейхуну Гаджибейли в своем письме от 21 декабря 1922 года.¹²

В закрытии представительства АДР в Стамбуле решающую роль сыграли разногласия между тогдашним руководителем азербайджанского консульства Ю.В. Чеменземинли и Х. Хасмамедовым. В начале 1921 года Хасмамедову, с помощью своих сторонников из числа гянджинских мусавитов, удалось сместить Ю.В. Чеменземинли со своего поста и самому занять его место. В данном вопросе Х. Хасмамедова поддержал и А.М. Топчибаши, который давно уже испытывал неприязнь к Ю.В. Чеменземинли.

Дело в том, что до своего отъезда в Париж в апреле 1919 года А.М. Топчибаши занимал также пост чрезвычайного и полномочного посла Азербайджана, аккредитованного в ряде стран, в том числе и в Османской империи. Отправляясь на Парижскую мирную конференцию, А.М. Топчибаши поручил временно исполнять обязанности дипломатического представителя Азербайджана в Турции Сафвет беку Меликову (1891—1975), входившему в состав технического персонала азербайджанской делегации. Следует отметить, что С. Меликов был младшим сыном Г.Б. Зардаби и близким родственником, шурином, А.М. Топчибаши.

Однако национальное правительство не поддержало это предложение А.М. Топчибаши, назначив через некоторое время дипломатическим представителем Азербайджана в Стамбуле Юсифа Везира Чеменземинли. Это, несомненно,

¹² Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 242.

делает честь лидерам АДР, поскольку для них критерием отбора при назначении на столь важный пост послужили, прежде всего, личные и профессиональные качества кандидатов, а не их родословная или родственные связи с высокопоставленными чиновниками в государственных структурах. Как и следовало ожидать, этот шаг официального Баку вызвал открытое раздражение А.М. Топчибаши, подтверждением чему является его письмо от 8 июля 1919 года, адресованное тогдашнему премьер-министру Азербайджана Н. Усуббекову.

Таким образом, неудивительно, что два года спустя А.М. Топчибаши не преминул воспользоваться первой же представившейся возможностью для «реванша». Он безоговорочно поддержал Х. Хасмамедова в его противостоянии с Ю.В. Чеменземинли за пост дипломатического представителя АДР в Стамбуле. Тем самым, А.М. Топчибаши окончательно испортил свои взаимоотношения с Ю.В. Чеменземинли, который впоследствии выступил с достаточно серьезными обвинениями в его адрес.

Следует отметить, что притязания Х. Хасмамедова на пост дипломатического представителя Азербайджана в Турции также возникли не на пустом месте. Еще в начале апреля 1920 года, т. е. незадолго до оккупации страны большевиками, Х. Хасмамедов решением парламента был назначен послом Азербайджана в Стамбуле. Однако в свете последовавших затем событий последний так и не изъявил особого желания занять этот пост.

Ситуация коренным образом изменилась в начале 1921 года, когда А.М. Топчибаши из Парижа начал направлять в Турцию немалые средства для финансирования деятельности азербайджанских эмигрантов. Так, только в течение 10 месяцев А.М. Топчибаши с целью оказания помощи азербайджанским эмигрантам и поддержки их политической деятельности отправил в Стамбул, в общей сложности, 600 тыс.

франков¹³, которые распределялись через дипломатическое представительство.

И тут же Х. Хасмамедов, вспомнив о давнем решении Азербайджанского парламента, предъявил свои притязания на пост главы дипломатического представительства АДР. Очевидно, это было обусловлено стремлением Х. Хасмамедова и его сторонников, состоящих, в основном, из гянджинских мусаватистов, контролировать финансовые ресурсы, выделяемые А.М. Топчибаши. Естественно, что, в силу вышеупомянутых причин, для А.М. Топчибаши более приемлемой фигурой на посту руководителя азербайджанского представительства в Стамбул являлся именно Х. Хасмамедов.

К сожалению, возглавив стамбульское представительство, Х. Хасмамедов значительную часть выделяемых средств начал использовать не по прямому назначению, а в качестве первичного капитала для организации торговых операций между Стамбулом и Батумом, которыми руководил один из его близких друзей — Аббас Рафиев.

Это был отнюдь не единичный случай, когда выделяемые для азербайджанской эмиграции средства использовались группировкой Х. Хасмамедова для реализации различного рода бизнес-проектов. Сам Х. Хасмамедов и его соратники объясняли свои действия необходимостью создания стабильного и надежного источника финансирования эмигрантской деятельности. Однако все эти попытки по налаживанию бизнеса в Турции, как правило, заканчивались полным фиаско.

И когда окончательно выяснилось, что Х. Хасмамедов и его соратники являются никудышными бизнесменами, а деньги фактически израсходованы впустую, то азербайджанские эмигранты потребовали от них отчета. Учитывая, что Х. Хасмамедову нечего было ответить на подобные обвинения,

¹³ *Qasımli M. Azərbaycan türklerinin milli mücadele tarihi. 1920-1945. İstanbul, 2006. S. 329.*

появившиеся даже на страницах турецких газет, ему не оставалось иного выхода, как подать в отставку с поста дипломатического представителя Азербайджана в Стамбуле.

Тем более что к тому времени финансовая поддержка азербайджанских эмигрантов в Стамбуле со стороны А.М. Топчибаши была полностью прекращена. Таким образом, лишившись в одночасье как руководства, так и средств для существования, азербайджанское представительство и функционирующее при нем информационное бюро прекратили свою деятельность. В результате к концу 1922 года в Стамбуле «не было ни одной организации, борющейся за азербайджанский идеал, и ни одного человека, способного ответить на многочисленные нападки на освободительную борьбу азербайджанских тюрок».¹⁴

Таким образом, как справедливо отмечал М.Б. Мамедзаде, «до приезда Мамед Эмина состояние эмигрантского лагеря оставляло удручающее впечатление, поскольку он находился в сильной апатии, где царствовали хаос и недисциплинированность». ¹⁵ Поэтому М.Э. Расулзаде предстояло сплотить и организовать азербайджанскую эмиграцию, направив ее энергию в нужное русло.

В подобных условиях свою деятельность в Стамбуле по формированию организационных структур азербайджанской эмиграции М.Э. Расулзаде пришлось начинать практически с нуля. Первым делом он попытался заручиться поддержкой турецких официальных лиц. Судя по секретным донесениям советских спецслужб, М.Э. Расулзаде и его соратники по партии «Мусават» регулярно контактировали с видными государственными деятелями Турции — Исметом Иненю и Кязымом Карабекир пашой, обсуждая с ними вопросы поддержки Анкарой борьбы азербайджанских

¹⁴ *Resulzade M.E. Şefibeyçilik. Varşava, 1934. S. 58.*

¹⁵ *Mammədzadə M.B. Milli Azərbaycan hərəkatı. Bakı, 1991. S. 177.*

политэмигрантов по восстановлению независимости Азербайджана.¹⁶

Правда, очень скоро выяснилось, что, несмотря на теплый прием, оказанный в Турции М.Э. Расулзаде как со стороны общественности, так и официальных властей, Анкара не намерена публично поддерживать деятельность азербайджанских эмигрантов. Более того, с первых же минут нахождения на турецкой земле М.Э. Расулзаде ясно дали понять, что ему необходимо учитывать в своей деятельности сложившиеся политические реалии, обусловленные дружественными отношениями между Анкарой и Москвой.

Как известно, Турция, ведущая отчаянную борьбу за свое собственное существование против объединенных сил Антанты, вынуждена была пойти на политическую сделку с большевиками. Так, согласно Московскому договору от 16 марта 1921 года, кемалисты и большевики «обязались не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, имеющих целью борьбу против другой стороны».¹⁷

После подписания этого договора Москва пристально следила за деятельностью эмигрантов на турецкой территории, периодически требуя от Анкары ее пресечения. Как писал в июле 1923 года М.Э. Расулзаде, «в одном из номеров тюркского «Коммуниста» потребовали нашего удаления из Стамбула. По моим сведениям, в Министерстве иностранных дел в Ангоре получена большевистская нота, где указывается на нашу работу как на факт, противоречащий Московскому договору. Видимо, нота не достигла цели. Наоборот, мы были свидетелем некоторого заботливого отношения турецкой полиции».¹⁸

¹⁶ Qasımlı M. Azərbaycan türklərinin milli mücadele tarixi. S. 328.

¹⁷ История дипломатии. М., 1986. Т. 3. С. 313.

¹⁸ Письмо М.Э. Расулзаде -А.М. Топчибаши. 23.07.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. 1923-1926 / Сост., предисл. и прим. С. Исхаков. М., 2012. С. 40-41.

Все это делало практически невозможным открытую антибольшевистскую деятельность азербайджанской эмиграции на территории Турции. Неслучайно М.Э. Расулзаде в конце декабря 1922 года писал в Париж Джейхуну Гаджибейли о том, что «здесь можно будет издавать газеты, но создать организацию не удастся».¹⁹

Именно этот фактор сыграл ключевую роль в том, что М.Э. Расулзаде пришлось отказаться от идеи создания по примеру грузин национального правительства в изгнании. Свой отказ он аргументировал следующим образом: «Во-первых, правительство должно составлять единое целое со своим народом и функционировать среди народа; мы же в настоящее время находимся за пределами Азербайджана, и, следовательно, далеки от народа, которым собираемся руководить. Во-вторых, наличие за пределами родины правительства в изгнании провоцировало бы массовые гонения внутри страны на сторонников независимости».²⁰

Впрочем, не вызывает сомнений, что все это было лишь отговоркой со стороны М.Э. Расулзаде. Истинная же причина отказа от идеи Азербайджанского правительства в изгнании заключалась в осознании М.Э. Расулзаде полного отсутствия объективных и субъективных условий для организации подобной структуры. Ведь формирование грузинского правительства в изгнании стало возможным, в первую очередь, благодаря тому, что, в отличие от Азербайджана, независимость Грузии 27 января 1921 г. была де-юре признана Верховным советом Антанты.

Кроме того, грузинское национальное правительство в изгнании функционировало во Франции, которая, несмотря на большевистскую оккупацию, вплоть до 1933 г. де-юре признавала независимость Грузии, а также ее

¹⁹ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем С. 242.

²⁰ Qasımlı M. Azərbaycan türklərinin milli mücadele tarixi. S. 326.

социал-демократическое правительство. Поместье, купленное в местечке Левиль-сюр-Орж, под Парижем, было официальной резиденцией, где проживали со своими семьями члены правительства Грузии в изгнании. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в ходе насильственной советизации Грузии ее последнему национальному правительству удалось практически в полном составе покинуть страну и обосноваться во Франции.

В случае же с Азербайджаном эти условия отсутствовали. Единственной страной, в которой было возможно функционирование подобного правительства, являлась Турция. Между тем, Анкара, как уже отмечалось выше, руководствуясь собственными национальными интересами, пресекала любую антибольшевистскую деятельность на своей территории. В этой ситуации не могло быть и речи о функционировании в этой стране какого-либо национального правительства в изгнании, борющегося за восстановление независимости Азербайджана.

Но даже при наличии соответствующего согласия официальной Анкары создание Азербайджанского правительства в изгнании было, мягко говоря, достаточно проблематичным, поскольку формировать подобную структуру было не из кого. Ведь после советизации Азербайджана часть членов национального правительства перешла на сторону большевиков, часть была арестована и расстреляна, а тем, кому удалось избежать репрессий большевиков и эмигрировать, в основном, были заняты решением личных проблем и устройством своего быта.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что до середины 20-х гг. в Турции имелись определенные условия для полулегальной деятельности кавказских, в том числе и азербайджанских эмигрантов. Это обуславливалось тем, что турки не до конца доверяли большевикам. Они опасались, что Кремль в любой момент с целью политической

изоляции Анкары может пойти на сговор с западными державами. По мнению грузинского исследователя Г. Мамулия, подозрения кемалистов были не лишены основания, так как одно время большевики даже держали в Батуме, недалеко от турецкой границы, Энвер пашу, одного из лидеров младотурков. Большевики рассматривали его в качестве альтернативы более строптивому Мустафе Кемалю.²¹

Учитывая эти обстоятельства, Анкара примерно до середины 20-х гг., хотя и не оказывала открытую поддержку представителям кавказского национально-освободительного движения, тем не менее, не чинила особых препятствий их полулегальной деятельности. Скорее всего, турецкие власти намеревались использовать кавказских, в том числе азербайджанских эмигрантов в качестве разменной монеты в политической игре с Кремлем, а также своеобразным рычагом давления на большевиков.

Как бы то ни было, воспользовавшись ситуацией, М.Э. Расулзаде приступил к созданию организационных структур азербайджанской эмиграции. Под его руководством было сформировано Заграничное бюро партии «Мусават» — первая политическая организация азербайджанской эмиграции. Эта была строго законспирированная организация, которая руководила деятельностью местных ячеек «Мусавата» как внутри Азербайджана, так и за его пределами, в частности в Турции, Иране, и некоторых европейских странах.

Заграничное бюро был достаточно представительным органом. Поэтому с целью соблюдения конфиденциальности наиболее важные решения принимались в узком кругу, на президиуме Заграничного бюро, который состоял из трех лиц: М.Э. Расулзаде (председатель), Х. Хасмамедова и

²¹ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). Тбилиси-Париж, 2012. С. 31. См. также: Sonyel S.R. Mustafa Kemal and the Turkish National Movement // Studies in 20-th Century History. Vol. 3. London, SAGE Publications, 1975. P. 125.

М.С. Ахундзаде.²² Характерно, что о тех или иных решениях президиума сообщалось только тем членам ЦК, на которых возлагалось их непосредственное выполнение. В этой связи вполне естественно, что информацией о персональном составе подпольного ЦК партии, действующего в Азербайджане, также обладали только эти три лица.

Заграничному бюро удалось за относительно короткий период наладить связи с существующими в условиях глубокого подполья в Азербайджане ячейками партии. Одновременно в местах компактного проживания азербайджанских эмигрантов в различных городах Турции и Ирана была восстановлена и усилена деятельность местных комитетов «Мусавата». Помимо Стамбула, ячейки партии действовали в таких турецких городах, как Трапезунд, Карс и Смирна, а также в Иране: в Тегеране, Тебризе, Реште. Примечательно, что наиболее крупная по численности ячейка «Мусавата» за пределами Азербайджана находилась в иранской столице — Тегеране.

Параллельно с созданием организационных структур азербайджанской эмиграции, М.Э. Расулзаде вплотную занимался и налаживанием информационно-пропагандистской деятельности. Он не мог ограничить себя только рамками строго конспиративной работы, поскольку всеми силами стремился информировать турецкую и европейскую общественность о ситуации в Азербайджане, о попранных большевиками правах азербайджанских тюрков на свободу и независимость, пропагандировать идею национальной независимости и вести борьбу за ее восстановление. В сложившихся в то время в Турции условиях подобной деятельностью можно было заниматься, лишь используя возможности прессы.

Поэтому М.Э. Расулзаде придавал исключительное значение прессе в деле консолидации азербайджанских эмигрантов в борьбе за восстановление государственной

²² Şimşir S. Azərbaycanın istiklal mücadelesi. İstanbul, 2006. S. 37.

независимости Азербайджана. Исходя из этого, он сосредоточил свои усилия в направлении учреждения различного рода печатных изданий, которые стали информационным рупором азербайджанской эмиграции. В этом контексте одним из главных заслуг М.Э. Расулзаде в истории освободительного движения азербайджанских тюрков является создание эмигрантской периодической печати, которая все годы господства советского режима вела за пределами родины неустанную и систематическую борьбу за азербайджанский идеал.

Значимость печатных изданий для азербайджанской эмиграции еще больше возрастала в свете того факта, что, в отличие от грузинских и армянских эмигрантов, у М.Э. Расулзаде и его соратников не было высоких покровителей в коридорах власти европейских стран. В этой связи в своем письме Дж. Гаджибейли М.Э. Расулзаде с горечью отмечал, что «у грузин имеются II Интернационал и европейские друзья, при содействии которых они продвигают свои интересы. Мы же лишены таких возможностей. Поэтому единственным средством, с помощью которого мы можем заявить о своем существовании, является печать».²³

26 сентября 1923 года в Стамбуле увидел свет сигнальный номер журнала «Yeni Kafkasya»²⁴, ставший первым печатным органом в истории не только азербайджанской, но и всей тюрко-мусульманской эмиграции. Данное печатное издание, инициатором создания и фактическим редактором которого являлся М.Э. Расулзаде, объявило своей целью борьбу за свободу и независимость не только Азербайджана, но и всех поработанных большевиками народов советской империи. По меткому наблюдению азербайджанского исследователя В. Гулиева, в этом смысле журнал «Yeni Kafkasya» стал первой публичной трибуной не только для азербайджанских тюрков,

²³ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 301.

²⁴ Şimşir S. Azərbaycanın istiklal mücadelesi. S. 39.

но и для представителей других тюрко-мусульманских народов СССР — горцев Кавказа, татар, башкир, казахов и др. Наличие подобного издания позволяло им вести идеологическую работу, отстаивать свои национальные интересы.²⁵

Тем не менее, журнал «Yeni Kafkasiya» в первую очередь предназначался для азербайджанской аудитории, и его экземпляры распространялись не только среди эмигрантов, разбросанных по разным странам Европы и Востока, но тайными каналами доставлялись и в Азербайджан. Как и следовало ожидать, публикации журнала отличались ярко выраженной антибольшевистской направленностью. Разоблачая и показывая истинную сущность антинациональной политики большевиков в Азербайджане, журнал одновременно выступал в роли последовательного пропагандиста идеи азербайджанской независимости, вызывая тем самым явное раздражение и недовольство советских властей.

Карательными органами советского режима периодически проводились облавы и обыски внутри Азербайджана «с целью выяснить и обнаружить читателей «Yeni Kafkasiya». Именно в ходе одной из таких облав в Баку были арестованы М.Ю. Джафаров и известный азербайджанских архитектор Зивер бек Ахмедбеков.²⁶

Характерно, что на основе материалов, опубликованных в «Yeni Kafkasiya», А.М. Топчибаши составлял подробные заметки о положении в Азербайджане, и рассылал их как официальным структурам и СМИ ведущих европейских государств, так и лидерам кавказской эмиграции, проживающим в Париже.²⁷

²⁵ Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польшу (30-е годы XX века) / Сост., предисл. и прим. В. Гулиев. Торун, 2010. С. 11.

²⁶ Письмо М.Э. Расулзаде - А.М. Топчибаши. 05.03 1925 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 85.

²⁷ Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 18.09.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде. Переписка, С. 43.

Об эффективности пропаганды «Yeni Kafkasiya» нагляднее всего свидетельствует тот факт, что этот небольшой журнал в 16 страниц, выходящий раз в 2 недели, не давал покоя большевикам. Как отмечал М.Э. Расулзаде, азербайджанские газеты — «Коммунист» и «Бакинский рабочий» «уделяли ему немало энергии и полемического искусства. Маленькая заминка в издании журнала технического характера ознаменовалась в советском Баку, как большой праздник «пролетариата». Немало внимания обращали на этот стамбульский журнал туркестанские, татарские и грузинские большевистские газеты. Даже московская «Правда» не могла обойти молчанием разоблачения этого «эмигрантского журнальчика».²⁸ На публикации «Yeni Kafkasiya» вынужден был реагировать даже научно-академический журнал «Новый Восток».²⁹

Одной из примечательных публикаций журнала «Yeni Kafkasiya» стало открытое письмо М.Э. Расулзаде И.В. Сталину. Оно было опубликовано в пятом номере журнала в январе 1924 года. В нем он благодарил Сталина за свое освобождение. Он, в частности, писал: «Мои друзья очень удивились, узнав, что меня выпустили из тюрьмы «Особого отдела». И я их понимаю: ведь многих рабочих расстреливали только за то, что они были рядовыми членами мусаватской партии. Я же был ее лидером. Но это чудо оказалось возможным благодаря Вам, именно Вы вспомнили о нашей прежней дружбе и вытащили меня из Бакинской тюрьмы».³⁰

Но, даже выражая признательность И.В. Сталину за свое спасение, М.Э. Расулзаде остался верным своим принципам и не упустил возможности критиковать политику большевиков, отмечая, что «...пришедшая к власти коммунистическая

²⁸ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 72. Л. 124.

²⁹ *Məmmədzadə M.B. Milli Azərbaycan hərəkatı*. Bakı, 1992. S. 191.

³⁰ Yeni Kafkasiya. 1924. 23 Ocak.

партия, полностью отступив от своих прежних идеологических установок, решила вновь возродить Российскую империю».³¹

М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «это произошло вследствие имперских амбиций правящей верхушки и ведет к вполне определенным результатам. Замена великодержавного шовинизма рабочим космополитизмом ничего не меняет, по сути, и, в конечном итоге, тоже приводит к уничтожению малых наций. Кроме того, вы подавляете силой своего оружия национальные движения на Кавказе и в Туркестане и говорите, что делаете это в интересах местного пролетариата. Но ведь пролетариат возник здесь вследствие царской политики русификации и составляет ничтожное меньшинство. И ради интересов этого меньшинства вы без тени сомнения растоптали законное право абсолютного большинства местного населения на самоопределение и независимость».³²

Для М.Э. Расулзаде было совершенно очевидным, что «провозглашенная в Азербайджане и Туркестане диктатура пролетариата есть, в сущности, та же диктатура Москвы, и ничего больше. Когда столицей империи был Петроград, все было точно так же. И говорить всерьез об автономии, которую, якобы, получили бывшие независимые республики, просто невозможно. Азербайджанские ханства при первых царских наместниках на Кавказе были не менее самостоятельны, чем нынешние кавказские республики при секретарях Закрайкома».³³

Следует отметить, что относительно целей и задач журнала «Yeni Kafkasya» имелись определенные тактические расхождения между М.Э. Расулзаде и А.М. Топчибаши. Последний был полностью солидарен с М.Э. Расулзаде в том,

³¹ А.г.е.

³² А.г.е.

³³ А.г.е.

что «журнал не только по направлению, но и по своему содержанию должен быть исключительно антибольшевистским», и подвергать «неустанной и всесторонней критике ненавистный режим». ³⁴ При этом А.М. Топчибаши полагал, что «журнал этот, прежде всего, должен задаться целью воздействовать на турецкое общественное мнение в отношении русского большевизма вообще и, в частности, нынешнего положения нашей страны». ³⁵ Тем самым, А.М. Топчибаши надеялся вынудить турецких властей занять более активную позицию в азербайджанском вопросе.

Между тем, не отрицая значимость данной проблемы, М.Э. Расулзаде все же считал, что главная задача журнала «Yeni Kafkasya» заключается в том, чтобы «дать духовную пищу» азербайджанским эмигрантам, мобилизовать, сплотить и организовать их в борьбе за восстановление потерянной независимости родины. М.Э. Расулзаде полагал, что в условиях невозможности создания легально действующей политической структуры журнал должен выполнять функции публичного идейно-морального центра азербайджанской эмиграции. ³⁶

Думается, эти расхождения между А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде имели более глубокие корни. Дело в том, что А.М. Топчибаши явно переоценивал значение внешнего фактора в деле восстановления независимости Азербайджана. И, скорее всего, это было связано с его профессиональной деятельностью. В последние годы своей жизни он занимался дипломатической работой и активно контактировал с различными представителями политической элиты зарубежных государств. В результате этого у него сформировалось

³⁴ Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 15.04.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 32.

³⁵ Там же.

³⁶ Yeni Kafkasya. Y.2. S. 1. S. 2.

убеждение, что решающую роль в деле развала СССР, и, следовательно, восстановления независимости Азербайджана, будет играть политико-дипломатическое и военное давление европейских стран и Турции на большевистский режим.

Вот почему А.М. Топчибаши возлагал большие надежды, особенно в первые годы нахождения в эмиграции, на европейские страны и Турцию в деле освобождения поработанных народов СССР. Но этим надеждам не суждено было сбыться. И когда европейские государства одно за другим начали признавать большевистский режим и налаживать с ним отношения, он вынужден был констатировать, что «ряды наших доброжелателей из числа французских, английских и других политических деятелей все более редуют». ³⁷ В конечном итоге, А.М. Топчибаши осознал, что из-за восстановления государственной независимости республик Южного Кавказа европейцы и турки не собираются «портить отношения с Советами». ³⁸

Все это оказывало гнетущее влияние на А.М. Топчибаши. Учитывая, что душевная боль от подобных действий европейцев усугублялось трудным материальным положением и многочисленными болезнями, которыми он страдал, то не трудно представить себе психологическое состояние находящегося уже в преклонном возрасте А.М. Топчибаши. После признания СССР со стороны Англии и Италии, 9 февраля 1924 года А.М. Топчибаши пишет М.Э. Расулзаде: «Да, мы получили если не последний, все же сильный удар, отягчающий еще более наше и без того тяжелое положение. Получается крайне угнетающая атмосфера и это в связи еще с давно осадившим нас проклятым вопросом материального характера. И если при этом страдать еще и от болезни, то можно представить

³⁷ Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 07.04.1925 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 92.

³⁸ Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 15.04.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 28.

довольно-таки неотрадную картину!.. Но, велик Аллах!.. Надежды не теряю». ³⁹

В отличие от А.М. Топчибаши, М.Э. Расулзаде никогда особо не обольщался относительно искренности заявлений европейских политиков об их поддержке независимости кавказских народов. Это вовсе не означает, что он недооценивал такую поддержку со стороны европейской общественности и политических кругов. Просто он не хотел утверждения иждивенческих настроений в эмигрантской среде. Он не желал, чтобы его соратники по эмиграции, полагаясь исключительно на помощь европейских государств, рассчитывали бы на то, что в один прекрасный день европейцы придут и очистят их родину от большевистских оккупантов. Признание в середине 20-х гг. ведущими европейскими государствами большевистского режима окончательно убедило М.Э. Расулзаде в нереальности их военного вмешательства в отношении советской империи. ⁴⁰

Поэтому он настоятельно советовал в деле освобождения Азербайджана от большевистского ига опираться, прежде всего, на собственные силы. Исходя из этого, М.Э. Расулзаде несколько не сомневался в том, что «спасение родины зависит не столько от комбинаций европейских политиков и их дипломатических маневров, сколько от краха большевистской власти и от внутренних сил». ⁴¹

Об этом же М.Э. Расулзаде предупреждал А.М. Топчибаши в одном из своих писем: «Освобождение родины придет не извне, а произойдет в самой стране при посредстве местных сил. К ним обращены наши взоры, и это главным образом определяет линию нашего поведения. Поэтому в

³⁹ Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 09.02.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 24.

⁴⁰ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 281.

⁴¹ Там же. С. 281-282.

соответствии с этим мы прилагаем усилия и принимаем по- сильные меры к улучшению их организаций, снабжению не- обходимыми сведениями, поддержкой и пр.».⁴²

При этом, понимая, что борьба с большевизмом будет до- статочно продолжительной и изнурительной, М.Э. Расулза- де пытался предостеречь представителей азербайджанской и кавказской эмиграции от авантюрных шагов, способных еще больше осложнить условия борьбы за освобождение ре- гиона от большевистской оккупации. В этой связи неудиви- тельно, что он критически относился к планам грузинской эмиграции по организации летом 1924 года общенародного восстания в Грузии. Еще за полгода до этого восстания он предупреждал грузинских социал-демократов о нежелатель- ности и изначальной обреченности в данный момент подоб- ных выступлений.

Аргументируя свою позицию, М.Э. Расулзаде подчерки- вал, что «пока Россия не вовлечена в какую-нибудь серьезную войну или в России не вспыхнули серьезные осложнения, никакое вооруженное выступление не приведет к цели, и мы рискуем подвергать наши народы неслыханной катастро- фе, которая может отодвинуть дело освобождения на многие годы».⁴³

Трагические последствия августовского восстания 1924 г. в Грузии лишь подтвердили эти выводы М.Э. Расулзаде. Примечательно, что командующий повстанческими силами Грузии генерал С. Чавчавадзе также считал восстание бес- перспективным, поскольку большевики, осведомленные о намечающемся выступлении, срочно стянули войска в Тби- лиси и Батуми, которые были главными стратегическими целями повстанцев. Тем не менее, руководители грузинских

⁴² Письмо М.Э. Расулзаде - А.М. Топчибаши. 25.12.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 71.

⁴³ Письмо М.Э. Расулзаде - А.М. Топчибаши. 17.10.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 3

социал-демократов, чтобы привлечь внимание международ- ной общественности к ситуации в Грузии, все же решили приступить к реализации ранее подготовленного плана.

Хотя восстание против оккупантов охватило большин- ство сельских регионов Западной и отдельные районы Вос- точной Грузии, а некоторые регионы в течение недели нахо- дились в руках восставших, им не удалось овладеть ни Тби- лиси, ни Батуми, что, со своей стороны, обрекло восстание на поражение. Месть большевиков была беспредельной. В ходе кровавого подавления восстания и последовавших за этим репрессий большевиками было варварски истреблено около 5 тысяч человек. При этом репрессии не ограничились толь- ко Грузией, распространившись и на соседние южно-кавказ- ские республики, в том числе на Азербайджан. Усилились го- нения на мусаватское подполье внутри страны.⁴⁴

Как отмечает Г. Мамулия, «подавление восстания 1924 г. оставило глубокие следы в грузинском обществе, так как большевики уничтожили элиту нации: цвет интеллиген- ции, дворянства, предпринимателей, крестьянства, офице- ров, сформированных при старом режиме. Грузины поняли, что при создавшихся условиях было бы бессмысленно про- должать вооруженную борьбу».⁴⁵

Грузинские события еще больше укрепили убежден- ность М.Э. Расулзаде в том, что одним наскоком, одним ло- кальным ударом невозможно сокрушить набирающий силу большевистский режим. Реалистически оценивая ситуацию, с целью ведения успешной борьбы он предлагал принять тактику и стратегию, адекватно реагирующую на условия, существующие в Азербайджане и на Кавказе. Предвидя, что борьба за национальное освобождение будет продолжитель- ной и изнурительной, он считал первоочередной задачей

⁴⁴ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 85-86.

⁴⁵ Там же. С. 88.

сохранение и укрепления в самосознании азербайджанских тюрков идеи независимости Азербайджана и веры в возможность ее восстановления. В этой связи он советовал обратить особое внимание на наиболее энергичную и самоотверженную часть азербайджанской молодежи. По его мнению, именно эта молодежь должна была сыграть ключевую роль в деле освобождения родины.⁴⁶

В решении поставленных задач М.Э. Расулзаде важное место отводил журналу «Yeni Kafkasya». Неудивительно, что он сконцентрировал все свои усилия на обеспечении регулярного и своевременного издания журнала, хотя это и было сопряжено с многочисленными проблемами. В первую очередь, М.Э. Расулзаде приходилось решать серьезные финансовые проблемы. Не секрет, что среди представителей кавказской эмиграции именно политэмигранты из Азербайджана находились в наиболее бедственном положении. И это несмотря на то, что после апрельской оккупации 1920 года немало состоятельных людей, включая известных представителей национальной буржуазии, оказались за пределами страны. Но они не очень-то стремились поддержать деятельность азербайджанских политэмигрантов в материальном плане.

Так что неудивительно, что первые номера журнала «Yeni Kafkasya» выходили при финансовой поддержке грузин. Однако «с 10 № они прекратили материальную поддержку, ссылаясь на сокращение расходов», в результате чего журнал оказался в довольно критическом положении, задолжав значительную сумму типографии.⁴⁷

Правда, в этот период определенную материальную поддержку журналу оказывал А. Агаоглу, избранный в 1923 году депутатом турецкого парламента (ВНСТ). Подтверждением

⁴⁶ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 281.

⁴⁷ Письмо М.Э. Расулзаде - А.М. Топчибаши. 20.04.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 36.

тому является его шифрованное письмо от 14 марта 1924 года. В нем говорится об отправке М.Э. Расулзаде 350 лир. В связи с этим следует отметить, что в середине 20-х гг. М.Э. Расулзаде поддерживал тесную связь с А. Агаоглу. И это несмотря на то, что во многих важнейших политических и идеологических вопросах их позиции, мягко говоря, не совпадали.

В частности, А. Агаоглу, будучи убежденным тюркистом, выступал против разделения единого, по его мнению, тюркского мира на многочисленные самостоятельные государства. Он был последовательным сторонником государственного единства Азербайджана с Турцией. Между тем, в отличие от А. Агаоглу, подавляющее большинство азербайджанских политэмигрантов во главе с М.Э. Расулзаде ратовали за создание независимого Азербайджанского государства.

Тем не менее, А. Агаоглу оказывал посильную помощь находящимся в Турции азербайджанским политэмигрантам. М.Э. Расулзаде при личной встрече в Стамбуле с Ахмед беком даже просил последнего оказать содействие в трудоустройстве Джейхуна Гаджибейли, который собирался переехать из Парижа в Стамбул.⁴⁸ Правда, А. Агаоглу так и не смог ничем помочь в этом вопросе Дж. Гаджибейли. Но сам этот факт свидетельствует о весьма доверительных отношениях между М.Э. Расулзаде и А. Агаоглу.

Одновременно следует учесть, что хотя к тому времени А. Агаоглу был весьма влиятельной политической фигурой в Турции, его возможности в плане оказания не только материальной, но и морально-политической поддержки азербайджанской эмиграции были весьма ограничены. Дело в том, что его контакты с находящимися в Турции лидерами азербайджанской политэмиграции не поощрялись высшим турецким руководством, поскольку они противоречили официальному курсу Анкары по налаживанию дружбы и тесного

⁴⁸ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 278.

сотрудничества с Москвой. Здесь трудно не согласиться с М.Э. Расулзаде, который с болью в сердце писал Дж. Гаджибейли: «Верно, что Турция является нашей второй родиной. Но при этом необходимо учесть, что восточные страны не всегда прилежно выполняют родительские обязанности в отношении своих детей. Именно в этом заключается наша настоящая трагедия».⁴⁹

Более того, сам А. Агаоглу находился под пристальным наблюдением турецких спецслужб. В одном из донесений военной разведки Турции того периода выражается обеспокоенность тем, что средства в размере 12 тыс. лир, выделенные по личному распоряжению Мустафы Кемаль паши для поездки А. Агаоглу в Измир, могут быть переданы мусаватистам, обосновавшимся в стране.⁵⁰ Учитывая все эти обстоятельства, А. Агаоглу приходилось не афишировать свои контакты с азербайджанскими политэмигрантами, и вести тайную переписку с М.Э. Расулзаде. Впрочем, судя по вышеуказанным фактам, скрыть от турецких спецслужб свои связи с азербайджанскими политэмигрантами ему так и не удалось. И, скорее всего, под их давлением А. Агаоглу впоследствии вовсе прекратил связи с М.Э. Расулзаде и другими азербайджанскими эмигрантами.

В этих условиях, чтобы достать необходимые для издания «Yeni Kafkasya» средства, М.Э. Расулзаде приходилось демонстрировать чудеса предприимчивости. Частично расходы удавалось погасить за счет подписки на журнал. Наиболее активными в этом плане были азербайджанские эмигранты в Германии.

Впрочем, и здесь не все складывалось так гладко, как хотелось бы М.Э. Расулзаде. В частности, в Париже было лишь 1–2 подписчика «Yeni Kafkasya», хотя годовая подписка на

⁴⁹ Там же. С. 285.

⁵⁰ Qasımlı M. Azərbaycan türklərinin milli mücadele tarixi. S. 327.

журнал составляла всего 1,5 доллара.⁵¹ А ведь именно в Париже располагалась азербайджанская делегация. Здесь же обосновались многие представители азербайджанской буржуазии, эмигрировавшие после апрельской оккупации из страны. Во Франции также было немало азербайджанских студентов, в свое время отправленных правительством АДР туда для получения высшего образования.

Учитывая эти обстоятельства, М.Э. Расулзаде в письме, адресованном А.М. Топчибаши, отмечал, что «было бы лучше, если бы наши сородичи во Франции по примеру наших студентов в Германии или офицеров в Польше, а также эмигрантов в разных углах Анатолии и даже финляндских татар проявили бы интерес к журналу в виде хотя бы подписки. Думаю, что к этому их нужно побудить всеми мерами».⁵²

Ответ же А.М. Топчибаши на этот упрек М.Э. Расулзаде был достаточно симптоматичным: «Вы просите меня предложить находящимся здесь азербайджанцам подписаться на журнал и сотрудничать в нем. Верьте, что и без просьбы я считаю это долгом каждого из нас и поэтому не раз делал именно такого рода предложение. Особенно убеждал в посылке статей и корреспонденций, но, к сожалению, в ответ слышу лишь жалобы на тяжелое материальное положение, на отсутствие настроения, на неимение времени. Вы знаете, как овладевают людьми слабодушие, нервность и пр., и в особенности теми, кто не может, или не хочет найти в себе силы сопротивляться невзгодам жизни...»⁵³

В этой ситуации от полного финансового банкротства «Yeni Kafkasya» спасло лишь то, что местные отделения культурно-просветительского общества «Türk osakları»,

⁵¹ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 255.

⁵² Письмо М.Э. Расулзаде - А.М. Топчибаши. 17.10.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 54.

⁵³ Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 30.11.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 64.

количество которых на территории Турции доходило до 130-ти, подписались на журнал.⁵⁴ Созданное в свое время для изучения и пропаганды культурного наследия тюркских народов, а также идей тюркизма, это общество после прихода к власти Ататюрка направило все свои усилия на поддержку строительства национального государства в Турции. Находясь в эмиграции на турецкой земле, М.Э. Расулзаде тесно контактировал с «Türk osakları», в особенности, с молодыми членами этой организации, кумиром которых он являлся.

Характерно, что большинство азербайджанских эмигрантов, многие из которых занимали важные государственные посты в период независимости в 1918—1920 гг., не только не удосужились поддержать журнал в материальном плане, что можно было еще как-то оправдать, но даже проигнорировали настоятельные просьбы М.Э. Расулзаде писать статьи и заметки для журнала «Yeni Kafkasya». Они даже не считали нужным отвечать на подобные письма М.Э. Расулзаде.

Исключение составляли, пожалуй, лишь А.М. Топчибаши с Дж. Гаджибейли, которые хоть и нерегулярно, но все же писали для «Yeni Kafkasya». И это несмотря на то, что их материальное положение было ничем не лучше по сравнению с другими азербайджанскими эмигрантами. Как признавался А.М. Топчибаши, «я и Дж. Гаджибейли переживаем весьма затруднительное положение, оказавшись в невозможности удовлетворять насущные нужды наших семей, в том числе уплатить за наши квартиры».⁵⁵ В записке, адресованной Дж. Гаджибейли, А.М. Топчибаши жаловался на то, что из-за материальных затруднений не может позволить себе

⁵⁴ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 270-271.

⁵⁵ Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 30.11.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 58.

протелефонировать или же поехать к кому-либо: «...сизу без одного су!... Не могу выходить из дому».⁵⁶

Сын Дж. Гаджибейли был даже лишен возможности посещать уроки Collège Richelieu, поскольку родители оказались не в состоянии платить за его учебу.⁵⁷ Что же касается А.М. Топчибаши, то, помимо финансовых проблем, его одолевали многочисленные болезни. В частности, он страдал от болезни почек, а также от ревматизма в суставах пальцев рук, особенно правой, что зачастую лишало его «возможности брать перо в руки».⁵⁸ К тому же А.М. Топчибаши с трудом писал на родном языке, и по этой причине его статьи приходилось переводить на тюркский. В одном из своих писем А.М. Топчибаши признавался в том, что страдает «от такого своего недостатка».⁵⁹ Между тем, качество этих переводов зачастую вызывало обоснованное недовольство А.М. Топчибаши, поскольку находящийся в тисках материальных затруднений журнал был не в состоянии нанимать профессиональных переводчиков.

В подобных условиях вся тяжесть издания «Yeni Kafkasya» легла на плечи М.Э. Расулзаде, который был редактором и автором подавляющего большинства публикаций в журнале. Извиняющимся тоном он писал Дж. Гаджибейли: «Вы систематически пишете мне письма, а я не могу с той же регулярностью отвечать Вам. Поскольку, помимо занятости общими делами, приходится писать статьи для «Yeni Kafkasya». С этой точки зрения и тамошние, и здешние наши товарищи очень мало помогают нам».⁶⁰

⁵⁶ Государственный архив литературы и искусства Азербайджанской Республики им. С. Мумтаза. Ф. 649. Оп. 3. Д. 102. Л. 4.

⁵⁷ Государственный архив литературы и искусства Азербайджанской Республики им. С. Мумтаза. Ф. 649. Оп. 3. Д. 103. Л. 1.

⁵⁸ Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 07.04.1925 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 93.

⁵⁹ Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 15.04.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 32.

⁶⁰ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 265.

Кроме того, ему приходилось заниматься не только творческими вопросами, но и решать многочисленные организационно-технические и финансовые проблемы «Yeni Kafkasya». Характеризуя свое положение в журнале, М.Э. Расулзаде 17 апреля 1924 года пишет Дж. Гаджибейли: «Приходиться отвечать одновременно на несколько ваших писем. Не считите это за неуважение, поскольку я очень занят. На прошлой неделе болел ангиной. Тем не менее, в таком состоянии мне пришлось подготовить очередной номер журнала. Я настолько одинок, что приходится отказывать себе даже в праве болеть. Наши здешние товарищи не владеют на должном уровне тюркским языком, к тому же они не обладают необходимыми журналистскими навыками, чтобы заполнить журнал нужными статьями».⁶¹

А. Шейхульисламов, ставший невольным свидетелем этой болезни М.Э. Расулзаде, в своем письме от 12 апреля 1924 года так описывает обстановку в его комнате: «Эмин бея нашел больным. Обстановка трогательная. Комната завалена газетами и книгами. Над кроватью висит азербайджанская карта. Во всем видна преданная азербайджанской идее работа».⁶² Заметим, что это пишет человек, который был в весьма натянутых отношениях с М.Э. Расулзаде практически на всем протяжении эмигрантской жизни.

Некоторые представители азербайджанской эмиграции не только отказывались содействовать изданию «Yeni Kafkasya», но даже с сарказмом относились к деятельности М.Э. Расулзаде в этой сфере. В частности, Хосров бек Султанов, возомнивший себя мессией, которому суждено стать спасителем поработенной большевиками Родины, считал, что М.Э. Расулзаде просто занимается маранием бумаги.⁶³

⁶¹ Там же. С. 267.

⁶² РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 82. Л. 34.

⁶³ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 274.

Однако М.Э. Расулзаде пытался не обращать особого внимания на подобные выпады отдельных представителей азербайджанской эмиграции. Он лишь советовал любителям интриг и «партизанщины» заниматься более полезными делами, в частности, «на деле доказывать свою причастность к национальной борьбе, проявлением которой являются восемь номеров «Yeni Kafkasya», выпущенных в течение последних четырех месяцев. По-моему, не следует опасаться негативных поступков интриганов, которые не годятся для полезных дел. Национальная борьба имеет всеохватывающую и общую пользу. И эта борьба продолжается группой энергичных людей. А люди, способные лишь на негативные действия, пусть продолжают распускать слюни».⁶⁴

В отличие от не очень искушенного в политических вопросах Х. Султанова, большевистское руководство было далеко от недооценки подобной работы М.Э. Расулзаде. Оно прекрасно осознавало, какую именно опасность представляет для большевистского режима политическая и издательская деятельность М.Э. Расулзаде. За короткое время пребывания в Стамбуле М.Э. Расулзаде превратился в самую заметную фигуру азербайджанской эмиграции, инициативы которой уже невозможно было замалчивать.

Тем более что деятельность М.Э. Расулзаде не ограничивалась только изданием журнала «Yeni Kafkasya». В Стамбуле он активно занимался исследовательской работой, в частности, обобщением и анализом опыта национального движения в начале XX века. В 1923 году в Стамбуле издаются его работы — «Азербайджанская Республика» и «Сиявуш нашего времени»,⁶⁵ а несколько позже — «Идеология независимости

⁶⁴ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. Там же. С. 253.

⁶⁵ *Resulzade M.E. Azerbaijan Cumhuriyeti: Keyfiyeti-Teşekkülü ve Şimdiki Vaziyeti.* İstanbul, 1923; *Asrımızın Siyavyuşu.* İstanbul, 1923.

и молодежь». ⁶⁶ В этих трудах, научную значимость которых трудно переоценить, М.Э. Расулзаде дает скрупулезный анализ событий новой и новейшей истории Азербайджана. На основе конкретных исторических фактов он доказывает, что провозглашение в мае 1918 года Азербайджанской Демократической Республики стало следствием национального возрождения и политического пробуждения азербайджанских тюрок в ходе модернизационных процессов, охвативших азербайджанское общество в конце XIX и начале XX века.

Вместе с тем, там он открыто высказывается о слабых сторонах национального движения, которые были обусловлены объективными факторами, и, прежде всего, незрелостью и зародышевым состоянием национального самосознания. Причем, по мнению М.Э. Расулзаде, эти недостатки были характерны не только для азербайджанских тюрок, но и для других кавказских народов. Чтобы наглядно продемонстрировать эти недостатки он в статье «Идеология независимости и молодежь» сравнивает национальные движения народов Южного Кавказа и Балтии. Здесь особый интерес представляет сравнительный анализ содержания «Акт о независимости» Азербайджана и Грузии, с одной стороны, и Эстонии, с другой.

Как отмечает М.Э. Расулзаде, еще в апреле 1918 года объявление Закавказским Сеймом независимости Южного Кавказа воспринималось не как долгожданное счастливое событие, а как меньшее зло, избежать которого в сложившейся тогда ситуации не представлялось возможным. Таким же вынужденным шагом являлось и провозглашение независимости Грузии, Азербайджана и Армении после распада Сейма в конце мая 1918 года. По словам М.Э. Расулзаде, по крайней мере, авторы документов, на основании которых была

⁶⁶ *Resulzade M.E. İstiklal mefküresi ve gençlik. İstanbul, 1924.*

провозглашена независимость трех южно-кавказских республик, считали этот шаг «печальной неизбежностью». ⁶⁷

В качестве подтверждения своих слов М.Э. Расулзаде приводит вступительную часть «Акта о независимости Азербайджана»: «В ходе великой российской революции в России установился политический строй, который повлек за собой распад отдельных частей государственного организма и оставление русскими войсками Закавказья. Предоставленные собственным своим силам народы Закавказья взяли в свои руки дело устроения своих судеб и создали Закавказскую Демократическую Федеративную Республику. Однако в дальнейшем ходе политических событий грузинский народ счел за благо выделиться из состава Закавказской Федеративной Республики и образовать независимую Грузинскую Демократическую Республику.

Нынешнее политическое положение Азербайджана, связанное с ликвидацией войны, возникшей между Россией и Османской империей, а также небывалая анархия внутри страны повелительно диктует Азербайджану, состоящему из Восточного и Южного Закавказья, необходимость создания собственной государственной организации, дабы вывести народы Азербайджана из того тяжелого внутреннего и внешнего положения, в котором они оказались.

На основании этого Национальный Совет Азербайджана, избранный народным голосованием, ныне всенародно объявляет: Отныне народы Азербайджана являются носителями суверенных прав, а Азербайджан, состоящий из Восточного и Южного Закавказья, полноправным независимым государством...»⁶⁸

Как подчеркивает М.Э. Расулзаде, из текста этого документа отчетливо видно, что «независимость Азербайджана

⁶⁷ *Rəsulzadə M.Ə. İstiqlal məfkurəsi və gənclik // Azadlıq. 1990. 31 dekabr.*

⁶⁸ *A.g.e.*

воспринимается как средство, к которому с сожалением вынуждены были прибегнуть ради спасения от гибели нации, «оставленной» прежними хозяевами и погрузившейся в пучину «небывалой анархии». «Государство» распалось, возникла критическая ситуация, грузины ушли, и мы волей-неволей вынуждены были управлять собою и объявить свою независимость». Продолжая свою мысль, М.Э. Расулзаде далее пишет: «Давайте признаемся в том, что этот текст написан не политиками и революционерами нации, боровшимися за свою независимость и жаждущими свободы, а «проницательными» лицами, которые под влиянием страха от рухнувшего царства и величия, и от неожиданности событий думают и представляют себе завтрашнюю ответственность, пытаясь заранее обеспечить себя смягчающим алиби для оправдания». ⁶⁹

Как отмечает М.Э. Расулзаде, аналогичный недостаток был характерен и для грузинской декларации. Вернее сказать, авторы азербайджанской декларации о независимости переняли эту слабость у грузин. Ведь и грузинская декларация считала независимость «меньшим злом» в тогдашних условиях, когда, в первую очередь, из-за «сепаратизма» мусульман грузины просто вынуждены были выйти из состава Закавказской Федерации и провозгласить свою независимость. Там самым, как подчеркивает М.Э. Расулзаде, авторы грузинской декларации обеспечили себе «алиби» перед будущим обвинительным актом прокурора.

Сравнивая декларации независимости южно-кавказских народов с аналогичными актами балтийских наций, М.Э. Расулзаде приходит к выводу, что эстонцы, литовцы и латыши при провозглашении государственной независимости руководствовались совсем другими «мотивами». В отличие от азербайджанских тюрков и грузин, они изначально были

⁶⁹ А.г.е.

готовы к этому историческому шагу, и для них независимость не стала неожиданностью или «меньшим злом».

В этой связи неудивительно, что Декларация о независимости, принятая 19 мая 1919 года Эстонским Учредительным собранием гласит: «Вот уже шесть месяцев лучшие сыны нашего народа защищают эстонскую государственную самостоятельность и независимость, принося бесчисленные жертвы. Эстонский народ ведет напряженную сверхчеловеческую борьбу с насильнической большевистской Россией за свое право на жизнь и это свое драгоценнейшее достояние эстонский народ намерен защищать до последней капли крови. Эстонский народ решительным образом разрывает все те связи, которые соединяли его с Россией, и с горечью вспоминает всю несправедливость, которую он терпел от русского государства или его попусшением. Россия как мачеха обращалась с эстонским народом. Она отстранила нас от управления нашей родиной, русифицировала школу, органы власти и суды. Не исправила эту ситуацию и русская революция. Отныне Эстония не желает иметь какие-либо связи с Россией и отказывается от всех связей с ней».

Как справедливо отмечает М.Э. Расулзаде, в отличие от кавказских народов, которые проливали слезы в связи «с уходом России», эстонцы, латыши и литовцы, воспользовавшись представившимся историческим шансом, с оружием в руках встали на защиту собственной свободы и независимости. Только в одном бою с большевистскими ордами маленькая Эстония потеряла 15 000 бойцов, среди которых насчитывалось 500 офицеров высшего чина. ⁷⁰

М.Э. Расулзаде считает вполне естественным и закономерным подобное различие в поведении политических лидеров национальных движений народов Южного Кавказа и Балтии. По его мнению, это объясняется тем, что балтийские

⁷⁰ *Rasulzadə M.ə. İstiqlal məfkurəsi və gənclik // Azadlıq. 1990. 31 dekabr.*

народы раньше южно-кавказских осознали себя как единая нация и сформулировали свои национальные идеалы. Например, в отличие от азербайджанских тюрков, эти народы еще в ходе событий 1905 года требовали предоставления им автономии и национальной независимости. Поэтому народы Балтии в достаточно зрелом состоянии встретили крах русского империализма в 1917—1918 гг. Таким образом, если декларации независимости южно-кавказских народов были лишь вынужденной реакцией на сложившиеся обстоятельства, продиктованной инстинктом самосохранения, то аналогичные документы балтийских народов являлись давно ожидаемым и осознанным шагом. Неудивительно, что они смогли воспользоваться представившейся им возможностью для реализации своих политических целей и национальных идеалов, в то время как народы Южного Кавказа оказались не в состоянии защитить и сохранить свою независимость.

Характерно, что при этом М.Э. Расулзаде не видел причин для особого пессимизма. Как он подчеркивал, опыт, приобретенный балтийскими народами в 1905 году, азербайджанские тюрки получили лишь в 1918—1919 гг. И хотя идею национальной независимости Азербайджана не удалось до конца воплотить в реальность, она была обретена в сознании и продолжает существовать в помыслах азербайджанских тюрков. М.Э. Расулзаде был твердо убежден в том, что азербайджанская молодежь, опираясь на опыт 1918—1919 гг., в будущем восстановит государственную независимость страны, и напишет еще декларацию независимости лучше эстонской.⁷¹

Эти аналитические работы М.Э. Расулзаде, в особенности «Азербайджанская Республика», привлекли пристальное внимание не только печати, но и научной общественности Турции и других европейских стран. Многочисленные рецензии на

⁷¹ A.g.e.

данную работу появились на страницах турецких периодических изданий — «Tanin», «İkdam», «Akşam», «Yeni mecmua» и др. Профессор Венского университета, востоковед др. Краелич посвятил этой работе специальную статью, опубликованную в венской газете «Die Deutschösterreichische Tages-Zeitung».⁷²

Это обстоятельство сильно тревожило и беспокоило советские власти, проявлением чего является тот факт, что И. Сталин решил лично отреагировать на издание данной работы М.Э. Расулзаде. В письме руководителям Заккрайкома и партийной организации Азербайджана от 16 сентября 1923 года советский вождь советовал подготовить ответный «разоблачительный» пропагандистский материал:

«Мои советы гг. Мусабекову, Мирзояну, Ахундову, Кирову, Орахелашвили по поводу реакционной брошюры Расулзаде. Общий тон брошюры против Расулзаде должен быть наступательным. Ни в коем случае не оправдываться, а наступать, обвиняя его в следующих грехах:

1. В ренегатстве. Он был большевиком, но изменил нам.
2. В измене интересам самих турок. Так как он сам и его партия «Мусават» мешали Красной армии помогать туркам, препятствовали взятию Баку.
3. В измене азербайджанскому народу. Препятствовали передаче земли крестьянам и ликвидации владений беков.
4. В измене интересам всех народов Востока и помощи Англии в сохранении колониального господства над мусульманами.
5. В организации армяно-татарской резни. Обозвать его азербайджанским Пуришкевичем.
6. Обвинить в организации шамхорского погрома. Обозвать его азербайджанским погромщиком.

Нужно прямо указать, что Расулзаде является отсталым, невежественным, средневековым утопистом, поскольку он

⁷² Məmmədzadə M.B. Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 181-183.

не понимает того простого факта, что мир раскололся на два основных лагеря, лагерь советских республик и лагерь империалистических держав, что угнетенные народы должны пристать либо к одному лагерю, либо к другому, что необходимо стоять либо за советские республики против империализма, либо за империализм против советских республик, что тот, кто старается занять третью позицию, он либо прикрывает свою измену угнетенным народам в пользу империализма лживыми фразами о несуществующей и неосуществимой третьей позиции, либо он является невежественным алхимиком, невежественным и утопическим попом от мелкотравчатого и бесхребетного национализма. Только круглые идиоты могут утверждать, что при буржуазной России мыслимы свободные Турция, Персия, Азербайджан и пр. Только круглые идиоты могут забыть, что буржуазная Россия расширялась (и будет расширяться) лишь за счет Турции и Персии и лишь в союзе с Англией и прочими империалистическими державами. И т. д. и т. д.

Я думаю, что брошюра будет вполне удовлетворительной, если будут учтены при ее составлении все эти (и подобные им) тезисы». ⁷³

Получив это указание Сталина, тогдашний председатель Совнаркома Азербайджана Г. Мусабеков написал директору Музея революции и Института С.Г. Шаумяна в Баку Я. Ратгаузеру: «Очень прошу Вас предоставить в мое распоряжение необходимые материалы, имеющиеся в музее революции, для составления мною брошюры, согласно тезисам т. Сталина». ⁷⁴

Руководствуясь указаниями «отца народов», большевистские власти Азербайджана развернули ширококомаштабную пропагандистскую кампанию с целью пресечения

⁷³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее - РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 1. Д. 4491. Л. 1-2.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4491. Л. 1.

«негативного» влияния «реакционной деятельности» мусаватистов за рубежом на сознание азербайджанских масс внутри страны. Начиная примерно с середины 1923 года, страницы бакинской и тифлисской печати пестрят «разоблачительными» материалами, посвященными деятельности азербайджанской эмиграции. Причем, авторами этих публикаций были не рядовые члены большевистской партии, а руководящие работники партийно-правительственного аппарата Азербайджана — Д. Буниатзаде, М.Д. Гусейнов, Р. Ахундов, А. Караев, М. Кулиев и др. ⁷⁵

Выступая летом 1923 года на XII Общебакинской конференции АКП (б), первый секретарь Закавказского крайкома коммунистической партии К.Г. Орджоникидзе подчеркивал, что «мусаватисты дискредитируют национальную политику большевиков в глазах народов Востока. Они пытаются доказать, что сегодня независимого Азербайджана не существует, и Азербайджан управляется русскими». ⁷⁶ Но, как правильно заметил М.Э. Расулзаде, подобная деятельность большевиков, направленная якобы на «дискредитацию» мусаватистов, на самом деле давала обратный эффект, способствуя пропаганде и распространению идеи независимости Азербайджана. ⁷⁷

Более того, если бы не деятельность азербайджанской эмиграции, то Кремль, очевидно, вообще не вспомнил бы о такой важнейшей проблеме, как национализация государственных учреждений Азербайджана. Именно под

⁷⁵ См.: Буниатзаде Д. Мусаватисты. (Мусаватисты-тюркофилы) // Заря Востока. 1923. 6 июля; Гусейнов М.Д. Идея о независимости Азербайджана и партия «Мусават» // Заря Востока. 1925, 28 апреля; Караев А. Из недавнего прошлого. Баку, 1926; Кулиев М. Наследие проклятого прошлого. (По материалам мусаватского архива) // Бакинский рабочий. 1927, 25 июля; Его же. Тюркская культура и мусаватисты // Бакинский рабочий. 1927. 15 июня; Ахундов Р. Доклад по национальному вопросу // Стенографический отчет XII Общебакинской конференции АКП (6-12 июня 1923 г.). Баку, 1923; и др.

⁷⁶ Маммадзаде М.В. Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 184.

⁷⁷ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 257.

прессингом критики «Yeni Kafkasya» большевики, хотя бы для видимости, вынуждены были уделить определенное внимание данной проблеме. Так, Г.К. Орджоникидзе в вышеупомянутом выступлении, заявив о том, что у него в портфеле лежит книга М.Э. Расулзаде, одновременно дал указание о немедленном устранении существующих дефектов в деле «национализации учреждений Азербайджана». Он заговорил о необходимости привлечения азербайджанских тюрок к работе в госучреждениях, и не потому, что этого требует М.Э. Расулзаде, а поскольку «эта наша настоящая задача» и «Азербайджан должен быть примерной республикой для всего Востока».⁷⁸

Таким образом, благодаря деятельности М.Э. Расулзаде, голос азербайджанской эмиграции вновь был услышан мировой общественностью и прессой, что объективно способствовало актуализации азербайджанского вопроса. Так, до появления в эмиграции М.Э. Расулзаде в общественно-политических кругах европейских стран в целом доминировало мнение о том, что период независимости Азербайджана был лишь преходящим и случайным событием истории. Но за относительно короткий период времени М.Э. Расулзаде удалось кардинально изменить эту неблагоприятную для национальных сил ситуацию и привлечь внимание европейских государств к проблеме Азербайджана. Правящие круги европейских стран, среди которых особой активностью выделялись Польша, Франция и Германия, начали проявлять заинтересованность в налаживании контактов с азербайджанской политэмиграцией.

Как бы ни был сосредоточен М.Э. Расулзаде на борьбе за азербайджанский идеал, его не могли не волновать личные проблемы, и, прежде всего, судьба своих родных, оставшихся

⁷⁸ Расулзаде М.Э. Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002. №2. С. 8.

в Азербайджане фактически в положении заложников большевистского режима. Правда, многочисленные соратники М.Э. Расулзаде в один голос утверждают, что он не любил прилюдно обсуждать проблемы своей семьи. Более того, он в достаточно жесткой форме пресекал любые разговоры на эту тему, напоминая своим товарищам по эмигрантской деятельности о том, что они ведут «не личную, а национальную борьбу». Хотя он прекрасно осознавал, что соратники интересовались этой проблемой исключительно из добрых побуждений, пытаясь как-то поддержать и смягчить его переживания из-за разлуки с семьей.

Безусловно, это вовсе не означало, что его не волнует судьба родных и близких. Скорее всего, это было своеобразной защитной реакцией М.Э. Расулзаде, поскольку он не любил демонстрировать личные переживания и чувства, связанные с разлукой с семьей. К тому же он стремился дополнительно не обременять и без того тяжелую жизнь своих товарищей по эмиграции собственными проблемами. Переживаниями, связанными с семьей, М.Э. Расулзаде предпочитал делиться лишь с весьма ограниченным кругом наиболее близких ему людей, одним из которых в начальный период эмигрантской жизни являлся Дж. Гаджибейли. Переписка с Дж. Гаджибейли показывает, что он постоянно искал пути, чтобы выволить родных из большевистского плена. Судя по этим письмам, с момента своего появления в Стамбуле М.Э. Расулзаде прилагал отчаянные усилия, чтобы добиться приезда своей семьи в Турцию.

Следует отметить, что до 1929 года, т. е. до введения в СССР жесткой почтовой цензуры, М.Э. Расулзаде регулярно переписывался с родными в Баку. Он периодически получал информацию о состоянии их здоровья, был в курсе всех событий, происходивших в семье, и оказывал им посильную материальную помощь, пытаясь тем самым хоть чуточку облегчить их положение.

Так, поддерживая желание Дж. Гаджибейли переселиться из Франции в Турцию, М.Э. Расулзаде в письме от 16 января 1924 года писал: «Ваше решение о переезде сюда очень важно, особенно с точки зрения воспитания детей. Я тоже хочу перевезти сюда свою семью. Посмотрим, будет ли это возможным? Мои дети этой весной переболели малярией. А супруга страдала от болей в сердце — сейчас ей стало немного легче. Ваши дети получают хотя и иностранное, но зато культурное воспитание. А какое воспитание у моих детей — известно...».⁷⁹

Как видно из содержания данного письма, М.Э. Расулзаде, в первую очередь, беспокоил тот факт, что оставшиеся в Азербайджане его дети не смогут получить необходимого воспитания. Поэтому неудивительно, что в начале марта 1924 года в письме Дж. Гаджибейли он вновь отмечает, что переезд семьи является одной из самых неотложных его задач, и при первой же возможности он постарается осуществить эту затею.⁸⁰ А в письме от 24 ноября 1924 года еще раз повторяет, что «хотел бы семью привести сюда. Они там несколько раз попытались, но пока безрезультатно. Бедные, очень там скучают. И я тут беспокоюсь».⁸¹

Судя по всему, в начале 1925 года появились определенные надежды, что проблема воссоединения с семьей наконец-то получит свое разрешение. Подтверждением тому является письмо, адресованное Дж. Гаджибейли от 1 февраля 1925 года, в котором М.Э. Расулзаде подчеркивает, что «вскоре появится возможность для приезда семьи сюда. Посмотрим, что получится».⁸²

Впрочем, вскоре выяснилось, что большевистские власти не собираются выпускать родных М.Э. Расулзаде из страны,

⁷⁹ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 252.

⁸⁰ Там же. С. 261-262.

⁸¹ Там же. С. 266.

⁸² Там же. С. 281.

поскольку семья являлась достаточно эффективным рычагом давления на него. И большевики не собирались добровольно отказываться от подобного средства воздействия на опасного для них политика. По крайней мере, из содержания письма М.Э. Расулзаде от 19 июля 1925 года видно, что его супруга Уммюль-бану несколько раз обращалась с подобной просьбой в соответствующие органы, но ей неизменно отказывали или же советовали подождать.⁸³

Трагическая участь семьи М.Э. Расулзаде в период репрессий в конце 30-х гг. стала подтверждением самых страшных предположений. Как известно, Мамед Эмин бей имел четырех детей от брака с Уммюль-бану — двух дочерей (Лятифа и Халида) и двух сыновей (Расул и Азер). В момент последней встречи Мамед Эмина со своими родными в ноябре 1920 года, перед отбытием со Сталиным в Москву, самому старшему ребенку семьи — дочери Лятифе исполнилось всего 8 лет, а младший Азер был двухмесячным грудным младенцем. Больше Мамед Эмину так и не суждено было увидеть своих родных.

Репрессии в отношении семьи М.Э. Расулзаде начались летом 1937 года с ареста его старшего сына — Расула. После месяцев истязаний и пыток в казематах НКВД Расул был приговорен пресловутой «тройкой» к расстрелу, и приговор был приведен в исполнение 1 марта 1938 года. К тому моменту Расулу исполнилось всего 19 лет.

Вслед за Расулом в том же 1937 году были арестованы и остальные члены семьи М.Э. Расулзаде — его супруга Уммюль-бану, дочь — Халида, сын — Азер и даже 70-летняя мачеха — Марал ханум. Как известно, Мамед Эмин очень рано потерял свою родную мать — Зинят ханум, после чего его отец женился на Марал ханум. Маленького Мамед Эмина и его сестру — Шахрабану фактически воспитала и поставила на

⁸³ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 276.

ногу Марал ханум, в полном смысле слова заменив им родную мать. Поэтому Мамед Эмин относился к ней, как к родной матери.

По свидетельству очевидцев, во время ареста Марал ханум, имея в виду И.В. Сталина, в сердцах бросила сотруднику НКВД: «Сообщите этому усатому, что арестовали тетюшку Марал. Арестовали ту женщину, которая столько раз его поила и кормила, давала ему приют в своем доме». ⁸⁴ Эта был крик отчаяния старой женщины, так и не услышанный палачами НКВД.

После долгих месяцев содержания в невыносимых условиях в различных тюрьмах Азербайджана всю семью М.Э. Расулзаде выслали в Казахстан, где скоро от голода и холода скончалась Марал ханум. В 1940 году, не выдержав трудных испытаний, в особенности потерю своего старшего сына Расула, умерла супруга Мамед Эмина — Уммүль-бану ханум. Похоронив родную мать в казахстанских степях, младшая дочь Мамед Эмина — Халида решила тайно вернуться в Баку. Хотя это ей и удалось, но вскоре после прибытия туда она пропала без вести. Таким образом, от репрессий 30-х гг. удалось спастись лишь младшему сыну М.Э. Расулзаде — Азеру, которому пришлось практически в одиночку выдержать все суровые условия и трудности ссыльной жизни в казахских степях. Практически всю свою сознательную жизнь он провел вдали от родины — в Казахстане. ⁸⁵

Не обошли стороной репрессии и старшую дочь Мамед Эмина Лятифу ханум, которая была замужем и имела троих дочерей. Однако это обстоятельство ее не спасло. Сначала арестовали мужа Лятифы ханум, а затем пришли за ней и ее детьми. Младшая дочь Лятифы ханум — Сона в момент ареста находилась в детском санатории, и матери даже не

⁸⁴ *Yağublu N. Məmməd Əmin Rəsulzadə. Bakı, 1991. S. 20.*

⁸⁵ *A.g.e. S. 270-272.*

разрешили забрать ее оттуда. О дальнейшей судьбе маленькой Соны до сих пор ничего не известно. Лятифу ханум вместе с двумя дочерьми также выслали в Казахстан, где ее замерзшей вместе с дочерью Эвшан утром одного из морозных январских дней 1944 года обнаружила старшая дочь — 13-летняя Фируза. ⁸⁶

Родную же сестру Мамед Эмина, Шахрабану ханум, от репрессий спасло лишь то обстоятельство, что, не выдержав преследований, она скорострительно скончалась от разрыва сердца. Таким образом, из большой семьи М.Э. Расулзаде в ходе репрессий 30-х гг. удалось выжить лишь его сыну Азеру и внучке Фирузе ханум.

Между тем, в конце 20-х гг. М.Э. Расулзаде все еще жил с надеждой, что ему удастся выволить своих родных из когтей большевистского режима. Например, 10 августа 1928 года он пишет Дж. Гаджибейли о своих переживаниях относительно судьбы родных, и одновременно сообщает о продолжении собственных усилий, чтобы добиться их переезда в Стамбул. В нем он также подчеркивает, что получил письмо от дочери, где она жалуется на тяжелое материальное положение семьи и просит прислать деньги. И, как сообщает М.Э. Расулзаде, все имевшиеся у него средства он тот час же отправил в Баку. ⁸⁷ Это одно из последних писем М.Э. Расулзаде, где он затрагивал проблему своей семьи.

Еще одним ударом для М.Э. Расулзаде стала кончина его отца Гаджи Алекбера Расулзаде, информация о которой была напечатана 15 марта 1927 года в журнале «Yeni Kafkasya». ⁸⁸ Как подчеркивалось в напечатанном в связи с этим событием некрологе, несмотря на давление властей, земляки Гаджи Алекбера Расулзаде с большим почтением проводили его

⁸⁶ *A.g.e., S. 271.*

⁸⁷ *Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 298.*

⁸⁸ *Yeni Kafkasya. Yıl: 4. Sayı: 11-12. S. 19.*

в последний путь. Многие даже закрыли свои лавки, чтобы участвовать в его похоронах. И это несмотря на то, что большевистские власти, в частности ОГПУ, заранее предупредило людей, что даже выражение обычного в этих случаях человеческого сочувствия и соболезнования этой семье, не говоря уж об участии в похоронной процессии, будет считаться враждебным поступком в отношении существующего режима.⁸⁹ Тем не менее, подавляющее большинство жителей Новыханы сочло своим долгом отдать последнюю дань уважения покойному Гаджи Алекберу Расулзаде.

Выражая благодарность Дж. Гаджибейли за соболезнование в связи с кончиной отца, М.Э. Расулзаде 12 апреля 1927 года пишет: «Хотя отец был уже пожилым, но его печальный уход в разлуке меня очень расстроил. Несчастный, даже в последние минуты жизни, говоря об этой разлуке, навечно сомкнул глаза». При этом он выражает убежденность в том, что «единственным нашим утешением может быть лишь деятельность, направленная на спасение Родины от врагов, где отец, даже умирая, так и не нашел покоя».⁹⁰

Однако ни исковерканные и уничтоженные чудовищной машиной репрессий И.В. Сталина судьбы родных и близких, ни горечь чужбины, ни преследования советских спецслужб не могли сломить волю и решимость М.Э. Расулзаде в борьбе за осуществление идеи азербайджанской независимости, верность которой он сохранял всю свою жизнь. Напротив, все эти нечеловеческие испытания, выпавшие на долю М.Э. Расулзаде, лишь укрепляли в нем убежденность в правоте избранного им пути, который, по его замыслу, должен был привести в конечном итоге к национальному освобождению азербайджанских тюрок и восстановлению государственной независимости Азербайджана. Вся кипучая

⁸⁹ Yeni Kafkasya. Yıl: 4. Sayı: 11-12. S. 19.

⁹⁰ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 291.

деятельность М.Э. Расулзаде в эмиграции свидетельствует о том, что он ни на секунду не сомневался в возможности реализации этого идеала. И все его действия были подчинены выполнению этой задачи.

Глава II.

Борьба за единство азербайджанской эмиграции. Создание Азербайджанского национального центра (1925—1930)

Создание Заграничного бюро партии «Мусават» и информационно-пропагандистского рупора национального движения азербайджанских тюрков за пределами страны — журнала «Yeni Kafkasya», несомненно, явились большим шагом вперед в оживлении деятельности азербайджанской эмиграции. Однако М.Э. Расулзаде прекрасно понимал, что «в борьбе за азербайджанский идеал» нельзя ограничиваться лишь реанимацией и усилением деятельности партии «Мусават». Предпосылкой успеха он считал консолидацию действий всех политических сил Азербайджана, представленных в эмиграции. Поэтому Мамед Эмин бей много работал в плане объединения различных течений азербайджанской эмиграции на основе общей политической и организационной платформы.

Основой для такого объединения мог бы стать Азербайджанский комитет, созданный эмигрантами в начале 1924 года в Стамбуле. К сожалению, не только в азербайджанской, но и в турецкой историографии утвердилось ошибочное мнение о том, что данный комитет является Азербайджанским национальным центром. Указывается даже конкретная дата создания этой структуры — 28 апреля 1924 года.⁹¹

⁹¹ См. например: *Şimşir S. Azərbaycan'ın istiklal mücadelesi. İstanbul, 2006, S. 28; Yağublu N. Müsavat partiyasının tarixi. Bakı, 1997. S. 174.*

Между тем, подобные утверждения не соответствуют историческим фактам, поскольку АНЦ возник несколько позже, лишь в 1927 году. Подтверждением тому являются многочисленные документы, в том числе письма самого М.Э. Расулзаде. В частности, в письме от 5 марта 1927 года, адресованном дипломатическому представителю Грузинского национального правительства в Стамбуле С.Г. Мдивани, М.Э. Расулзаде информирует его «об образовании 26 февраля сего года Азербайджанского национального центра, в состав которого входят представители всех активных политических партий и течений, борющихся за независимость Азербайджана. Местом нахождения центра назначен Константинополь, как город сравнительно близко стоящий к стране, а также как главный пункт сосредоточения зарубежных азербайджанцев».⁹²

Далее мы более подробно расскажем об истории возникновения Азербайджанского национального центра и предшествовавших этому событию процессах. В данном же случае еще раз приходится констатировать, что существовавший в 1924 году в Стамбуле Азербайджанский комитет не имел ничего общего с АНЦ. Этот комитет первоначально возглавлял Муса бек Рафиев, бывший во втором (1918 г.) и пятом (1920 г.) правительственных кабинетах министром призрения и здравоохранения АДР. После его отставки в октябре 1924 года полномочия председателя Азербайджанского комитета были возложены на М.Э. Расулзаде.⁹³

Эта структура была достаточно представительной организацией, объединяющей деятелей азербайджанской эмиграции. Неслучайно, что в ноябре 1924 года А.М. Топчибаши обратился к М.Э. Расулзаде с просьбой «прислать в Париж одного или двух лиц из состава комитета по своему

⁹² Bibliothèque de documentation internationale contemporaine (BDIC), Nanterre, France, microfilms des archives du gouvernement géorgien, mfm 881, bobine 132.

⁹³ Письмо М.Э. Расулзаде - А.М. Топчибаши. 17.10.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 54.

выбору для участия в предстоящих работах азербайджанской делегации».⁹⁴ Эта просьба была обусловлена тем, что в тот период А. Шейхульисламов и М. Мехтиев отстранились от участия в деятельности азербайджанской делегации, поэтому ощущался острый недостаток в «наличных силах» для усиления азербайджанской делегации.

Правда, выполнить эту просьбу не удалось, поскольку ни Азербайджанский комитет, ни азербайджанская делегация «не располагали никакими денежными средствами, кои могли бы быть предоставлены в распоряжение будущих сотрудников».⁹⁵ И в своем письме А.М. Топчибаши от 25 декабря 1924 года М.Э. Расулзаде с сожалением вынужден был констатировать, что «в настоящее время эта просьба прямо-таки невыполнима как по соображениям материального характера, так и по условиям работы самого комитета».⁹⁶

К тому же у М.Э. Расулзаде были далеко идущие планы по превращению данной структуры в единый руководящий орган азербайджанской эмиграции, привлечению с этой целью к ее деятельности эмигрантов самых разных политических убеждений и партийной принадлежности. По крайней мере, его письмо от 25 декабря 1924 года является наглядным подтверждением наличия подобных планов. В нем, информируя А.М. Топчибаши о переименовании Азербайджанского комитета в «Истиглал Комитеси» (Комитет независимости), М.Э. Расулзаде пишет: «По форме и содержанию новое название признано более подходящим, так как комитет, будучи центральной организацией, возглавляет и руководит такого

⁹⁴ Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 30.11.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 61.

⁹⁵ Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 30.11.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 62.

⁹⁶ Письмо М.Э. Расулзаде - А.М. Топчибаши. 25.12.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 71.

же названия прочими организациями, находящимися как внутри нашей страны, так и вне ее границ».⁹⁷

Притязания возглавляемого М.Э. Расулзаде «Истиглал Комитеси» на руководство всей азербайджанской эмиграцией были встречены А.М. Топчибаши с определенной настороженностью. Ведь не вызывает сомнений, что М.Э. Расулзаде и А.М. Топчибаши в идеологическом, организационном, дипломатическом и финансовом отношении были двумя ключевыми фигурами азербайджанского антибольшевистского сопротивления. И глупо было бы отрицать тот факт, что между ними шло перманентное соперничество за лидерство в азербайджанской эмиграции.

В этой связи вполне естественно, что временами это соперничество приводило к обострению их взаимоотношений. Однако величие этих двух незаурядных личностей заключалось в том, что, несмотря на наличие определенных трений и разногласий по отдельным тактическим вопросам, они, в конечном итоге, умели жертвовать своими личными амбициями ради национальных интересов азербайджанских тюрок, чтобы прийти к консенсусу в стратегических вопросах национально-освободительного движения.

И в данном случае, именно исходя из коренных национальных интересов, А.М. Топчибаши поддержал преобразование Азербайджанского комитета в «Истиглал Комитеси». Как он подчеркивал, без существования и деятельности подобных организаций «немыслимо разрешение вопроса освобождения Азербайджана».⁹⁸ Более того, А.М. Топчибаши ратовал за превращение «Истиглал Комитеси» в единую организацию всей азербайджанской эмиграции в Стамбуле. По этому поводу он писал М.Э. Расулзаде: «...раз в Стамбуле

⁹⁷ Письмо М.Э. Расулзаде - А.М. Топчибаши. 25.12.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 70.

⁹⁸ Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 27.01.1925 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 80.

образовался «Истиглал Комитеси», и раз, как Вы сами пишете, комитет — орган непартийный и не возражает против вхождения отдельных наших деятелей в его состав, то нетрудно договориться с 3—4 лицами и тем приобрести этих деятелей для общей работы: ведь и без того у нас так мало работников!... Нет сомнения, что объединение с группой — дело не трудное, в особенности, повторяю, при отсутствии каких-либо серьезных коренных расхождений во взглядах политических и, прежде всего, на дело спасения родины». ⁹⁹

В этом письме, говоря о «3—4 лицах», А.М. Топчибаши имел в виду группировку бывшего Карабахского генерал-губернатора Хосров бека Султанова, который в начале своей политической карьеры, в 1917 году, вступил в «Мусават». Правда, уже через год он переметнулся на сторону правой религиозно-клерикальной партии «Иттихад». Будучи панисламистской партией, «Иттихад» являлся непримиримым противником секуляристских идей и демократических преобразований в азербайджанском обществе, декларируемых «Мусаватом». Поэтому неудивительно, что в 1918—1920 гг. «Иттихад» был главным оппонентом «Мусавата» на правом фланге внутривнутриполитической арены.

Неприятные отношения между мусаватистами и иттихадистами сохранились и после падения АДР, и вся история азербайджанской политэмиграции 20—30-х гг. прошлого столетия знаменуется противостоянием представителей этих двух антагонистически противоположных политических линий. В этой связи неудивительно, что взаимоотношения лидеров «Мусавата» и «Иттихада» в эмиграции также были весьма натянутыми. По крайней мере, между Х. Султановым, который был одним из лидеров «Иттихада» в эмиграции, и М.Э. Расулзаде сложились довольно напряженные отношения. Сколотив вокруг себя небольшую группировку,

⁹⁹ Там же. С. 81.

состоящую из представителей правой кавказской эмиграции, Султанов торпедировал любые инициативы, исходящие от М.Э. Расулзаде и других мусаватистов, направленные на консолидацию и объединение разрозненных сил азербайджанской эмиграции.

Иногда неистребимое желание Х. Султанова любыми средствами насолить М.Э. Расулзаде приводило к довольно серьезным последствиям. Так, в июле 1926 года был создан Комитет Независимости Кавказа (КНК) — объединенная организация кавказских политэмигрантов. Журнал «Prométhée» («Прометей»), являвшийся официальным органом КНК, первоначально планировалось издавать в Стамбуле. И одним из тех, кто воспротивился этой идее, был Х. Султанов. Он опасался, что в этом случае ведущая роль в издании журнала будет принадлежать М.Э. Расулзаде, что автоматически приведет к еще большему укреплению его позиций и авторитета в эмигрантских кругах. В конечном итоге, издание «Prométhée» перевели в Париж, где этот журнал, как и следовало ожидать, «приобрел грузинский дух и окраску». ¹⁰⁰ И после всего этого Х. Султанов и его соратники из правой эмиграции, нисколько не смущаясь, обвиняли М.Э. Расулзаде в том, что он позволяет грузинам занимать доминирующее положение в структурах кавказской эмиграции.

На фоне подобных трений между мусаватистами и иттихадистами поставленная А.М. Топчибаши задача о необходимости достижения единства между «Истиглал Комитеси» и группировкой Х. Султанова была практически невыполнима, что подтвердили и последующие события. Тем более что в тот момент международная конъюнктура благоприятствовала Х. Султанову и его соратникам из правого крыла азербайджанской эмиграции. Дело в том, что после подавления антибольшевистского восстания в Грузии в августе-сентябре

¹⁰⁰ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 301-302.

1924 г. страны Западной Европы окончательно потеряли интерес к деятельности кавказской эмиграции. В этой ситуации Польша стала основным внешнеполитическим партнером борющихся за восстановление независимости Кавказа эмигрантов.

А в Польше после ухода в декабре 1922 г. с поста главы польского государства Ю. Пилсудского, открыто симпатизировавшего левым кругам кавказской эмиграции, к власти пришли правые силы. И они предпочитали сотрудничать с представителями правого лагеря эмигрантов с Кавказа. Человеком правых взглядов был и посланник Польши в Турции Роман Кнолль, игравший заметную роль как в определении политики Варшавы в отношении кавказской эмиграции, так и в контактах с ее представителями.

И когда в октябре 1924 года, по инициативе Романа Кнолля, было принято решение об объединении кавказских эмигрантов в единую политическую организацию, стоящую на платформе Кавказской Конфедерации, то в качестве партнеров с целью реализации этой идеи польский посланник выбрал представителей правого крыла кавказской эмиграции, в том числе Х. Султанова. Определенную роль в подобном выборе польских дипломатов сыграла и «соответствующая работа», проведенная Х. Султановым и его единомышленниками с аккредитованными в Турции польскими дипломатами. Он убеждал польских представителей в том, что мусаватисты якобы не желают «защищать позицию Кавказской Конфедерации» и стремятся «присоединить Азербайджан к Турции».¹⁰¹

Неслучайно, что в созданном под непосредственным руководством Р. Кнолля в октябре 1924 г. в Стамбуле Комитете кавказских конфедератов не нашлось места азербайджанским

¹⁰¹ Письмо М.Э. Расулзаде - А.М. Топчибаши. 19.09.1925 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 110.

мусаватистам и грузинским социал-демократам. В состав этой структуры вошли по три представителя от правых политических организаций Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа, обладавших хорошими связями в турецких кругах. Азербайджанскую эмиграцию в этой структуре представляли Х. Султанов, А. Амирджан и А. Шейхульисламов. Руководящим органом Комитета конфедератов был президиум в составе Д. Вачнадзе, Х. Султанова и В.Г. Джабагиева.¹⁰²

Ради справедливости следует отметить, что даже после создания Комитета кавказских конфедератов А.М. Топчибаши не оставлял попыток добиться единства двух организаций. Понимая важность согласованной деятельности азербайджанских политэмигрантов, особенно в Турции, он предупреждал, что «разрозненная работа не даст желательных результатов и ослабит и без того небольшие силы» азербайджанской эмиграции.¹⁰³ Настаивая на необходимости объединения, А.М. Топчибаши весной 1925 года писал по этому поводу Х. Султанову: «Существовавший комитет членов парламента и правительства заменен новым органом «Истиглал Комитеси», беспартийным, куда могут входить все сторонники общей работы на дело освобождения Азербайджана. Нельзя ли слиться с этим органом, который мог быть специальным органом освобождения для наших деятелей...? Раз это орган беспартийный, то всякие азербайджанские деятели вправе принять в нем участие. Ведь вот грузины тоже имеют специальный свой однородный орган. Будем воздерживаться от пагубного раздробления сил и сомкнем теснее небольшие наши ряды».¹⁰⁴

¹⁰² Письмо Объединенного комитета кавказских конфедератов Комитету освобождения Кавказа // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей» / Сост., пред., пер., прим. Г.Г. Мамулия. М., 2012. С. 49.

¹⁰³ Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 02.02.1926 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 119.

¹⁰⁴ Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 02.04.1926 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 131.

Но эти призывы А.М. Топчибаши, как и следовало ожидать, были проигнорированы Х. Султановым, поскольку он не считал нужным идти на какие-либо компромиссы с «Истиглал Комитеси» ради достижения единства азербайджанской эмиграции. Более того, получив материальную и моральную поддержку Польши, Х. Султанов еще больше ужесточил свою позицию в отношении возглавляемого М.Э. Расулзаде «Истиглал Комитеси», высокомерно предложив членам этого комитета вступить в ряды Комитета конфедератов на персональной основе.

Естественно, что члены «Истиглал Комитеси» не сочли возможным для себя участвовать в работе Комитета конфедератов на предложенных Х. Султановым условиях. Объясняя причины отказа, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что Комитет конфедератов «состоит из отдельных персон, т. е. организован на принципе персональной унии. Тогда как, на наш взгляд, он должен быть организован на принципе национального представительства, другими словами, на принципе федерации. Нынешний состав и методы работы «комитета» (конфедератов — А. Б.) решительно не пригоден для столь конспиративной и ответственной работы: все секреты комитета дебатировались в различных кафе и «шикования» его членов служат предметом критики константинопольской эмиграции».¹⁰⁵

Исходя из этого, М.Э. Расулзаде выступил с предложением реорганизации Комитета конфедератов: «По-нашему, комитет должен состоять из ограниченного числа лиц, по два из каждой нации, главное руководство должно сосредоточиться в руках действительно ответственных лиц представляемой страны, опирающихся на солидные организации данной страны».¹⁰⁶ Однако лидеры Комитета конфедератов

¹⁰⁵ Письмо М.Э. Расулзаде - А.М. Топчибаши. 19.09.1925 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С.110.

¹⁰⁶ Письмо М.Э. Расулзаде - А.М. Топчибаши. 19.09.1925 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 111.

отказались идти на какие-либо уступки в вопросе реорганизации этой структуры. Посредничество польского посланника также не привело к желаемому результату. В конечном итоге, под предлогом нежелания «вмешиваться во внутренние дела кавказских народов», Р. Кноль отказался от дальнейших попыток добиться согласия между «Истиглал Комитеси» и Комитетом конфедератов.

Стало очевидным, что представителям двух этих организаций не удастся прийти к консенсусу по вопросу объединения. Поэтому на продолжающиеся настоятельные призывы А.М. Топчибаши о необходимости членам «Истиглал Комитеси» «войти в контакт и стараться привлечь группу Х. Султанова к совместным действиям», М.Э. Расулзаде с раздражением ответил, что недостаточно предлагать объединиться, нужно еще указывать конкретные способы объединения.¹⁰⁷

Не отрицая необходимость объединения азербайджанской организации, М.Э. Расулзаде вместе с тем подчеркивал, что «единственное условие этого объединения — это искренность. Призыв к объединению внешне очень лестная задача, но не всегда целесообразная. Лучше не призывать декларативно, а способствовать реально настоящему, а не фиктивному объединению. То, что возможно было вчера, труднодостижимо сегодня».¹⁰⁸

Одновременно Мамед Эмин бей акцентировал внимание А.М. Топчибаши на том, что главное различие между «Истиглал Комитеси» и Комитетом конфедератов заключается «не в целях, а в методах борьбы. При нынешнем нашем положении многое, а может быть и все, зависит от метода. Иные неразборчивы в методах и средствах; таковые иногда и имеют успех, но эти успехи преходящи, как и преходяща их цель».¹⁰⁹

¹⁰⁷ Письмо М.Э. Расулзаде - А.М. Топчибаши. 23.02.1926 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 124.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

Действительно, политическое чутье и на этот раз не обмануло М.Э. Расулзаде, т. к. очень скоро под влиянием внутренних и внешних факторов в расстановке сил в кавказской эмиграции произошли существенные изменения в пользу мусаватистов и других левоцентристских сил.

Приступая осенью 1924 года к практическому осуществлению проекта по объединению кавказских эмигрантов в единую организацию, польские представители планировали создание двух параллельных структур — в Париже и Стамбуле, обладающих различными функциями. Так, стамбульский комитет конфедератов задумывался как оперативный центр кавказской эмиграции. Учитывая близость Кавказа, Стамбул был идеальным местом для проведения тайных разведывательных операций и пропагандистской работы на Кавказе.

Общее же политическое руководство национально-освободительным движением кавказских народов должен был осуществлять созданный в ноябре 1924 года в Париже Комитет освобождения Кавказа. На этот же комитет возлагалась задача координации деятельности дипломатических представителей Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа за рубежом. Выбор Парижа в качестве местонахождения центра политической и дипломатической работы кавказской эмиграции был не случаен, поскольку именно здесь функционировали дипломатические миссии Азербайджана и Северного Кавказа, а также находилась делегация Грузии.

Главной целью Комитета освобождения Кавказа являлось «ведение конспиративных дел за границей, и создание на Кавказе организаций, которые в подходящий момент могли бы взять на себя руководство делом борьбы наших народов за освобождение от чужеземного ига». ¹¹⁰

¹¹⁰ Письмо Комитета освобождения Кавказа Объединенному комитету конфедератов Кавказа. 23.07.1925 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 53.

В отличие от стамбульского комитета конфедератов, в парижском комитете доминировали представители не правого, а центристского и левого крыла кавказской эмиграции. Со стороны Азербайджана документ о создании в Париже Кавказского комитета подписали руководитель дипломатической делегации Азербайджана на Парижской мирной конференции Али Мардан бек Топчибаши и член этой же делегации Джейхун Гаджибейли. ¹¹¹ В состав организационной секции комитета на персональной основе был избран и М.Э. Расулзаде. ¹¹²

Как отмечалось в предыдущей главе, с момента своего появления в Стамбуле в конце 1922 года М.Э. Расулзаде прилагал немало усилий, чтобы добиться поддержки кавказской эмиграции со стороны турецкого правительства. Он даже предлагал турецким представителям взять под свой патронаж процесс консолидации кавказской эмиграции в едином центре. В какой-то момент Мамед Эмин бею удалось вызвать у турецких властей определенный интерес к этой идее. Но по мере потепления турецко-советских отношений, в особенности после подписания между двумя странами 17 декабря 1925 года договора о дружбе и нейтралитете, ¹¹³ Анкара потеряла всякий интерес к этому вопросу.

Неудивительно, что из-за «вынужденной дружбы» между Анкарой и Москвой не только азербайджанские, но и кавказские, туркестанские и другие политэмигранты из СССР, обосновавшиеся в Турции, начали отдавать предпочтение контактам с европейскими странами. В создавшихся условиях М.Э. Расулзаде также вынужден был более активно налаживать сотрудничество с европейскими представителями, заинтересованными в реализации идеи кавказского единства.

¹¹¹ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 109.

¹¹² Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 31.12.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 77.

¹¹³ Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. 8. С. 739-742.

Это еще раз подтверждает тот факт, что при всем уважении и любви к Турции, которую М.Э. Расулзаде считал второй родиной, в своей политической деятельности он руководствовался исключительно интересами азербайджанского народа и его государственной независимости.

С целью объединения различных течений кавказской эмиграции на основе общей политической и организационной платформы М.Э. Расулзаде активно контактировал с находящимися в Стамбуле политическими эмигрантами из Грузии и Северного Кавказа, а также с тогдашним военным атташе посольства Польши в Турции полковником Тадеушом Шетцелем.

Тем временем, возникли значительные трудности на переговорах между представителями стамбульского и парижского комитетов, где главным предметом обсуждения являлся вопрос координации деятельности, а затем и объединения двух этих структур. Наиболее серьезные разногласия выявились в вопросах раздела сфер компетенции парижского и стамбульского комитетов. Будучи в основном представителями правого лагеря кавказской эмиграции, члены стамбульского комитета не горели желанием отказаться от части своих полномочий ради достижения компромисса.

На первый взгляд, стамбульские конфедераты соглашались «признать за парижским комитетом право на официальное дипломатическое представительство от имени Конфедерации Кавказа перед иностранными державами». Но они тут же подчеркивали, что Комитет конфедератов Кавказа изначально поставил себе целью не только налаживание прочных связей с Кавказом и ведение политико-пропагандистской и организационной работы на местах, но и «установление тесной связи с дипломатическими ведомствами различных государств»¹¹⁴. По сути, стамбульский комитет пытался узурпировать полномочия парижского комитета.

¹¹⁴ Там же. С. 50.

Но это не помешало стамбульским конфедератам весной 1925 года возложить всю ответственность за возникшие на переговорах проблемы на парижский Комитет освобождения Кавказа, который был обвинен в полном бездействии в вопросе достижения единства двух организаций. Как подчеркивалось в специальном постановлении, принятом 30 марта 1925 года на заседании стамбульского Комитета конфедератов, «за время 4,5 месяца после организации Комитета освобождения Кавказа с выделением из него Совета 3-х, последнее не предприняло никаких практических шагов для осуществления начал, положенных в основу ноябрьского акта, в смысле налаживания общей организационной работы».¹¹⁵ Руководители стамбульских конфедератов — В.Г. Джабагиев, Х. Султанов и Д. Вачнадзе, объясняли «подобное бездействие» парижского комитета отсутствием «твердой спайки между членами» этой структуры и «явной несогласованностью взглядов между политическими группировками грузин».¹¹⁶

А самое главное — данное постановление Комитета конфедератов заканчивалось недвусмысленным предупреждением, что «в случае, если парижскому комитету не удастся стать на путь практической объединенной работы, устранив все к тому препятствия, то константинопольский комитет принужден будет стать на путь совершенно независимой от парижского комитета самостоятельной работы».¹¹⁷

Несмотря на довольно жесткий тон постановления стамбульских конфедератов, парижский комитет решил не обострять и без того непростые взаимоотношения с этой структурой. Поэтому в ответном письме парижского комитета от 23 апреля 1925 года в довольно деликатной форме упоминалась

¹¹⁵ Письмо Объединенного комитета кавказских конфедератов Комитету освобождения Кавказа // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 51.

¹¹⁶ Там же. С. 50-51.

¹¹⁷ Там же. С. 51-52.

необходимость реформирования Комитета конфедератов путем «привлечения в него представителей главных политических организаций азербайджанцев и грузин» в качестве важнейшего условия объединения двух организаций¹¹⁸.

Однако и этот призыв относительно необходимости включения в состав стамбульского комитета представителей мусаватистов и грузинских социал-демократов был фактически проигнорирован конфедератами. Как видно из официальных документов Комитета конфедератов, руководители данной структуры всерьез полагали, что и без мусаватистов они достигли полного единения всех действующих на территории Турции кавказских эмигрантов.

Подобное непочтительное и дерзкое поведение стамбульских конфедератов вынудило парижский Комитет освобождения Кавказа ужесточить свою позицию. Проявлением этого стало письмо Комитета освобождения Кавказа от 23 июля 1925 года, адресованное стамбульским конфедератам. В нем отвергались все их обвинения относительно бездействия парижского комитета и якобы наличия внутри последнего серьезных расхождений между представителями различных политических течений.¹¹⁹

Как подчеркивалось в письме, в отличие от парижского комитета, руководители стамбульского Комитета конфедератов не смогли объединить в своем составе представителей всех главных течений кавказских народов, что и стало основным препятствием на пути достижения консолидации кавказской эмиграции. В этой связи парижский комитет в очередной раз напоминал руководителям стамбульских конфедератов, что «созданная их усилиями организация

¹¹⁸ Парижский Комитет Освобождения Кавказа Константинопольскому Объединенному Комитету Конфедератов Кавказа, 23. 4. 1926 // BDIC, microfilms des archives du gouvernement géorgien, mfm 881, bobine 194.

¹¹⁹ Письмо Комитета освобождения Кавказа Объединенному комитету конфедератов Кавказа. С. 53-54.

страдает одним недостатком: за исключением Северного Кавказа, все другие республики, и Азербайджан, и Грузия в нем представлены однобоко, что не может не отразиться на ходе работы организации». ¹²⁰ Предлагалось устранить этот «недостаток» путем реформирования стамбульского комитета и привлечения в него представителей главных политических организаций Азербайджана и Грузии — мусаватистов и социал-демократов.

В заключение письма руководители парижского комитета еще раз напоминали стамбульским конфедератам о том, что основной задачей кавказской эмиграции является «усиление агитации и пропаганды на Кавказе против русско-советской оккупации, а также создание и укрепление соответствующих там организаций. Для ускорения этой работы необходимо установление контакта среди константинопольских деятелей Кавказа. Мы выражаем уверенность, что Ваши усилия в этом направлении увенчаются успехом».¹²¹

Однако обращение парижского Комитета освобождения Кавказа не оказало существенного влияния на бескомпромиссную позицию стамбульских конфедератов в вопросе привлечения мусаватистов и грузинских социал-демократов в состав их организации. Правда, под давлением польских представителей стамбульским конфедератам все же пришлось вступить в переговоры с представителями грузинских социал-демократов и мусаватистов во главе с М.Э. Расулзаде.

Однако, как свидетельствует письмо стамбульских конфедератов, направленное в сентябре 1925 года на имя руководителей парижского комитета, эти переговоры завершились безрезультатно. Руководители Комитета конфедератов не согласились с предложением М.Э. Расулзаде относительно

¹²⁰ Письмо Комитета освобождения Кавказа Объединенному комитету конфедератов Кавказа. С. 54.

¹²¹ Там же.

создания в Стамбуле общекавказской организации представителей Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа «в составе 6 лиц, по два от каждой республики». ¹²² При этом предусматривалось вхождение в состав новой структуры четырех членов существующего Комитета конфедератов. Но конфедераты отвергли данное предложение, аргументировав свою позицию тем, что подобная «реорганизация» приведет не к «пополнению», а «совершенной ликвидации» стамбульского комитета и его замены новой структурой. ¹²³

На самом же деле, руководители Комитета конфедератов В. Джабагиев, Х. Султанов и А. Асатиани опасались, что за введением мусаватистов и социал-демократов в состав Комитета конфедератов последуют попытки постепенного вытеснения представителей правого крыла кавказской политической эмиграции из упомянутого органа. И все это, в конечном итоге, могло завершиться поглощением стамбульского комитета парижским Комитетом освобождения Кавказа.

В этой связи В. Джабагиев, Х. Султанов и А. Асатиани открыто выражали свое несогласие с принципиальной позицией парижского комитета, согласно которой «установление взаимоотношений» между Комитетом освобождения Кавказа и стамбульским комитетом было возможно только после реорганизации последнего. Руководители стамбульского комитета считали, что «интересы дела вовсе не требуют реорганизации их комитета на таких началах, на которых был построен парижский Комитет освобождения Кавказа». ¹²⁴

Другими словами, фактически отказываясь от введения в состав своего комитета представителей мусаватистов и грузинских социал-демократов, В. Джабагиев, Х. Султанов и

¹²² Письмо Объединенного комитета конфедератов Кавказа Комитету освобождения Кавказа. Сентябрь. 1925 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 57.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же. С. 57-58.

А. Асатиани предлагали парижскому комитету смириться с фактом существования стамбульского комитета в имеющейся форме. ¹²⁵ Таким образом, стамбульские конфедераты встали на путь открытого противодействия попыткам парижского комитета, направленным на достижение единства двух организаций.

Особенно непримиримую позицию в вопросе интеграции мусаватистов и грузинских социал-демократов в состав стамбульского комитета занимал Х. Султанов, который уже грезил о себе, как о единственном спасителе нации, въезжающим на белом коне в пределы Азербайджана. Он искренне был убежден в том, что в деле освобождения родины от большевистской оккупации ничуть не нуждается в поддержке мусаватистов и М.Э. Расулзаде. Х. Султанов уверовал в то, что путем налаживания и поддержки контактов с подпольными организациями внутри Азербайджана и отправкой туда активистов эмигрантского движения удастся разжечь огонь антибольшевистского восстания. С этой целью Х. Султанов в октябре 1925 года с большой помпой, под звуки зурны-балабана отправился из Трабзона в Иран, чтобы непосредственно руководить секретными операциями и поддержанием связей с оккупированным Азербайджаном. При этом он уверял своих сторонников в том, что и европейские государства, и Турция с Ираном полностью поддерживают эту его затею.

Вскоре, однако, выяснилось, что надежды на развитие столь обширной деятельности азербайджанской эмиграции на территории Ирана не имеют под собой реальной основы, поскольку Тегеран, как и Анкара, не желает портить отношения с Москвой ради азербайджанских эмигрантов. Столкнувшись с суровой реальностью, Х. Султанов быстро протрезвел и убедился в невозможности реализации своих

¹²⁵ Письмо Объединенного комитета конфедератов Кавказа Комитету освобождения Кавказа. Сентябрь. 1925 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 57.

политических фантазий. И ему ничего не оставалось, как уже без излишнего шума вернуться обратно в Турцию.¹²⁶

Польские дипломаты, несомненно, особо не интересовались проблемами во взаимоотношениях М.Э. Расулзаде и Х. Султанова, пока они не вредили общему делу. Они даже могли проигнорировать отказ Х. Султанова от совместной работы с «Истиглал Комитеси», возглавляемого М.Э. Расулзаде. Но в данном случае упрямая и бескомпромиссная позиция Х. Султанова и других руководителей Комитета конфедератов в вопросе объединения стамбульской и парижской организаций ставила под угрозу достижение единства основных сил кавказской эмиграции. А этого поляки никак не могли допустить, поскольку являлись инициаторами и главными спонсорами данного проекта.

Дополнительным раздражающим фактором для польской стороны был ультимативный и вызывающий тон руководителей Комитета конфедератов. Поэтому неудивительно, что Х. Султанов и его соратники начали постепенно терять очки в глазах польских дипломатов, в том числе Р. Кнолля. Хотя, будучи человеком правых взглядов, Р. Кноль вначале открыто симпатизировал стамбульским конфедератам, занимая их сторону в споре с «Истиглал Комитеси» и М.Э. Расулзаде. Но даже Кноль прекрасно осознавал важность консолидации кавказских политэмигрантов в единой организации.

Так, в отчете, посланном 13 июня 1925 г. в МИД Польши, он подчеркивал необходимость объединения в панкавказском движении азербайджанской партии «Мусават», грузинских социал-демократов и северокавказских горцев, входящих в группировку внука Имама Шамиля — Сеид-бека Шамиля, которые оставались за бортом Комитета конфедератов.¹²⁷ И с этого момента стамбульские конфедераты начали неуклонно терять поддержку Варшавы.

¹²⁶ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 274.

¹²⁷ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 108.

А после возвращения к власти в Польше в мае 1926 года Ю. Пилсудского политический курс Варшавы в отношении кавказских эмигрантов окончательно изменился, склонив чашу весов в сторону мусаватистов и грузинских социал-демократов. В отличие от своих предшественников, Ю. Пилсудский отдавал предпочтение сотрудничеству с грузинскими социал-демократами и азербайджанскими мусаватистами, что привело к значительному укреплению их позиций в противостоянии с правыми силами внутри кавказской эмиграции.

В отличие от многих лидеров стран Западной Европы, Ю. Пилсудский прекрасно понимал, что целью любого режима в России, в силу имперских традиций, исторически глубоко укоренившихся в сознании русского народа, неизбежно будет являться стремление к восстановлению контроля над геополитическим пространством бывшей империи Романовых. Поэтому, чтобы нейтрализовать экспансионистские устремления кремлевского руководства, Ю. Пилсудский предлагал всеми силами поддерживать стремление поработенных народов советской империи к независимости.

В этих планах польского руководства особое место отводилось кавказским народам, борющимся за свою независимость от России. Сам Ю. Пилсудский был убежден в том, что Польша «должна проявить максимальную симпатию и понимание в отношении всех республик Кавказа».¹²⁸ И с самого начала кавказские эмигранты пользовались поддержкой Польши. При этом в Варшаве справедливо полагали, что лишь создание объединенного кавказского государства даст возможность народам региона сохранить свою независимость от будущих экспансий как красной, так и белой России.

¹²⁸ Targalski G. Les plans polonais concernant l'éclatement de l'URSS, le mouvement « Prométhée » et le Caucase. // Bulletin de l'Observatoire de l'Asie centrale et du Caucase, Paris, 1997. n° 3. P. 10.

Исходя из этого, Варшава выступала за создание единого объединенного комитета кавказских эмигрантов. При этом военный атташе Польши в Турции полковник Тадеуш Шетцель летом 1926 года в ходе переговоров с руководителями кавказских эмигрантских антибольшевистских организаций однозначно заявил, что главным условием поддержки Варшавой создания объединенного комитета является преодоление раскола в рядах кавказской эмиграции и жесткая централизация будущей структуры. К тому же Варшава требовала, чтобы участниками, или национальными секторами комитета являлись не партии, а национальные центры, со своей стороны являющиеся объединениями и руководящими центрами политических партий и организаций, участвующих в деятельности создаваемой структуры.¹²⁹

Жесткие требования Варшавы сделали, в конечном итоге, возможным достижение компромисса в вопросе включения Комитета кавказских конфедератов в состав новой центральной структуры кавказцев, входящих в движение «Прометей». Тяжелые переговоры между представителями различных группировок кавказской эмиграции, проходившие под патронажем Польши, завершились созданием в Стамбуле 15 июля 1926 года объединенной организации — Комитета независимости Кавказа (КНК), который отныне должен был координировать всю деятельность кавказских политэмигрантов.¹³⁰

Согласно уставу, целью Комитета независимости Кавказа (КНК) являлось «ведение практических акций, с точки зрения организации и подготовки народов Кавказа к борьбе за восстановление независимости кавказских республик и

¹²⁹ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 114.

¹³⁰ Письмо Комитета независимости Кавказа дипломатическим представителям Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа А.М. Топчибаши, А.И. Чхенкели и А.М. Чермоеву. 01.08.1926 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 65.

их объединение на базе конфедерации». ¹³¹ КНК состоял из шести членов, «делегированных национальными центрами демократических республик Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа». Причем, каждый национальный центр был представлен в КНК двумя своими членами. ¹³² Азербайджан в этой структуре представляли лидер партии «Мусават» М.Э. Расулзаде и его извечный оппонент по эмиграции Х. Султанов.¹³³

Комитет из своего состава выбирал трех председателей, по одному от каждого национального центра, которые поочередно председательствовали на его заседаниях. В результате выборов председателями Комитета независимости Кавказа стали М.Э. Расулзаде, Н. Рамишвили и С. Шамиль. Таким образом, руководителем азербайджанской национальной секции КНК стал М.Э. Расулзаде.

Формально обе противоборствующие стороны азербайджанской эмиграции были представлены в комитете на паритетной основе. Но реально мусаватисты и М.Э. Расулзаде одержали победу над своими оппонентами во главе с Х. Султановым. И дело не только в том, что председателем КНК от Азербайджана был избран не Х. Султанов, а М.Э. Расулзаде. Согласно уставу, члены КНК назначались соответствующими национальными центрами республик Кавказа, рассматривающимися в качестве правительств в изгнании. Они же обладали исключительным правом отозвать или заменить своих представителей в КНК. ¹³⁴ Поэтому с самого начала своей деятельности Комитет независимости Кавказа оказался под контролем лидера грузинских социал-демократов Н. Жордания

¹³¹ Устав комитета независимости Кавказа // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 67.

¹³² Там же.

¹³³ Письмо М.Э. Расулзаде - А.М. Топчибаши. 19.07.1926 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 141.

¹³⁴ Устав Комитета независимости Кавказа. С. 67.

и руководителя мусаватистов М.Э. Расулзаде, сформировавших соответствующие национальные центры в 1926 и 1927 гг.

Вопреки утвердившемуся в отечественной и зарубежной историографии мнению, Азербайджанский национальный центр был образован не в 1924 году, а в феврале 1927 года. Подтверждением тому является письмо М.Э. Расулзаде от 25 марта 1927 года, адресованное дипломатическому представителю Грузинского национального правительства в Стамбуле С.Г. Мдивани. В нем подчеркивается, что «26 февраля 1927 года образован Азербайджанский Национальный Центр, в состав которого входят представители всех активных политических партий и течений, борющихся за независимость Азербайджана. Местом нахождения центра назначен Стамбул, как город сравнительно близко стоящий к стране, а также как главный пункт сосредоточения зарубежных азербайджанцев». ¹³⁵ Конечной целью Азербайджанского национального центра было заявлено восстановление суверенитета и независимости Азербайджана, провозглашенных 28 мая 1918 года и уничтоженных русской оккупацией в апреле 1920 года. ¹³⁶

Сразу же после формирования, 5 апреля 1927 года, АНЦ выступил с обращением к азербайджанскому народу, призвав население страны усилить сопротивление русскому оккупационному режиму. В обращении говорилось о невыносимом положении народных масс, страшных и нечеловеческих репрессиях ОГПУ, невозможности существования России без бакинской нефти и т.д. В конце документа содержался призыв к азербайджанским тюркам быть готовыми к борьбе за восстановление независимости Азербайджана. ¹³⁷

¹³⁵ BDIC, microfilms des archives du gouvernement géorgien, mfm 881, bobine 132.

¹³⁶ Şimşir S. Azərbaycan'ın istiklal mücadelesi. S. 30.

¹³⁷ Государственных архив политических партий и общественных движений при Управлении делами Президента Азербайджанской Республики (далее - ГАП-ПОД УДПАР). Ф. 1, Оп. 85. Д. 744. Л. 88-91.

В первый состав Азербайджанского национального центра вошли А.М. Топчибаши (председатель), М.Э. Расулзаде (секретарь), А. Амирджанов (казначей), М. Мехтиев, М. Векилли, Х. Хасмамедов, А. Шейхульисламов, Ш. Рустамбеги. Еще одно место в АНЦ осталось вакантным, поскольку Х. Султанов отказался войти в состав данной структуры. ¹³⁸

Начался болезненный для самолюбия большинства кавказских политэмигрантов процесс упорядочения и подчинения эмигрантских структур Комитету независимости Кавказа. Этот процесс охватил и дипломатические представительства кавказских республик, находящиеся в Париже. 9 декабря 1926 года на совместном заседании Совета трех и Комитета независимости Кавказа было принято решение, согласно которому отныне дипломатическая деятельность делегаций Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа, возглавляемых, соответственно, А.М. Топчибаши, А. Чхенкели и А.М. Чермоевым, должна была протекать под руководством своих национальных центров. С целью еще большей централизации и контроля деятельности дипломатических представительств каждому из них в качестве советника придавался один член Комитета независимости Кавказа также соответствующей национальности. Правом назначения советников обладали и национальные центры. ¹³⁹

Следует отметить, что, в отличие от М.Э. Расулзаде, отсутствовавшего на совместном заседании членов Совета трех и КНК от 9 декабря 1926 года, А.М. Топчибаши принимал непосредственное участие в принятии данного решения и проголосовал за подчинение АНЦ азербайджанской дипломатической делегации в Париже. Однако уже через несколько дней он передумал и отказался выполнить данное решение,

¹³⁸ РГВА, Ф. 461-к, Оп. 2, Д. 80, Л. 17.

¹³⁹ Протокол заседания Совета Трех Республик Кавказа с участием членов Комитета независимости Кавказа // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 70.

и, следовательно, подчиниться председателю азербайджанской национальной секции КНК М.Э. Расулзаде. А.М. Топчибаши попытался обосновать свою позицию тем, что Комитет независимости Кавказа являлся структурой, лишь координирующей деятельность национальных центров, а не единым правительством кавказских государств в изгнании.

В этой связи следует подчеркнуть, что немалая часть отечественных исследователей постсоветского периода, руководствуясь благими побуждениями, пытаются излишне идеализировать ситуацию в рядах азербайджанской эмиграции. При этом игнорируется тот факт, что эмигрантам приходилось действовать в тяжелейших условиях материальных лишений и непрекращающихся провокаций советской агентуры. Несмотря на эти проблемы и жизненные тяготы, лучшие представители азербайджанской эмиграции, включая А.М. Топчибаши, оставаясь до конца преданными идеалу национальной независимости, продолжали свое служение азербайджанскому народу далеко за пределами родины. Хотя, порою, «долги, холод, отсутствие ресурсов одолевали» даже наиболее сильных и стойких людей из числа эмигрантов. Здесь не составлял исключения и А.М. Топчибаши. Все это, несомненно, оставляло свой отпечаток на взаимоотношениях представителей азербайджанской эмиграции, приводя иногда к серьезным конфликтам между ними.

Подобные конфликты и противостояния, обусловленные личным соперничеством и идеологическими разногласиями, и, наконец, прямыми действиями агентов советских спецслужб, были свойственны для всей кавказской эмиграции. В стане грузинской и северокавказской эмиграции такие конфликты приобретали еще более уродливые формы. Например, в декабре 1930 года в центре Парижа один из основателей КНК Н. Рамишвили был застрелен агентом ОГПУ, грузинским эмигрантом П. Чануквадзе. А острые разногласия среди горцев вообще не позволили трансформировать

северокавказскую секцию КНК в полноценный национальный центр.

В данном же конкретном случае А.М. Топчибаши, недовольный решением КНК, при поддержке и содействии Х. Султанова начал демонстративно сближаться с представителями правого крыла северокавказской эмиграции. Более того, есть все основания предположить, что именно Х. Султанов подталкивал А.М. Топчибаши к конфронтации с М.Э. Расулзаде, стремясь подобным способом взять «реванш» за свое поражение в борьбе за контроль над АНЦ. Тем более что, по признанию наиболее близких к А.М. Топчибаши людей, например, Дж. Гаджибейли, к тому времени он «легко попадал под влияние других, что являлось одним из признаков старчества».¹⁴⁰

Как бы то ни было, в результате достигнутой договоренности между А.М. Топчибаши и Х. Султановым, с одной стороны, и А. Чермоевым и Г. Бамматом, с другой, 12 января 1927 г. в Париже был создан Временный объединенный центр Азербайджана и Северного Кавказа. Президентом центра избрали А.М. Топчибаши, а секретарем — Г. Баммата. Фактически речь шла о попытке формирования альтернативной КНК структуры. Учредители Временного объединенного центра Азербайджана и Северного Кавказа планировали после присоединения к нему грузинских и армянских организаций преобразовать данную структуру в верховный общекавказский орган — Кавказский политический центр, которому, в свою очередь, должны быть подчинены все национальные центры республик Кавказа.¹⁴¹

Одновременно по совету того же Х. Султанова А.М. Топчибаши решил обратиться за финансовой поддержкой к Союзу нефтепромышленников Азербайджана. И, судя по архивным документам, в феврале 1927 года между бакинскими

¹⁴⁰ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 343.

¹⁴¹ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 194-195.

нефтепромышленниками и А.М. Топчибаши как руководителем дипломатической делегации Республики Азербайджан была достигнута договоренность о передаче делегации одного миллиона франков.¹⁴² К сожалению, на сегодняшний день не имеется конкретных доказательств реализации данной договоренности. Но сам факт участия А.М. Топчибаши в создании альтернативной КНК структуры и его поиски средств для финансирования ее деятельности оказали весьма негативное влияние на достижение единства в рядах азербайджанской эмиграции. В данных обстоятельствах деструктивный характер действий А.М. Топчибаши очевиден.

При всем уважении к личности А.М. Топчибаши и его заслугам М.Э. Расулзаде не мог допустить дальнейшего усиления центробежных процессов внутри азербайджанской эмиграции. Тем более что, находясь в эмиграции, М.Э. Расулзаде заново переосмыслил и переоценил весь опыт государственного строительства в Азербайджане в период независимости в 1918—1920 гг., скрупулезно проанализировав все ошибки и недостатки, допущенные национальным правительством в тот период. И одним из главных выводов, к какому пришел М.Э. Расулзаде, заключался в том, что лидеры национального движения слишком увлеклись тогда установлением демократических норм и процедур в стране. В своем стремлении поскорее построить демократическое общество они зачастую пренебрегали элементарными требованиями национальной безопасности.

Затрагивая эту тему в работе «Азербайджанская Республика», изданной в Турции в 1923 году, М.Э. Расулзаде так охарактеризовал государственную систему управления в период независимости (1918—1920 гг.): «Государство полностью придерживалось метода последовательного парламентаризма

¹⁴² Письмо Азербайджанского союза непромышленников А.М. Топчибаши. 21.02.1927 // А.М. Топчибаши: документы из личных архивов. 1903-1934 гг. / Сост., предисл. и прим. С.М. Исхаков. М., 2012. С. 198-199.

и ответственного министерства. Свобода слова, печати, собраний была гарантирована полностью. В этом отношении некоторые критики, может быть, укажут на чрезмерный либерализм, выказанный при этом. У этого политического новорожденного, переживавшего организационный период, несомненно, немало достойных внимания ошибок. Самая крупная из них та, что не были созданы соответствующие подобным периодам твердая власть и крепкое правительство. Если бы во имя объединения разнородных мнений, наряду с осуществлением методов убеждения, несколько сдвинулись бы в сторону принуждения, то, возможно, что результат известных событий был бы иной».¹⁴³

Безусловно, это вовсе не означало, что М.Э. Расулзаде разочаровался в демократических принципах, которые он до конца своей жизни считал главным условием развития любого общества. Он лишь предостерегал от превращения демократии в самоцель. В понимании М.Э. Расулзаде, демократия была лишь эффективным средством раскрепощения и развития духовных и материальных сил нации, становления и упрочения дееспособной Азербайджанской государственности, а не наоборот. Другими словами, он просто предлагал не ставить телегу впереди лошади, как это часто случалось в АДР.

С этой точки зрения весьма примечательна его статья, написанная в связи с кончиной Юзефа Пилсудского. Формально статья посвящена анализу политической деятельности Ю. Пилсудского, которого М.Э. Расулзаде называет «самым великим человеком польской истории» и «символом великого воскресения польского народа».¹⁴⁴ На самом же деле, М.Э. Расулзаде на примере конкретных действий Ю. Пилсудского, направленных на создание сильной польской

¹⁴³ ГАШПОД УДПАР, Ф. 894. Оп. 10. Д. 148. Л. 62.

¹⁴⁴ *Расулзаде М.Э. Юзеф Пилсудский* // Şimali Kafkasya - Северный Кавказ. 1935. №13. С. 13.

государственности, анализирует ошибки, допущенные азербайджанскими лидерами в 1918—1920 годах. Особое внимание он обращает на тот факт, что движение за освобождение Польши Ю. Пилсудский в первые годы XX века начал с подготовки кадров «будущих польских войск». Благодаря этим усилиям Ю. Пилсудского, «польское освободительное движение, как бы, милитаризовалось», что и сделало возможным создание независимой Польши.¹⁴⁵

Характеризуя первые шаги Ю. Пилсудского уже после обретения Польшей независимости, М.Э. Расулзаде пишет: «Польша прежде всего нуждалась в сильной армии и устойчивом государственном механизме. Маршал Пилсудский всецело был отдан этой задаче. Недопустимо было подвергать новое государство увлечениям формальной демократией и игре в парламентаризм, способным подорвать основы не только новой Польши, только что вышедшей из состояния длительной неволи и недавно переживаемого хаоса и анархии, но и самого устойчивого государства... И одним ударом маршал Пилсудский берет всю полноту власти в свои руки и начинает создавать машину сильного и устойчивого правления».¹⁴⁶

Учитывая горький опыт 1918—1920 гг. и руководствуясь интересами национального дела, для которого дисциплина являлась принципом первостепенной важности, М.Э. Расулзаде пытался установить жесткую дисциплину и субординацию в эмигрантской среде, что было обусловлено суровыми реалиями того периода, и, в первую очередь, непрекращающимися интригами советских спецслужб. И это несмотря на то, что жизненно необходимая в тех условиях жесткость зачастую не находила должного понимания даже среди близкого его окружения. Так, в одном из писем Дж. Гаджибейли,

¹⁴⁵ Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века). С. 277.

¹⁴⁶ *Расулзаде М.Э.* Юзеф Пилсудский. С. 15.

не называя конкретных имен, обвиняет некоторых коллег в АНЦ в «диктаторских замашках».¹⁴⁷ Не вызывает сомнений, что Дж. Гаджибейли имел в виду именно М.Э. Расулзаде.

Впрочем, подобная критика мало волновала М.Э. Расулзаде, поскольку для него существовала единственная цель — возрождение независимого Азербайджана, и единая тактика — действия, направленные на осуществление этой цели. При этом он прекрасно понимал, что без достижения организационного единства азербайджанской эмиграции не может быть и речи о реализации данной задачи. Поэтому, невзирая на подобного рода обвинения, М.Э. Расулзаде продолжал жестко пресекать любые попытки, направленные на раздробление азербайджанской эмиграции.

В силу сложившихся обстоятельств, в конце марта 1927 года М. Векилли в качестве представителя АНЦ был послан в Париж для переговоров с А.М. Топчибаши. Ему были даны предельно жесткие инструкции. В случае отказа А.М. Топчибаши признать верховенство Азербайджанского национального центра, М. Векилли должен был объявить делегацию распущенной, взяв на себя функции дипломатического представителя Азербайджана в Париже. Кроме того, сразу же по прибытии в столицу Франции, М. Векилли должен был объявить распущенным Временный объединенный центр Азербайджана и Северного Кавказа, находящийся под руководством А.М. Топчибаши и Г. Баммата и претендующий на роль правительства в изгнании этих республик.¹⁴⁸

Оказавшись перед лицом жесткого ультиматума, А.М. Топчибаши вынужден был временно отступить. И к осени 1927 года даже удалось наладить сотрудничество между азербайджанской дипломатической делегацией в Париже и АНЦ. Судя

¹⁴⁷ Письмо Дж. Гаджибейли. 12.06.1929 // А.М. Топчибаши: документы из личных архивов. С. 228.

¹⁴⁸ *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 198-199.

по всему, одним из важнейших элементов достигнутого компромисса было избрание А.М. Топчибаши председателем Азербайджанского национального центра. М.Э. Расулзаде и его соратники по АНЦ ради достижения организационного единства рядов азербайджанской эмиграции вынуждены были пойти на этот шаг, чтобы удовлетворить самолюбие и политические амбиции стареющего А.М. Топчибаши.

Правда, уже к концу 1927 года взаимоотношения между Азербайджанским национальным центром и А.М. Топчибаши по вине последнего вновь предельно обострились. Осознав, что расстановка сил в АНЦ не в его пользу, к тому же, находясь в Париже, он не в состоянии повлиять на решения данной структуры, А.М. Топчибаши, кардинально изменив свою позицию, вновь отказался признать полномочия АНЦ и возобновил свои флирты с Х. Султановым и бакинскими нефтепромышленниками. Как подчеркивается в оперативных данных Иностранного отдела Закавказского государственного политического управления (ИНО ЗАК ГПУ), т. е. внешней разведки, А.М. Топчибаши, нежелающего подчиняться мусаватистам, поддерживал Х. Султанов. В свою очередь, сам А.М. Топчибаши опирался на поддержку Союз нефтепромышленников.¹⁴⁹

Именно по наущению А.М. Топчибаши 11 ноября 1927 года Азербайджанский союз нефтепромышленников направил письмо М.Э. Расулзаде, в котором извещал его, что Союз считает возглавляемую А.М. Топчибаши делегацию центральным правомочным органом Азербайджанской Республики, имеющим мандат от его национального правительства, а АНЦ, организованный в Стамбуле, является незаконным.¹⁵⁰

¹⁴⁹ Правые грузинские группы и грузинские фашисты. По материалам ИНО ЗАК ГПУ. 220.7. 1928 // Архив министерства внутренних дел Грузии. Ф. 6. агентурное дело №1534-41. «Белая моль», Т. 1. Л. 148.

¹⁵⁰ Сафарова А. Идея Кавказской конфедерации в эмигрантский период политической деятельности А.М. Топчибаши // Известия Национальной Академии Наук Азербайджана. Серия истории, философии и права. 2001. №3. С. 47.

Как свидетельствуют секретные документы советской внешней разведки, в начале 1928 года, действуя в тесной связке с Х. Султановым, А.М. Топчибаши развернул бурную деятельность против АНЦ. При посредничестве нефтепромышленников он даже попытался заручиться поддержкой англичан в этой борьбе. Одновременно А.М. Топчибаши и Х. Султанов стремились создать в Турции и Иране широкую сеть подконтрольных себе структур, конкурирующих с мусаватскими организациями.¹⁵¹

Безусловно, подобный демарш Азербайджанского союза нефтепромышленников не оказал серьезного влияния на расстановку сил внутри азербайджанской эмиграции по той простой причине, что бакинские нефтепромышленники никогда не были замечены в сколько-нибудь активном участии в политической деятельности азербайджанской эмиграции или же в ее финансировании. Они были заняты исключительно проматыванием последних остатков своих состояний в парижских ресторанах и кабаре. Данное заявление нефтепромышленников могло принести А.М. Топчибаши лишь морально-психологическое удовлетворение.

Поддержка, оказанная Азербайджанским союзом нефтепромышленников А.М. Топчибаши в его противостоянии с М.Э. Расулзаде, не была случайной. Ведь еще в период независимости в 1918—1920 гг. азербайджанская буржуазия с явным недоверием относилась к партии «Мусават» и ее лидеру М.Э. Расулзаде. Думается, причиной такого недоверия являлись не только декларируемые партией идеи, но и само социальное происхождение М.Э. Расулзаде, который не был выходцем из знати и не имел аристократических корней. Хотя практически все азербайджанские миллионеры того периода являлись представителями буржуазии лишь в первом

¹⁵¹ Правые грузинские группы и грузинские фашисты. По материалам ИНО ЗАК ГПУ. Л. 147.

поколении и, как говорится, из грязи попали в князи, но это не мешало им с высокомерием и пренебрежением смотреть на представителей непривилегированных слоев общества. Именно социальное происхождение определяло их отношение к людям.

К сожалению, тем же критерием руководствовались и некоторые азербайджанские политэмигранты, в особенности в конфликтных ситуациях. В частности, когда оппонентам явно не хватало интеллекта, таланта и аргументов, чтобы противостоять М.Э. Расулзаде, то сразу же вспоминали о его социальном происхождении. Особенно злоупотребляли этим неприемлемым для цивилизованных людей методом Х. Султанов и Ш. Рустамбейли. Оскорбительные выпады Ш. Рустамбейли против семьи и родителей М.Э. Расулзаде в его пасквиле «М.Е. Resulzadenin feci sukutu» («Трагическое молчание М.Э. Расулзаде») не позволил бы себе ни один порядочный человек и уважающий себя политик.¹⁵²

На социальном происхождении М.Э. Расулзаде делает упор и современный российский исследователь С. Исхаков. Так, сравнивая двух лидеров азербайджанской эмиграции М.Э. Расулзаде и А.М. Топчибаши, он указывает на различия не только в мировоззрении, но и в их социальном происхождении: «Сын муллы Расулзаде был все же намного младше потомственного дворянина Топчибаши — почти на 20 лет, т. е. это были люди разных поколений, с разным жизненным и политическим опытом и устремлениями: один социалист, другой либерал».¹⁵³

При этом абсолютно игнорируется тот очевидный факт, что аристократическое происхождение само по себе не способно сформировать гениального политика, также как целые каменоломни итальянского мрамора не в состоянии сами по

¹⁵² См.: *Rüstembeyli Ş. M. E. Resulzadenin feci sukutu*. İstanbul, 1935. S. 10.

¹⁵³ А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 14.

себе породить Микеланджело. С другой стороны, подобное социальное происхождение, в некоторой степени, было даже преимуществом М.Э. Расулзаде перед его «знатными» соратниками и оппонентами по национальному движению. Ведь будучи выходцем из гуши народной, он лучше других был осведомлен о проблемах масс и путях национального возрождения азербайджанских тюрков.

В то время как либерал А.М. Топчибаши был всецело занят вопросом реформирования духовных управлений российских мусульман и защитой их гражданских прав, «сын муллы» М.Э. Расулзаде закладывал основы качественно новой, секуляристской по своему содержанию, национальной идеологии, ставшей основой создания национальной государственности азербайджанских тюрков. И освобождение идентичности азербайджанских тюрков от религиозных оков, и ее наполнение сугубо национальным содержанием произошло благодаря не дворянину А.М. Топчибаши, а сыну сельского муллы — М.Э. Расулзаде. Подобный вывод является не умалением действительно выдающихся заслуг А.М. Топчибаши перед азербайджанским народом, а лишь констатацией факта.

Впрочем, несмотря на то, что М.Э. Расулзаде родился не в знатной и богатой семье, но душой и воспитанием он был аристократом в полном смысле этого слова. Как говорил в свое время Наполеон, «ваши государи, рожденные на троне, не могут понять чувств, которые меня воодушевляют. Им нужно удовлетворенность собственными амбициями, а я солдат, мне нужна честь и слава». В этом смысле М.Э. Расулзаде был солдатом своей родины, и для него делом чести было не удовлетворение собственных амбиций, а достижение общенациональной цели — восстановление государственной независимости Азербайджана.

Между тем, по утверждению А. Сафаровой, в начале января 1928 года А.М. Топчибаши направил гневное письмо

М.Э. Расулзаде и стамбульскому комитету «Мусавата». В письме, считая М.Э. Расулзаде и партию «Мусават» ответственным «за настоящее несчастье страны», А.М. Топчибаши утверждал, что они «вместо того, чтобы подготовиться предстать перед судом и народом», создали «в Стамбуле организацию под названием Азербайджанский временный национальный центр, цель которого действовать официально от имени Азербайджана. Мирная делегация Азербайджанской Республики, будучи единственно компетентным институтом, в продолжение 9 лет, несмотря на всяческие лишения и препятствия, защищавшая интересы народа, считает своим долгом довести до сведения, что претензии и права присвоения вышеупомянутой организации не признаются как мирной делегацией, так и другими группами и деятелями».¹⁵⁴

Несмотря на серьезность обвинений, М.Э. Расулзаде, учитывая пережитые за последние годы А.М. Топчибаши стрессы, обусловленные смертью его среднего сына Рашида, серьезными проблемами со здоровьем и тяжелым материальным положением, довольно снисходительно отнесся к данному его выпадку. С чувством собственного достоинства в довольно спокойном тоне он лишь отметил «исторический» характер заявления А.М. Топчибаши, поскольку до этого никто, за исключением большевиков, «не возлагал на мусаватистов ответственности за несчастье страны».¹⁵⁵

К сожалению, это не остудило пыл А.М. Топчибаши, и 2 апреля 1928 года он снова взялся за перо, чтобы настрочить очередное заявление о не легитимности Азербайджанского национального центра. В этом документе А.М. Топчибаши вновь заявлял, что возглавляемая им делегация «категорически высказалась против признания» АНЦ, называя

¹⁵⁴ Сафарова А. Идея Кавказской конфедерации в эмигрантский период политической деятельности А.М. Топчибашева. С. 48.

¹⁵⁵ Там же.

его «самочинной» организацией. Он аргументировал свою позицию тем, что АНЦ был образован без участия и согласия не только делегации, но и других групп и организаций азербайджанских политэмигрантов. На этом основании А.М. Топчибаши считал «единственным правомочным органом национального Азербайджана — делегацию Азербайджанской Республики».¹⁵⁶

Правда, это не помешало А.М. Топчибаши уже в июне 1928 года собственноручно подписаться под очередным документом о признании «верховенства власти» АНЦ,¹⁵⁷ чтобы спустя некоторое время снова отказаться от собственных слов. За подобную деструктивную деятельность в декабре 1928 года А.М. Топчибаши был выведен из состава АНЦ.¹⁵⁸

Тем не менее, М.Э. Расулзаде продолжал придерживаться курса на единение всех политических сил эмиграции в борьбе за независимость Азербайджана. Исходя из этого, а также учитывая былые заслуги А.М. Топчибаши, Азербайджанский национальный центр по личной инициативе Мамед Эмин бея предпринял еще одну попытку достижения компромисса с ним. С целью положить конец публичному обсуждению внутренних проблем азербайджанской эмиграции, в марте 1929 года на заседании АНЦ было принято решение предложить А.М. Топчибаши, «сохраняя титул «председателя делегации» со всеми соответствующими этому высокому статусу почестями, уйти в бессрочный отпуск и, соответственно, прекратить активную деятельность, оставляя делегации полномочия продолжить свою работу».¹⁵⁹

А.М. Топчибаши принял это предложение и ушел в отпуск. Но отдохнув и подлечившись некоторое время, он уже

¹⁵⁶ А.М. Топчибаши: документы из личных архивов. С. 233.

¹⁵⁷ РГВА, Ф. 461-к, Оп. 2, Д. 73, Л. 3.

¹⁵⁸ Там же. Л. 2.

¹⁵⁹ Там же. Л. 2-3.

5 июня 1929 года проинформировал АНЦ о том, что подобные условия являются для него неприемлемыми.

И вплоть до своей кончины в 1934 году А.М. Топчибаши демонстрировал подобное непостоянство и переменчивость своей позиции. В зависимости от складывающейся ситуации, он то признавал легитимность АНЦ в качестве руководящего политического органа всей азербайджанской эмиграции, то дезавуировал собственные заявления на этот счет, тем самым, перманентно осложняя налаженную с таким трудом и общими усилиями совместную работу.

Безусловно, как впоследствии отмечал М.Э. Расулзаде, разногласия между азербайджанской дипломатической делегацией в Париже и АНЦ не имели принципиального характера, а ограничивались проблемами организационного плана, обусловленными разделением полномочий.¹⁶⁰ Тем не менее, они весьма отрицательно сказывались на деятельности всей азербайджанской политэмиграции.

К тому же амбиции А.М. Топчибаши на руководство всей азербайджанской эмиграцией не соответствовали его реальным возможностям, поскольку ни состояние здоровья, ни ситуация внутри азербайджанской делегации не позволяли ему реализовать свои претензии на это. Так, к тому времени деятельность азербайджанской дипломатической делегации в Париже из-за непрекращающихся конфликтов между ее членами фактически была парализована.

О ситуации внутри азербайджанской делегации и отношении ее членов к своему председателю нагляднее всего свидетельствует факт, отраженный в одном из писем Дж. Гаджибейли. В связи с кончиной в мае 1929 года в Баку своей тещи Ханифы ханум Меликовой, А.М. Топчибаши устроил поминки в Париже, куда были приглашены представители не только азербайджанской, но и, в целом, всей кавказской

¹⁶⁰ *Resulzade M.E. Şefibeycilik. Varşava, 1934. S. 23.*

эмиграции. И, как свидетельствует Дж. Гаджибейли, чтобы выразить свое соболезнование А.М. Топчибаши по поводу кончины Ханифы ханум, на поминках присутствовали все приглашенные представители грузинской, северокавказской и даже армянской эмиграции. Но среди них не было ни одного члена азербайджанской делегации (?!). Как подчеркивает Дж. Гаджибейли, один оправдывался болезнью, другой ссылался на то, что поздно получил приглашение и т.д.¹⁶¹

И это было неслучайно, поскольку внутри делегации царил атмосфера нетерпимости и недоверия, вследствие чего ее заседания зачастую сопровождались не только словесной перебранкой, но и попытками физического насилия. В частности, по свидетельству А. Шейхульисламова, на одном из заседаний делегации М. Мехтиев даже хотел бросить в голову А.М. Топчибаши пепельницу.¹⁶²

Подобные действия А.М. Топчибаши, а также представителей правого крыла азербайджанской эмиграции во главе с Х. Султановым привели к тому, что М.Э. Расулзаде так и не удалось добиться окончательного и полного объединения всей азербайджанской политэмиграции в едином организационном центре. Тем не менее, он не оставлял попыток склонить к сотрудничеству А.М. Топчибаши и Х. Султанова, свидетельством чего является включение обоих деятелей во второй состав АНЦ, который функционировал в 1929—1932 гг. уже под председательством М.Э. Расулзаде.¹⁶³ Впрочем, Х. Султанов вновь отказался участвовать в деятельности АНЦ, продолжив свой конфронтационный курс с этой структурой и М.Э. Расулзаде.

Но, невзирая на интриги своих оппонентов, М.Э. Расулзаде продолжал следовать политике, направленной на

¹⁶¹ Государственный архив литературы и искусства им. С. Мумтаза. Ф. 648. Оп. 5. Д. 28. Л. 45.

¹⁶² Письмо А. Шейхульисламова - А. Амирджанову. 15.05.1929 // А.М. Топчибаши: документы из личных архивов. С. 221.

¹⁶³ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 80. Л. 18.

расширение сотрудничества с эмигрантскими кругами других поработанных народов советской империи. Это сотрудничество осуществлялось не только в рамках Комитета независимости Кавказа, но и прометеевского движения. Датой зарождения прометеевского движения, оставившего яркий и неповторимый след в истории освободительной борьбы поработанных народов СССР, принято считать учреждение печатного органа КНК журнала «Прометей», первый номер которого вышел в ноябре 1926 года в Париже. Впоследствии, в 1928 году, в Варшаве был организован прометеевский клуб, действовавший как международная организация политэмигрантов из СССР. По свидетельству немецкого исследователя П. фон цур Мюлена, заметная роль в создании и развитии прометеевского движения принадлежит М.Э. Расулзаде.¹⁶⁴

В отличие от КНК, деятельность которого ограничивалась лишь кавказскими эмигрантами, формат прометеевского движения подразумевал сотрудничество более широкого спектра эмигрантских организаций поработанных народов СССР. Так, в прометеевском движении, наряду с кавказскими, принимали также участие украинские, туркестанские и другие политэмигранты. Как подчеркивалось в одном из документов этой организации, «прометеизм является движением всех без исключения народов, угнетаемых Россией»¹⁶⁵.

Инициатором создания, основным спонсором и покровителем прометеевского движения была Польша. Неслучайно, что автором термина «прометеизм» также являлся поляк — военный атташе в Турции (1924—1926 гг.) Тадеуш Шетцель, принимавший непосредственное участие в налаживании

¹⁶⁴ Patrik fon Zur Mühlen. Camali Haç ile Kızıl Yıldız Arasında. İkinci Dünya Harbi'nde Sovyet Doğu Halkları. Ankara, 1984. S. 20.

¹⁶⁵ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 301.

контактов с политической эмиграцией кавказских народов.¹⁶⁶ Правда, чтобы избежать неминуемого давления большевиков, Варшава вынуждена была смириться с функционированием многих центральных структур прометеевского движения в Париже.

Как справедливо отмечает российский исследователь С. Исхаков, «необходимо отличать прометеизм как идеологию и направление в польской внешней политике от прометеевского движения, которое составляли представители эмигрантских организаций нерусских народов СССР, боровшихся против большевистского режима».¹⁶⁷ Прометеевские лидеры из числа эмигрантов из СССР были воодушевлены идеалами спасения родины, восстановления утраченной государственности, освобождения от чуждой власти. И они вовсе не собирались слепо следовать за указаниями даже правительства такого дружественного государства как Польша. В этом отношении прометеевское движение никак не могло быть инспирировано из Варшавы или из Парижа.

Если в момент возникновения перед прометеевским движением ставилась скромная задача координации сотрудничества и обмена мнениями между руководящими органами различных нерусских эмигрантских организаций из СССР, то со временем его деятельность охватила «обширные идейно-политические горизонты». Как свидетельствуют секретные документы польских архивов, «эволюция «Прометей» пошла в сторону объединения всех народов, угнетаемых Россией, на общей платформе борьбы с Россией как «тюрьмой народов», а также признания права на независимость всех без исключения народов, даже тех, которые не имели в эмиграции легальных представителей. Короче говоря, развитие

¹⁶⁶ Марек Корнат. У истоков советологических и востоковедческих исследований в Польше (1919- 1939). Основные исследовательские центры // Европа. (Журнал польского Института международных дел). 2002, №4 (5). Т. 2. С. 190.

¹⁶⁷ А.М. Топчибаши: документы из личных архивов. С. 29.

«Прометей» пошло по линии превращения его в «интернационал угнетенных».¹⁶⁸ Главная же цель «Прометей» за весь период его деятельности оставалась неизменной — «всеми силами содействовать стремлениям, направленным к тому, чтобы вызвать национальную революцию на территории СССР».¹⁶⁹

Особую роль в развитии прометеевского движения сыграло создание в 1928 году в Варшаве при непосредственном участии М.Э. Расулзаде «Лиги угнетенных Россией народов» (общество «Прометей»), в состав руководящего органа которой, в частности, вошли представители Украины (А. Шульгин и Р. Смаль-Стоцкий), Азербайджана (М.Э. Расулзаде и М. Мехтиев), Туркестана (М. Чокай), Грузии (Н. Жордания и Г. Гвазава), Северного Кавказа (С. Шамиль, М. Хурш, Т. Шакман), крымских татар (Д. Саид Ахмед), Идель-Урала (А. Исхаки) и др.¹⁷⁰

Создание прометеевского движения было встречено в штыки не только советскими властями, но и русской политэмиграцией, выступавшей под лозунгом «единой и неделимой России». В данном вопросе с русскими эмигрантами солидаризовались и представители армянской эмиграции, отказавшиеся присоединиться к движению. Не придумав ничего нового, некоторые представители армянской эмиграции, чтобы внести разлад в кавказское единство и посеять рознь между мусульманами и христианами Кавказа, вновь извлекли из архива истории жупел пантуранизма. При этом их главной мишенью, несомненно, являлась азербайджанская политэмиграция и М.Э. Расулзаде.

Наглядным примером тому является статья армянского журналиста А. Хондкаряна «На службе у Турции»,

¹⁶⁸ Соцков. Л. Неизвестный сепаратизм. С. 300.

¹⁶⁹ Там же. С. 302.

¹⁷⁰ Oruclu M. Azərbaycanda və mühacirətdə Müsavat partiyasının fəaliyyəti (1911-1992). Bakı, 2001. S. 101.

опубликованная в еженедельнике «Дни», издаваемым бывшим председателем Временного правительства А. Керенским.¹⁷¹ Не гнушаясь ничем и голословно обвиняя М.Э. Расулзаде и других руководителей «Прометей» из числа тюрко-мусульманских народов в пантюркизме, А. Хондкаряна договорился до того, что «основной целью объединившихся вокруг «Прометей» тюрко-татарских сепаратистов является не устройство собственной жизни, а отделение от России, дабы присоединиться к Турции».¹⁷² Это заявление было откровенной попыткой внести раздор во взаимоотношения представителей мусульманских и христианских народов, входящих в прометеевское движение.

Вслед за статьей А. Хондкаряна, в 1930 году в Париже на русском языке была издана книга армянских авторов З. и В. Налбандянов, пишущих под псевдонимом Зареванд, «Турция и пантуранизм».¹⁷³ В этой книге авторы обвиняли Расулзаде в том, что он сам являлся «отъявленным пантуранистом».

На измышления А. Хондкаряна, а также З. и В. Налбандянов, М.Э. Расулзаде ответил одной из самых ярких своих теоретических работ — «О пантуранизме», опубликованной в 1930 году на русском языке в Париже. Эта работа является программой реорганизации всего мусульманского мира на началах европейской цивилизации. Как справедливо отмечает автор предисловия к этой работе, известный грузинский деятель Н. Жордания, в ней М.Э. Расулзаде на основе конкретных фактов доказывает, что «Восток, которого до сих пор никак не может понять Запад, развивается теми же путями, как и этот последний; что он, хотя и поздно, но неуклонно, шаг за шагом, продельывает в области национальной и

¹⁷¹ Расулзаде М.Э. О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. Оксфорд, 1985. С. 19.

¹⁷² Там же. С. 21.

¹⁷³ Зареванд. Турция и пантуранизм. С предисловием А.Н. Мандельштама. Париж, 1930.

политической мысли ту же эволюцию, которую проделал Запад, шествуя к европейским общественным и политическим формам». ¹⁷⁴

В этом отношении попытка реорганизации в 1918—1920 гг. Азербайджана на основе европейских ценностей, по мнению М.Э. Расулзаде, являлась вовсе не капризом горстки личностей, не импровизацией, лишенной глубоких корней, а объективно закономерным, исторически необходимым следствием предыдущего этапа развития азербайджанского общества.

Отвечая на обвинения в пантуранизме «рабов и добровольцев русского империализма» ¹⁷⁵ в лице некоторых армянских авторов, М.Э. Расулзаде напомнил им о том, что азербайджанские политические деятели, в частности лидеры партии «Мусават», изначально стояли в оппозиции к романтическому пантуранизму, преследующему цель объединения всех тюркских народов в едином государстве, «как утопии, не имеющей под собой реальной почвы». ¹⁷⁶

По словам М.Э. Расулзаде, наоборот, азербайджанские политические деятели «с самого начала возникновения Азербайджанской Республики, стояли за необходимость единения всех кавказских народов в одно конфедеративное государство», ¹⁷⁷ считая этот лозунг «более соответствующим насущно-реальным интересам Азербайджана и всего тюркского мира». ¹⁷⁸

Что же касается пантуранизма, то, как отмечает М.Э. Расулзаде, для азербайджанских лидеров, как реалистов в политике, ценна лишь концепция тюркизма, которую следует воспринимать исключительно в культурном контексте,

¹⁷⁴ Расулзаде М.Э. О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 15-16.

¹⁷⁵ Там же. С. 19.

¹⁷⁶ Там же. С. 71.

¹⁷⁷ Там же. С. 77.

¹⁷⁸ Там же. С. 71.

поскольку он ратует только за сохранение и углубление культурных связей между различными тюркскими народами. ¹⁷⁹

В силу этого, М.Э. Расулзаде был убежден в том, что «национальная консолидация народа не зиждется только на общности расовых начал и что из одного и того же расового материала могут выделиться разные самостоятельные нации». ¹⁸⁰ М.Э. Расулзаде еще раз напоминал своим оппонентам, обвинявшим его в пантюркизме, что «единой тюркской нации нет, а существуют только нации тюркской расы». ¹⁸¹

В работе «О пантуранизме» М.Э. Расулзаде, касаясь обвинений А. Хондкяряна относительно сепаратизма руководителей «Прометей», пишет: «Эти народы, ведущие не сепаратистскую, а настоящую борьбу за независимость своих родин, в то же время ничуть не намерены расчленить Россию. Наоборот, мы от души желаем России процветать и сохранить свое территориальное единство в пределах своих национальных границ. Но и господа Керенские должны признать ту очевидную истину, что отход Кавказа — азербайджанцам, грузинам и горцам, это вовсе не означает расчленения России. Точно также ни Украина, ни Туркестан никакого отношения к России не имеют». ¹⁸²

В заключение своей работы М.Э. Расулзаде в очередной раз доводил до сведения армянских представителей ту очевидную истину, что «отойти от ложного пути, на каком бы ни было этапе, всегда полезно». И советовал им проявить «большую осторожность в своих сенсационных выпадах против своих соседей, с которыми они вынуждены жить совместно». Как подчеркивал М.Э. Расулзаде, «это было бы разумно и полезно», и, в первую очередь, по отношению к собственной нации. ¹⁸³

¹⁷⁹ Расулзаде М.Э. О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой. С. 26.

¹⁸⁰ Там же. С. 79.

¹⁸¹ Там же. С. 49.

¹⁸² Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 35.

¹⁸³ Там же. С. 29.

В отличие от армянских представителей, правые азербайджанские эмигранты, в частности, Х. Султанов, обвиняли М.Э. Расулзаде уже в предательстве интересов «тюрко-мусульманских братьев» и сотрудничестве с представителями христианских народов. Подобные заявления Х. Султанова, несомненно, носили спекулятивный характер, поскольку он сам при необходимости активно сотрудничал с эмигрантами из числа представителей христианских народов. В данном же случае, он, оказавшись на вторых ролях как в КНК, так и в прометеевском движении, просто решил громко хлопнуть дверью, а заодно в очередной раз попытаться дискредитировать М.Э. Расулзаде.

Как бы то ни было, создание КНК, азербайджанскую национальную секцию которого возглавил М.Э. Расулзаде, а также зарождение прометеевского движения отнюдь не способствовали улучшению и без того напряженных взаимоотношений между ним и турецкими властями. Дело в том, что официальная Анкара, мягко говоря, с подозрением и раздражением относилась к любым контактам азербайджанских эмигрантов с представителями европейских государств, видя в них некие происки европейцев против Турции.

В этом отношении турецкие власти не были в восторге и от идеи кавказского единства, рассматривая ее интригой некоторых европейских государств, и, в первую очередь, Англии и Франции. Неудивительно, что еще в октябре 1924 года М.Э. Расулзаде предупредил А.М. Топчибаши о том, что идея Кавказской федерации «популярна не во всех политических кругах Турции», и для Анкары более предпочтительна идея не кавказской, а тюркско-мусульманской федерации.¹⁸⁴

Тем не менее, в течение 1923—1925 гг. М.Э. Расулзаде приложил немало усилий, чтобы добиться поддержки турецкого

¹⁸⁴ Письмо М.Э. Расулзаде - А.М. Топчибаши. 08.10.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 49-50.

правительства в вопросе кавказского единства. В частности, он предлагал турецким представителям взять под свой патронаж процесс консолидации кавказской эмиграции в едином центре. В какой-то момент ему удалось даже вызвать определенный интерес у турецких властей к этой идее. Но по мере потепления турецко-советских отношений, в особенности после подписания между двумя странами 17 декабря 1925 года договора о дружбе и нейтралитете,¹⁸⁵ Анкара потеряла всякий интерес к этому вопросу.

Поэтому неудивительно, что из-за «вынужденной дружбы» между Анкарой и Москвой не только азербайджанские, но и другие политэмигранты из СССР, обосновавшиеся в Турции, начали отдавать предпочтение контактам с европейскими странами. Поскольку им было ясно, что только совместными усилиями и консолидированными действиями всех кавказских народов можно добиться успеха в противостоянии с таким сильным противником как большевизм.

Не составлял исключения и М.Э. Расулзаде, который также начал более активно налаживать сотрудничество с европейскими представителями, заинтересованными в реализации идеи кавказского единства. Это еще раз подтверждает тот факт, что при всем уважении и любви к Турции, М.Э. Расулзаде в своей политической деятельности руководствовался исключительно интересами азербайджанского народа и его государственной независимости.

В конечном итоге, совместные усилия кавказских политэмигрантов и представителей европейских государств, и, в первую очередь, Польши, привели к созданию Комитета независимости Кавказа. Характерно, что, даже предвидя негативную реакцию турецких властей, М.Э. Расулзаде летом 1927 года «не только поместил воззвание Комитета независимости Кавказа в «Yeni Kafkasya», но даже напечатал ряд

¹⁸⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. 8. С. 739-742.

статей в его защиту». ¹⁸⁶ Подобные действия М.Э. Расулзаде не могли остаться без последствий для его взаимоотношений с турецкими властями. Тем более что ряд других факторов также способствовали обострению отношений М.Э. Расулзаде с официальными кругами Турции.

В этом немалую роль сыграли и интриги некоторых азербайджанских политэмигрантов из числа оппонентов М.Э. Расулзаде, в частности, Х. Султанов, Х. Хасмамедов и Ш. Рустамбейли, которые изо всех сил старались дискредитировать его в глазах турецких властей. Используя свои тесные связи с турецкими спецслужбами, они пытались окончательно испортить взаимоотношения М.Э. Расулзаде и турецких властей, и в итоге добиться его высылки из страны. По их замыслам, это значительно облегчило бы им задачу прибрать к рукам руководство азербайджанскими политэмигрантами в Турции, и самим распоряжаться финансовыми средствами, выделяемыми европейскими донорами на деятельность эмигрантов. Причем для Х. Султанова и его соратников из числа азербайджанских политэмигрантов первостепенную значимость имела именно финансовая сторона вопроса.

При этом в борьбе с М.Э. Расулзаде для Х. Султанова и его соратников были приемлемы любые средства, которые менялись в зависимости от складывающейся ситуации. Например, летом 1925 года Х. Султанов обвинял М.Э. Расулзаде в «туркофильстве» и объяснял отсутствие мусаватистов в составе Комитета конфедератов тем, что партия «Мусават» якобы не желает защищать идею Кавказской Конфедерации и собирается присоединить Азербайджан к Турции. А спустя ровно год, после избрания М.Э. Расулзаде руководителем азербайджанской секции КНК, Х. Султанов и единомышленники начали обвинять его уже в «туркофобии», в попытке

¹⁸⁶ *Yaqublu N. Azərbaycan - Polşa əlaqələrində M.Ə. Rəsulzadənin rolu*. Bakı, 2007. S. 232.

оторвать Азербайджан не только от Турции, но и от всего тюркского мира.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти обвинения тут же были подхвачены и растиражированы некоторыми турецкими СМИ. Так, сотрудник стамбульской газеты «*Vakit*» опубликовал серию статей некоего Али Гейдара Амира, который старался доказать, что «идея независимого Азербайджана противоречит идее турецкого единства». Автор утверждал, что идеологическая деятельность М.Э. Расулзаде преследует цель создания азербайджанской нации, что противоречит интересам тюркского мира. По мнению турецкого журналиста, в 1918 году Азербайджан не должен был объявлять себя независимым, а присоединиться к Турции. Провозглашение независимости Азербайджана Али Гейдар считал проявлением «антитурецкой политики» азербайджанских партий, и, в первую очередь, «Мусават». Неудивительно, что идею Кавказской Конфедерации он также объявил противоречащей общетюркскому единству.¹⁸⁷

Очевидно, что пребывающий в Турции в статусе политэмигранта М.Э. Расулзаде не мог жестко и открыто выступить против этих надуманных обвинений турецкого журналиста. В письме А.М. Топчибаши, признаваясь в ограниченности своих возможностей, М.Э. Расулзаде писал: «При других обстоятельствах я углубил бы эту полемику, ставил бы все точки над «i», но политический момент едва ли способствует этому... Посему приходится пока держаться оборонительной тактики и, не переходя на резкое наступление, способствовать планомерному развитию спора, не задаваясь целью также и прекратить ее, ибо подобные споры вызывают известный интерес к вопросам, связанным с Азербайджаном». ¹⁸⁸

¹⁸⁷ Письмо М.Э. Расулзаде - А.М. Топчибаши. 23.02.1926 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 121-122.

¹⁸⁸ Письмо М.Э. Расулзаде - А.М. Топчибаши. 23.02.1926. С. 123.

При этом М.Э. Расулзаде не собирался отказываться от поддержки проекта общекавказской интеграции и пытался довести до турецкого общественного мнения тот очевидный факт, что только совместными усилиями всех кавказских народов можно освободиться от диктата Кремля и добиться независимости Кавказа. Он особо подчеркивал, что идея объединения кавказских народов в единое политическое целое вовсе не противоречит интересам освобождения тюркских народов от «ненавистного русского империализма». Наоборот, по мнению М.Э. Расулзаде, Кавказская Конфедерация «служба гарантией прочного мира на Востоке и играя роль барьера против русского проникновения на юг», могла бы стать эффективным средством в борьбе тюркских народов за свою независимость.¹⁸⁹

Правда, М.Э. Расулзаде все же приходилось действовать в Турции с предельной осторожностью. И причиной тому являлись не только подобные нападки определенной части турецкой прессы и интриги некоторых азербайджанских политэмигрантов, но и усиливающееся давление Кремля на Анкару с требованием запретить на турецкой территории деятельность азербайджанских и других политэмигрантов из СССР. Выступая в марте 1925 года на IV Всеазербайджанском съезде Советов в Баку, министр иностранных дел СССР Г.В. Чичерин отмечал, что советское правительство неоднократно обращалось к правительству Турции, выражая свой протест подобным действиям и требуя их пресечения.¹⁹⁰

Причем, большевики действовали не только кнутом, но и пряником, давая азербайджанским эмигрантам различные обещания в обмен на прекращение их антисоветской деятельности. Как вспоминает М.Э. Расулзаде, с подобной миссией в середине 20-х гг. XX века в Турцию из Азербайджана

¹⁸⁹ *Расулзаде М.Э.* Национальное движение в Азербайджане. С. 9.

¹⁹⁰ *Məmmədşadə M.B.* Milli Azərbaycan hərəkəti. S.189.

прибыл родной брат Ш. Рустамбейли, служивший у большевиков. В ходе встречи, проходившей в стамбульской квартире Ш. Рустамбейли, большевистский эмиссар обещал М.Э. Расулзаде, что в случае прекращения издания «Yeni Kafkasiya» они готовы создать все условия для возвращения эмигрантов на родину. Ответ М.Э. Расулзаде большевистскому эмиссару был довольно лаконичным: «Сообщи мирза давудам, что я гарантирую — последний номер «Yeni Kafkasya» выйдет в момент, когда последний русский солдат покинет азербайджанскую территорию через станцию Пойлу».¹⁹¹

Впрочем, до 1926 года, пока Турция не проявляла особой активности для установления более тесных отношений с западными государствами, подобные требования Кремля относительно пресечения деятельности политэмигрантов на турецкой территории носили, в значительной степени, дежурный характер. Поэтому, невзирая на давление со стороны как советских, так и турецких властей, М.Э. Расулзаде продолжал издание «Yeni Kafkasya» с той же решительностью и энергией.

Однако, уже в 1927 году, после заключения Анкарой ряда договоров с западными державами, отношения Анкары с Москвой стали ухудшаться. Кремль, встревоженный сближением Анкары с Англией, а также попытками объединения эмигрантов-кавказцев, предпринятыми поляками и некоторыми британскими кругами, принял срочные меры с целью лишения Варшавы и Лондона возможности эффективно использовать эмигрантов.

Прекрасно осознавая, что Турция по своему географическому положению является наиболее удобным местом для ведения разведывательной работы в кавказском регионе, Москва заметно усилила давление на Анкару, требуя прекращения деятельности антисоветских организаций на

¹⁹¹ *Resulzade M.E.* Şefibeyçilik. S. 56.

территории страны. Чтобы как-то сгладить негативные последствия своего сближения с Западом для турецко-советских отношений, Анкаре ничего не оставалось, как пойти на удовлетворение требований Советов.¹⁹²

Начались гонения турецких властей на представителей кавказских эмигрантских организаций и закрытие их печатных органов. Так, в 1927 году под давлением СССР турецкие власти решили приостановить издание журнала «Yeni Kafkasya».¹⁹³ Одновременно они ужесточили контроль над деятельностью азербайджанских эмигрантских организаций с целью пресечения любых попыток их финансирования из турецких источников. Аналогичные действия были предприняты и в отношении других кавказских политэмигрантов. Это было началом процесса постепенного выдавливания кавказских эмигрантских организаций из Турции.

Так, высылка в сентябре 1928 года турецкими властями представителя Грузинского национального центра С. Мдивани поставила под вопрос возможность дальнейшего функционирования Комитета независимости Кавказа в Стамбуле. В этой связи следует напомнить, что еще в 1927 году, после высылки из Турции сотрудников грузинских пунктов связи, разведывательных организаций, функционирующих на турецко-грузинской границе и поддерживающих постоянную связь с подпольными организациями в Грузии, Грузинский национальный центр поставил перед Варшавой вопрос о переносе местопребывания КНК из Стамбула в другое место. Лидеры грузинской политэмиграции мотивировали эту просьбу тем, что в создавшейся ситуации грузинская секция КНК лишена возможности каких-либо действий на турецкой территории.¹⁹⁴

¹⁹² Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 203.

¹⁹³ Yaqublu N. Müsavat partiyasının tarixi. Bakı, 1997. S. 191.

¹⁹⁴ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 205.

Не отрицая наличия объективных трудностей для дальнейшего пребывания Комитета независимости Кавказа в Стамбуле, все же следует отметить, что при выдвижении данного предложения определенную роль сыграли и субъективные факторы. Грузинские представители изначально подозревали азербайджанских политэмигрантов в тайных связях и особых отношениях с турецкими властями, которые, по их мнению, якобы тщательно скрывались от грузинских эмигрантов.¹⁹⁵ Хотя реальные факты опровергают все эти предположения, но грузины, иницируя вопрос о переносе местопребывания КНК из Стамбула в другое место за пределами Турции, пытались создать не только более комфортные условия для своей деятельности, но и покончить этим с «привилегированными» отношениями азербайджанских политэмигрантов с турецкими властями.

Как и следовало ожидать, против этой идеи выступил М.Э. Расулзаде. Несмотря на закрытие журнала «Yeni Kafkasya» и непрекращающиеся на него нападки некоторых турецких газет, Мамед Эмин бей не терял оптимизма относительно возможности восстановления сотрудничества кавказских политэмигрантов с турецкими властями хотя бы в прежнем формате. В конце ноября 1927 года в своем письме Т. Шетцелю он выражал надежду «на возобновление в скором будущем издания «Yeni Kafkasya».¹⁹⁶

М.Э. Расулзаде прилагал также немало усилий и для того, чтобы переубедить турецкую сторону и добиться ее согласия на возвращение С. Мдивани в Стамбул. Во время многочисленных конфиденциальных встреч с представителями турецких официальных кругов М.Э. Расулзаде пытался убедить их в необходимости поддержки освободительного движения

¹⁹⁵ Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 15.04.1924 // А.М. Топчибаши и М.Э. Расулзаде: Переписка. С. 30.

¹⁹⁶ Yaqublu N. Azərbaycan - Polşa əlaqələrində M.Ə. Rəsulzadənin rolu. S. 237.

кавказских народов. Он конкретными историческими фактами доказывал, что цели кавказских эмигрантских организаций полностью соответствуют коренным национальным интересам Турции. М.Э. Расулзаде неустанно напоминал турецким представителям о том, что именно героическое сопротивление кавказских народов преградило путь экспансии русского империализма в Иран, Турцию и вообще, на Восток.

М.Э. Расулзаде был искренне убежден в том, что именно в горах Кавказа не только рассеялись завоевательные мечты основателя русского империализма Петра I о выходе к «теплым морям», но окончательно выдохся и сам империализм в 150-летней борьбе с кавказскими народами. Он подчеркивал, что героизм кавказцев спас Восток от хищных, смертельных объятий «русского медведя». Тем самым, М.Э. Расулзаде в корректной форме давал понять турецкой стороне, что теперь их черед возвращать старые «долги».

Учитывая, что в данном направлении, помимо М.Э. Расулзаде, действовали и руководители северокавказской эмиграции, а также польские дипломаты, Анкара на какое-то время несколько смягчила свое отношение к кавказским, в том числе азербайджанским политэмигрантам. Проявлением этого стало согласие турецких властей на издание печатного органа Азербайджанского национального центра — «Azəri Türk» взамен закрытого «Yeni Kafkasya». Одновременно М.Э. Расулзаде получил заверения от ряда ответственных лиц Турции, что при условии строгого соблюдения конспирации, кавказцы и в дальнейшем смогут продолжить работу на турецкой территории.

На первый взгляд складывалось впечатление, что кризис во взаимоотношениях турецких властей с кавказскими политэмигрантами миновал. По этой причине М.Э. Расулзаде в октябре 1928 года в письме Н. Рамишвили выражал надежду на то, что после начала издания журнала «Azəri Türk»,

отношение Турции к грузинским эмигрантам так же улучшится, в результате чего им «удастся так или иначе иметь здесь своих людей, которые могли бы продолжать работу Мдивани»¹⁹⁷. В конце письма лидер партии «Мусават» просил Н. Рамишвили, «во-первых, в интересах общего дела, воздержаться от излишней огласки этого инцидента... Во-вторых, не торопиться с решением по этому поводу, ибо скоропалительное решение может оказаться пагубным для нашего общего дела. И в третьих, не возбуждать вопроса о перемене местонахождения Комитета независимости Кавказа, — хотя бы временно, — из Стамбула».¹⁹⁸

Однако очень скоро выяснилось, что Турция, по крайней мере, в обозримом будущем, не собирается активно и открыто поддерживать кавказских, в том числе азербайджанских политэмигрантов в их борьбе против советского режима. Это объяснялось значимостью для Анкары отношений с Москвой, хотя освободительная борьба кавказских народов за свою независимость в случае успеха также сулила Турции немалые геополитические дивиденды. Но турки, как закоренелые прагматики, предпочли синицу в руках журавлю в небе.

Обыски, проведенные 1 июня 1929 года турецкими спецслужбами на стамбульской квартире М.Э. Расулзаде и в офисе редакции журнала «Azəri Türk», похоронили последние надежды азербайджанских политэмигрантов на достижение взаимопонимания с властями Турции. В ходе этих обысков турецкой полицией были выявлены и конфискованы документы относительно конспиративной деятельности АНЦ и КНК. Поэтому этот инцидент вошел в историю под названием — «milli evrak meselesi» («дело национальных документов»). Учитывая наличие тесных связей между Анкарой и

¹⁹⁷ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 205.

¹⁹⁸ Там же. С. 205-206.

Москвой, нельзя было полностью исключить попадание части этих документов в руки советских спецслужб.

Но самое прискорбное в этой истории заключалось в том, что турецких властей на эти явно недружественные в отношении М.Э. Расулзаде действия подтолкнули некоторые азербайджанские эмигранты, в частности, Ш. Рустамбейли и Х. Султанов, которые, как уже отмечалось выше, были вхожи в спецслужбы Турции. Подтверждением тому является письмо от 12 сентября 1929 года известного азербайджанского политэмигранта Мехмет Садыка Ахундзаде, которого трудно заподозрить в особых симпатиях к М.Э. Расулзаде. В своем письме он утверждает, что зачинщиком этого происшествия является Ш. Рустамбейли.¹⁹⁹

В своем письме, а также написанной по поводу этого инцидента статье «Paydos, efendiler» («Кончайте, господа»), напечатанной в двух подряд номерах журнала «Azəri Türki», М.С. Ахундзаде утверждал, что Ш. Рустамбейли подобными интригами пытался покончить с лидерством М.Э. Расулзаде как в АНЦ, так и в партии «Мусават». ²⁰⁰ Ш. Рустамбейли регулярно отправлял доносы в турецкие спецслужбы, в которых утверждалось о наличии у М.Э. Расулзаде скрытых враждебных намерений в отношении Турции. Достоверность информации о подобных выходках Ш. Рустамбейли подтверждается и другими источниками, в частности, Селимом Агасибейли.²⁰¹ Кстати, последний входил в близкое окружение Ш. Рустамбейли.

Интересно отметить, что впоследствии Ш. Рустамбейли упрекал М.Э. Расулзаде в поднятии излишнего шума вокруг этого инцидента. Он с невероятным цинизмом утверждал, что не стоит беспокоиться по поводу попадания документов

¹⁹⁹ *Resulzade M.E. Şefibeyçilik*. S. 32.

²⁰⁰ *Resulzade M.E. Şefibeyçilik*. S. 34.

²⁰¹ A. g. e., S. 39.

АНЦ в руки турецких спецслужб. И мотивировал свою позицию тем, что эти документы были конфискованы спецслужбами не «враждебных государств», а братской Турции.²⁰² Комментарию, как говорится, излишни.

Вряд ли следует считать случайностью и тот факт, что эти обыски по времени совпали с очередным серьезным конфликтом внутри «Мусават» и АНЦ, спровоцированным со стороны Ш. Рустамбейли и Х. Хасмамедова. Необходимо признать, что они выбрали достаточно «подходящий» момент для нанесения удара по позициям М. Э. Расулзаде внутри партии. Ведь тогда напряженность во взаимоотношениях турецких властей с М.Э. Расулзаде достигла своего пика. Именно в такой сложной ситуации Х. Хасмамедов и Ш. Рустамбейли решили открыть «второй фронт» против М.Э. Расулзаде. Тем более что ситуация эта действительно благоприятствовала реализации давнишней мечты тандема Х. Хасмамедов — Ш. Рустамбейли об установлении своего контроля над руководством партии «Мусават» и Азербайджанского национального центра.

Интриги Ш. Рустамбейли, поддерживаемые со стороны Х. Хасмамедова, полностью парализовали деятельность руководящего органа партии «Мусават» — Дивана. В этой ситуации с целью восстановления работоспособности руководящего органа партии было решено приступить к его реорганизации. Данное решение получило одобрение абсолютного большинства местных ячеек и рядовых членов партии. Лишь Х. Хасмамедов с Ш. Рустамбейли отказались подчиниться решению партии, вступив «на ложный путь интриги и шантажа».²⁰³

Чтобы обезопасить партию «от тактики шантажа и дезорганизации» подобных лиц, в конце 1928 года руководство

²⁰² *Rüstembeyli Ş. M.E. Resulzadenin feci sukutu*. S. 24.

²⁰³ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 1. Д. 317. Л. 12.

«Мусавата» исключило Х. Хасмамедова и Ш. Рустамбейли из состава стамбульской организации и отозвало их из АНЦ.²⁰⁴ Осознавая полное фиаско своей затее и пытаясь добиться от руководства «Мусават» аннулирования данных решений, Х. Хасмамедов и Ш. Рустамбейли пошли по пути интернационализации сугубо внутрипартийного конфликта, и в январе 1929 года пожаловались на М.Э. Расулзаде польскому послу в Турции.²⁰⁵

Одновременно они начали снабжать турецкие спецслужбы дезинформацией о мнимых «антитурецких» намерениях и планах М.Э. Расулзаде, что лишь ускорило его депортацию из Турции. Не исключено, что Ш. Рустамбейли действовал под диктовку советских спецслужб. По крайней мере, в документах польской разведки утверждается, что Ш. Рустамбейли поддерживал контакт с Лубянской.²⁰⁶

Как бы то ни было, Х. Хасмамедов, Ш. Рустамбейли и Х. Султанов максимально воспользовались инцидентом с обыском для дискредитации М.Э. Расулзаде. В частности, Ш. Рустамбейли пытался убедить азербайджанских политэмигрантов в том, что эти обыски стали следствием того, что М.Э. Расулзаде окончательно потерял доверие турецких властей.²⁰⁷ Тем самым, он намекал на необходимость отстранения М.Э. Расулзаде от руководства «Мусават» и АНЦ, поскольку его высылка из страны, по его мнению, была лишь вопросом времени.

В архиве правительства Грузии в изгнании сохранилось письмо Х. Султанова А. Чхенкели, где он пишет, что обыски у Расулзаде и Шамиля стали следствием того, что турки им не доверяют. Он утверждал, что именно из-за беспечности

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 72. Л. 19.

²⁰⁷ *Rüstembeyli Ş. M.E. Resulzadenin feci sukutu. S. 32.*

М.Э. Расулзаде важнейшие конфиденциальные документы КНК попали в руки турецких спецслужб. При этом Х. Султанов подчеркивал, что если грузины порвут с М.Э. Расулзаде и сделают ставку на его группу, то турки согласятся на деятельность КНК в Стамбуле.²⁰⁸ В этой связи грузинский исследователь Г. Мамулиа считает более чем вероятным, что за всем этим стояла Лубянка с целью перехвата канала связи кавказских прометеевцев со Стамбулом.

Действительно, «забота» Х. Султанова о судьбе документов КНК выглядела более чем странной, если учесть, что он еще в мае 1928 года вместе со своими соратниками из бывшего Комитета конфедератов вышел из состава данной структуры, и с тех пор не признавал легитимность Комитета независимости Кавказа.

Хотя попытки Ш. Рустамбейли и Х. Султанова дискредитировать М.Э. Расулзаде в глазах азербайджанских эмигрантов и руководства КНК провалились, инцидент с обыском окончательно испортил его отношения с турецкими властями. Учитывая, что некоторыми турецкими кругами с раздражением воспринималась даже идея азербайджанской независимости, то нетрудно догадаться, что они были явно не в восторге от попавших в их руки документов АНЦ и КНК, главной целью которых являлась борьба с новоявленным «закадычным другом» Турции — советским режимом.

Неудивительно, что турецкие спецслужбы усилили слежку за азербайджанскими лидерами, подтверждением чему стала секретная директива начальника Службы национальной безопасности (Milli Emniyet Hizmeti — МЕН) Турции Шюкрю Али руководителю Стамбульского отдела разведки от 29 декабря 1929 года.²⁰⁹ Как видно из содержания этого документа, к тому времени М.Э. Расулзаде находился под

²⁰⁸ *Мамулиа Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 206.*

²⁰⁹ *Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 19-20.*

колпаком турецких спецслужб, и вопрос его высылки из Турции всерьез обсуждался в турецких правящих кругах уже в конце 1929 года.

В директиве начальника МЕН открыто подчеркивается, что «с целью сохранения дружбы с русскими, правительство не может поощрять в Турции подобного рода деятельность» М.Э. Расулзаде и его соратников по эмиграции. В документе также содержалось предупреждение о том, что деятельность КНК на территории страны не может быть разрешена, и «если они (комитетчики) будут продолжать ее, то будут высланы из Турции». Азербайджанским эмигрантам предлагалась «работать скрытно». ²¹⁰

Как видно из содержания данного документа, турецкие власти прямым текстом говорили о том, что ради поддержки освободительной борьбы азербайджанских тюрок они не могут рисковать дружбой с советской Россией. По существу, от М.Э. Расулзаде требовали ограничиться глубоко конспиративной работой. Но это было неприемлемо для Мамед Эмин бея, поскольку борьба за азербайджанский идеал требовала определенной публичности и открытости, в чем турецкие власти ему отказывали.

Они фактически пытались использовать азербайджанских эмигрантов и М.Э. Расулзаде в качестве разменной монеты в политической игре с Кремлем. И не прочь были также воспользоваться возможностями эмигрантов для сбора разведанных о ситуации на Кавказе, о военном и экономическом потенциале большевиков в этом регионе. Ведь, судя по оперативным данным советских спецслужб, «у руководителей эмиграции имелись довольно регулярные связи с родиной, куда под разными прикрытиями частенько выезжали их эмиссары для решения своих эмигрантских дел». ²¹¹ Не-

²¹⁰ Там же. С. 19.

²¹¹ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 21.

удивительно, что азербайджанские и, в целом, кавказские эмигранты обладали достаточной информацией о ситуации на Кавказе, в получении которой была заинтересована и турецкая разведка.

Однако М.Э. Расулзаде отказался принять «правила игры», предложенные Анкарой, что, возможно, позволило бы ему и в дальнейшем оставаться в стране. Вместо этого он в очередной раз проигнорировал предупреждение турецких властей о недопустимости открытой антисоветской деятельности. Хотя Мамед Эмин бей прекрасно осознавал, что долго так продолжаться не может. И в условиях, когда дальнейшее нахождение на турецкой территории Комитета независимости Кавказа и Азербайджанского национального центра становилось все более проблематичным, он начал постепенно переводить отдельные подразделения этих структур из Турции в европейские страны. Да и сам он в конце 20-х гг., в основном, находился в Европе, лишь изредка приезжая в Турцию. Тем не менее, М.Э. Расулзаде до последнего момента пытался использовать существующие в Турции даже минимальные возможности для пропаганды и популяризации идеи национального освобождения азербайджанских тюрок.

С этой целью в Турции продолжали издаваться печатные органы партии «Мусават» — журналы «Azəri Türk» (с февраля 1928 по февраль 1930 гг.) и «Odlu Yurt» (с марта 1929 по август 1931 гг.), а также еженедельная газета «Bildiriş» (с августа 1930 по сентябрь 1931 гг.). Все эти печатные издания с той же принципиальностью и последовательностью продолжали линию «Yeni Kafkasya», направленную против большевистской оккупации Азербайджана. Но, как видно, издание этих печатных органов оказалось непродолжительным. И это было неудивительно, поскольку под усиливающимся давлением Кремля Анкара постепенно ограничивала возможности азербайджанской эмиграции для более или менее полноценной деятельности на территории страны.

Ужесточение позиции Кремля в отношении действующих на территории Турции кавказских эмигрантов было обусловлено критической ситуацией, складывающейся на Кавказе в связи с началом процесса насильственной коллективизации. В начале 30-х гг. весь Кавказ оказался охваченным повстанческим движением, направленным против большевистской власти. Причем, председатель Совнаркома ЗСФСР Ш.З. Элиава, выступая в 1930 году на одном из заседаний Закавказского краевого комитета Коммунистической партии, подчеркивал, что в авангарде борьбы против коллективизации в закавказском регионе находится Азербайджан, где повстанческое движение, по сравнению с Грузией и Арменией, приобрело гораздо более масштабные размеры.²¹²

Этот факт подтверждается и архивными документами советских спецслужб. В составленной ОГПУ осенью 1931 года справке об активизации антисоветских элементов в Закавказье, подчеркивалось, что «в течение 1930 г. в Азербайджане имели место массовые вооруженные восстания в Гянджинском, Нухинском, Закатальском и Карабахском районах и в Нахичеванской АССР. В восстаниях приняли участие не только значительная часть бедноты и середнячества, но и некоторые советские работники, партийцы и комсомольцы. В Гянджинском районе на стороне повстанцев активно участвовало 70 членов партии, 88 комсомольцев, 14 работников милиции».²¹³ По свидетельству же тогдашнего секретаря Закавказского краевого комитета ВКП (б) Н.П. Чаплина, «в Шеки в самый тяжелый момент многие коммунисты и комсомольцы перешли на сторону повстанцев», и, уйдя в горы, отчаянно сражались с чекистами.²¹⁴

²¹² Расулзаде М.Э. Под лозунгом единства Кавказа // Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше. С. 29.

²¹³ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918-1933 гг. М., 2005. С. 673.

²¹⁴ Расулзаде М.Э. Под лозунгом единства Кавказа. С. 27.

В своей работе «Под лозунгом Кавказа», посвященной анализу этих событий, М.Э. Расулзаде подчеркивал закономерность того факта, что повстанческое движение на Кавказе получило наибольший размах именно в Азербайджане: «Ведь «уничтожение кулака, как класса», в условиях Азербайджана означало фактически поголовное истребление основной массы населения. 60% сельского населения в Азербайджане составляли именно те категории лиц, которые подлежали «раскулачиванию»».²¹⁵

Другой важной причиной яростного сопротивления подавляющего большинства азербайджанского крестьянства политике коллективизации М.Э. Расулзаде считал то обстоятельство, что исторически Азербайджан «никогда не знал институт общинного землевладения», составлявший основу создаваемых советскими властями коллективных хозяйств. По словам М.Э. Расулзаде, этот институт являлся сугубо русским явлением, что придало «антиколхозным выступлениям антиокупационный, т. е. антирусский характер». В этом отношении социально-классовый момент вполне совпадал с национальным, поскольку повстанцы зачастую требовали не только отмены коллективизации, но и восстановления своей национальной власти.²¹⁶

Что же касается большевистских функционеров, то они объясняли масштабность антисоветских выступлений сильной позицией кулачества в Азербайджане и зарубежным влиянием. Главной же «угрозой из-за рубежа», несомненно, являлись мусаватисты. Например, секретарь ЦК КП (б) Азербайджана Н.Ф. Гикало утверждал, что все это дело рук «Мусавата», и именно «мусаватизм» одухотворяет антисоветское повстанческое движение. Аналогичного мнения придерживался и вышеупомянутый Ш.З. Элиава. Правда, он считал

²¹⁵ Расулзаде М.Э. Под лозунгом Кавказа. С. 26.

²¹⁶ Там же.

зачинщиком всех этих событий Комитет независимости Кавказа, в целом.²¹⁷ Действительно, согласно отчетам ОГПУ, деятельность партизан частично координировалась азербайджанскими эмигрантскими организациями.²¹⁸

Среди эмигрантских организаций наиболее активно со своими подпольными ячейками внутри Азербайджана контактировали «Мусават» и АНЦ. Это позволяло им не только координировать деятельность своих сторонников внутри страны, но и владеть достаточно подробной и достоверной информацией о внутренней ситуации в Азербайджане. Причем, как свидетельствуют документы ОГПУ, рассекреченные после распада СССР, внутри Азербайджана наиболее активную пропагандистскую работу мусаватисты вели именно среди крестьян. И повстанческое движение начала 30-х гг. подтвердило оправданность подобной тактики «Мусавата».²¹⁹

К тому же азербайджанские политэмигранты, по сравнению с грузинскими и северокавказскими эмигрантами, в этом отношении находились в более предпочтительном положении. Дело в том, что в конце 20-х гг. члены разведывательных организаций грузинских и северокавказских эмигрантов были высланы сначала из приграничных районов, а затем и полностью из Турции. Это значительно затруднило задачу грузинской и северокавказской эмиграции по поддержанию постоянных связей с подпольными организациями на родине.

Между тем, соответствующие структуры азербайджанской эмиграции продолжали свою деятельность на приграничной с Азербайджаном иранской территории. Несмотря на то, что вся территория Ирана была окутана паутиной разведывательной сети ОГПУ, азербайджанские эмигранты,

²¹⁷ Там же. С. 27.

²¹⁸ Мамулиа Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 210.

²¹⁹ Qasımlı M. Azərbaycan türklerinin milli mücadele tarihi. S. 332.

находясь в родной этнической среде, обладали немалыми возможностями, чтобы замаскировать свою деятельность по сбору информации и налаживанию связи с подпольными организациями внутри Азербайджана.

Тем более что в таких южно-азербайджанских городах, как Тебриз, Ардабиль, Астара имелись достаточно сильные местные ячейки «Мусавата». Они действовали под прямым руководством М.Э. Расулзаде, о чем свидетельствует обширная переписка между ним и тебризскими мусаватистами.²²⁰ И весь этот потенциал мусаватистов в Иране использовался для оказания организационно-пропагандистской поддержки повстанческому движению в Азербайджане.

Не имея возможности непосредственно участвовать в повстанческом движении, М.Э. Расулзаде, как и другие руководители Комитета независимости Кавказа, сосредоточили свои усилия на пропагандистской работе, призывая борющихся против советского режима повстанцев к межнациональной солидарности. В бюллетене КНК, который был специально напечатан на тонкой папиросной бумаге и затем нелегально распространен на оккупированном большевиками Кавказе, М.Э. Расулзаде призывал кавказских крестьян совместно бороться против общего врага:

«Единение народов Кавказа и полное сознание необходимости осуществления идеи независимой Кавказской Конфедерации — вот первый залог нашей окончательной победы! Итак, народы Кавказа, объединяйтесь, сомкните ваши ряды и наравне с вашими национальными знаменами поднимите выше знамя кавказского единства. В этом, повторяю, наше общее спасение!»²²¹

Азербайджанский национальный центр и Центральный Комитет партии «Мусават» в своих резолюциях, принятых

²²⁰ ГАППОД УДПАР. Ф. 1. Оп. 231. Д. 76. Л. 14.

²²¹ Бюллетень Комитета независимости Кавказа. 1931. №13. С. 10.

по поводу восстаний в Азербайджане, также энергично предлагали всем лицам, причастным к организациям, и всем патриотам — «говоря о независимости Азербайджана, одновременно говорить и о независимой Кавказской Конфедерации, ибо освобождение Азербайджана мыслимо только совместно с освобождением всего Кавказа». ²²²

Подобная пропаганда приносила свои плоды, поскольку армянские повстанцы, спасаясь от преследований, зачастую скрывались у азербайджанских тюрков, а последние — у армян. И это несмотря на то, что еще свежи были в памяти людей ужасы армяно-азербайджанских столкновений начала XX века. Данное обстоятельство очень тревожило большевистских функционеров. Так, глава ЗСФСР Ш.З. Элиава с беспокойством отмечал, что повстанцы «не видели разницы между Кораном и Евангелием, и в результате в Нахчыване имелись тюркские партизанские отряды, возглавляемые армянскими священниками, а в Даралегезе армянские повстанцы дрались под руководством тюркских вождей». ²²³

Все это приводило большевистских оккупантов в бешенство, подталкивая их к еще более жестоким репрессиям, которые сродни зверствам, творимым германскими фашистами в ходе Второй мировой войны на оккупированных территориях. Причем эти карательные операции не ограничивались только повстанцами. Во многих случаях их жертвами становилось, в первую очередь, мирное азербайджанское население. Ярким примером тому является расстрел мирных жителей азербайджанского села Чай-Абасы Гянджинского района, о котором сообщается в отчете ОГПУ. Там подчеркивается, что «при изъятии скрывшихся в указанном селе 8 бандитов, отрядом 4-го стрелкового полка 19 февраля 1930 г. были зверски расстреляны около 30 человек, т. е. все жители селения. Дома и другие постройки

²²² Расулзаде М.Э. Под лозунгом Кавказа. С. 28-29.

²²³ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 673.

подожжены, имущество разгромлено. В числе расстрелянных находилось 14 детей, из них 9 в возрасте от 2 до 6 лет. Кроме того, 4 грудных детей были брошены привязанными к трупам матерей и умерли от голода и холода. При обследовании места расстрела были обнаружены остатки костра, на котором лежало пять трупов, в том числе 3 детских. Один из трупов стorer почти совершенно, осталась одна голова». ²²⁴

Не вызывает сомнений, что большевики считали все эти варварские меры вполне адекватными в сложившихся условиях, чтобы сломить сопротивление азербайджанских крестьян. Но эти дикие и кровавые репрессии против мирного населения давали обратный эффект, еще больше усиливая ненависть и сопротивление азербайджанских крестьян большевистским оккупантам.

Однако М.Э. Расулзаде, как и другие руководители азербайджанской эмиграции, прекрасно понимал, что, несмотря на огромные масштабы повстанческого движения и отвагу партизан, они долго не смогут продержаться против «бешеных атак озверевших оккупантов, опираясь исключительно на свои собственные силы, не имея никакой помощи от культурного мира». ²²⁵ Исходя из этого, он резонно полагал, что оставленные цивилизованным миром на произвол судьбы повстанцы могут потерпеть поражение. Тем не менее, М.Э. Расулзаде считал, что «это будет только материальное и временное поражение. Морально же они уже победители. Полная же победа также гарантирована за ними — ибо они защищают морально непобедимые ценности свободы, права и национальной независимости». ²²⁶

Действительно, несмотря на героическое сопротивление азербайджанских повстанцев советским оккупационным

²²⁴ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 673.

²²⁵ Расулзаде М.Э. Под лозунгом Кавказа. С. 32.

²²⁶ Там же.

войскам, силы были слишком не равны. И повстанцы, в конечном итоге, спасаясь от зверств и насилия советской армии, вынуждены были со своими семьями укрыться в Иране. По данным эмигрантских источников, количество азербайджанских тюрков, бежавших в Иран из советского Азербайджана от насильственной коллективизации, превышало 5 000 человек. Эти беженцы находились «в состоянии нищеты и неопикуемых лишений». 10 сентября 1930 года дипломатическая делегация Азербайджана в Париже тщетно просила у ассамблеи Лиги Наций «материальную помощь для этих беженцев, лишенных пищи и крыши надо головой, среди которых начали распространяться эпидемические заболевания». ²²⁷

Тем не менее, пересиливая все лишения и проблемы, азербайджанские повстанцы с иранской территории продолжали бороться с советским оккупационным режимом. Подтверждением тому является отчет закавказского ОГПУ от 7 октября 1931 г., где подчеркивается, что в пограничной с Азербайджаном полосе на иранской территории сконцентрированы эмигрантские группы, контрреволюционные центры партий «Мусават» и «Иттихад», а также ряд повстанческих отрядов, ведущих активную работу на советской территории. ²²⁸

Об активности повстанческих отрядов, укrywшихся в Иране, свидетельствуют и французские дипломатические источники. Так, временный поверенный Франции в делах Ирана в своем отчете от 23 июня 1930 года подчеркивает, что поток беженцев с Кавказа «значительно возрос в течение этих последних трех месяцев. Перегруппировавшись внутри персидской границы, они неоднократно осуществляли атаки на советскую территорию, против их прежних тиранов.

²²⁷ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 215.

²²⁸ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 670.

Иранское правительство не смогло, или не захотело помешать этим набегам». ²²⁹

13 апреля 1930 года МИД СССР вручил ноту иранской стороне, в которой выражалась обеспокоенность в связи с участием иранскими войсками в нарушении советской границы повстанческими отрядами, базирующимися на территории Южного Азербайджана. В документе иранская сторона обвинялась в бездействии и непринятии необходимых мер с целью пресечения «антисоветской деятельности» азербайджанских повстанцев. ²³⁰ Нота советского МИД аналогичного содержания была вручена иранскому послу в Москве и 16 мая 1930 года. ²³¹

Однако, начиная уже с конца 1929 года, иранские власти усилили давление на азербайджанских эмигрантов, и, в первую очередь, на мусаватистов, вынуждая их покинуть пределы страны. Именно в это время из Ирана был депортирован Мамед Али Расулзаде, который играл важную роль в налаживании деятельности мусаватских организаций на территории Ирана. ²³²

Но, видимо, предпринимаемые иранской стороной меры не совсем удовлетворяли большевистское руководство. И крайне озлобленный действиями азербайджанских повстанцев Кремль решил воспользоваться советско-иранским договором 1921 года, по условиям которого большевики обладали правом ввести свои воинские части на территорию Ирана, в случае возникновения оттуда опасности государственным интересам СССР.

Весной 1930 года, с целью уничтожения повстанческих отрядов азербайджанцев, оперирующих в приграничных районах, советские части пересекли реку Аракс и вторглись

²²⁹ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 214.

²³⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1967. Т. XIII. С. 208-210.

²³¹ Там же. С. 259-260.

²³² Hacıoğlu Y. Resulzade'den Tanrıöver'e mektuplar. S. 215.

на территорию Ирана, захватив и уничтожив «массу эмигрантов». По свидетельству вышеупомянутого французского источника, значительный контингент советских войск с оружием в руках проник в уезды Охара и Ашоглу Худаферинского района Ирана. Они пребывали там в течение нескольких дней, грабя и поджигая деревни (две, — говорят одни, шесть или семь, — говорят другие), уведа на территорию СССР около 50 пленников.²³³

При этом большевики осознавали, что окончательное подавление повстанческого движения возможно лишь после нейтрализации эмигрантских организаций, которые не только координировали деятельность партизан, но и выполняли функцию мозгового центра всего движения сопротивления советскому режиму. Поэтому, чтобы обезглавить повстанческое движение азербайджанских тюрков, советский режим еще больше усилил давление на правительство Ирана, требуя прекращения деятельности в приграничной с СССР территории азербайджанских эмигрантских организаций.

В очередной ноте МИД СССР от 24 мая 1930 года, врученной иранскому посольству в Москве, указывалась на активную антисоветскую деятельность мусаватистов в Тебризе, Ардебиле и Астаре. Особую обеспокоенность советской стороны вызывала активность мусаватиста Мамед Садыка Гулиева (Хулуси) в Тебризе. В этой связи советский МИД требовал от Тегерана удаления с территории Южного Азербайджана всех активных азербайджанских политэмигрантов, и, в первую очередь, руководителей и функционеров Тебризского отделения партии «Мусават», и их высылку в южные области Ирана.²³⁴ Поддавшись этому нажиму, иранское правительство запретило деятельность мусаватских структур в Южном Азербайджане, а их членов выслало в провинцию Хузистан.

²³³ Документы внешней политики СССР. Т. XIII. С. 259-260.

²³⁴ Там же. С. 289-294.

Не довольствуясь этим, советское руководство потребовало принятия аналогичных мер в отношении азербайджанских эмигрантов и от Турции. Ведь в Кремле не забывали, что основные руководящие органы азербайджанской и всей кавказской эмиграции — АНЦ, Загранбюро «Мусават», КНК, а также печатные органы двух первых структур находятся именно в Турции.

В подобных условиях дальнейшая деятельность КНК в Стамбуле становилась все более проблематичной. К тому же в августе 1929 года Грузинский национальный центр принял постановление о выходе из состава Комитета независимости Кавказа, объяснив свое решение отсутствием в Турции соответствующих условий для деятельности данной структуры. При этом в конце принятого постановления подчеркивалось, что в будущем, при наличии соответствующих условий, Грузинский национальный центр готов вести переговоры «для объединения революционной работы на Кавказе и ее соответственного организационного оформления».²³⁵

С целью решения создавшейся проблемы 6—12 февраля 1930 года в Варшаве состоялась конференция входящих в «Прометей» национальных организаций Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа, в ходе которой удалось достичь компромиссного решения. Грузинская делегация предложила перенести КНК в Париж или в Бухарест, как наиболее близкий к Кавказу пункт, после Стамбула. Но оба эти предложения были отвергнуты представителями Азербайджана и Северного Кавказа. В конечном итоге, приняли постановление, в котором подчеркивалось, что «местопребывание КНК переносится в Варшаву. В Стамбуле же учреждается отделение КНК, действующее по директивам последнего».²³⁶

²³⁵ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 208.

²³⁶ Протокол конференции представителей Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 78.

Между тем, даже в разгар повстанческого движения в Азербайджане Х. Султанов и К^о продолжали интриговать против М.Э. Расулзаде, предпринимая усилия для создания организации, альтернативной Комитету независимости Кавказа и прометеевскому движению. В конечном итоге, Х. Султанову и его соратникам удалось в начале 1930 года сколотить т. н. Кавказский национальный центр, в состав которого от азербайджанской эмиграции вошли он сам и А.М. Топчибаши.

15 марта 1930 года Кавказский национальный центр направил на имя турецких руководителей специальный меморандум, где указывалось, что главной целью новой структуры является создание Кавказской Конфедерации, которая в будущем могла бы играть роль буфера между Турцией и Россией. При этом авторы меморандума не забыли открыто обвинить мусаватистов во враждебной деятельности в отношении Турции. По утверждению авторов документа, мусаватисты находились под исключительным влиянием англичан.

В меморандуме также подчеркивалось, что Комитет независимости Кавказа оказался несостоятельным вследствие вмешательства поляков, сделавших ставку на грузинских социал-демократов и азербайджанских мусаватистов. А сам КНК в действительности якобы финансируется англичанами, перечисляющими деньги через поляков. Учитывая натянутость отношений между Анкарой и Лондоном, это было довольно серьезное обвинение. В конце же меморандума утверждалось, что только входящие в Кавказский национальный центр политические силы — грузинские национал-демократы, азербайджанская группировка А.М. Топчибаши и республиканско-федералистская партия горцев Кавказа могут быть наиболее надежными партнерами Турции.²³⁷

Таким образом, с одной стороны, давление советских властей, а с другой стороны, регулярные доносы некоторых

²³⁷ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 212-213.

азербайджанских эмигрантов в турецкие спецслужбы о якобы недружественной Анкаре позиции мусаватистов, способствовали тому, что круг сторонников М.Э. Расулзаде постепенно сужался. После обысков, проведенных 1 июня 1929 года турецкими спецслужбами на стамбульской квартире М.Э. Расулзаде и в офисе редакции журнала «Azəri Türk», власти начали расследование по т. н. «делу национальных документов» («milli evrak meselesi»), о чем здесь уже говорилось. В связи с этим Мамед Эмин бей находился под «следствием», о чем он в своем письме из Стамбула от 20 ноября 1929 года сообщил близкому другу, видному турецкому дипломату и государственному деятелю Хамдуллаху Субхи Танрыоверу.²³⁸

С целью избежать ненужных бюрократических проволочек, неизбежных в отношении иностранных подданных, проволочек, создававших немало проблем для М.Э. Расулзаде, он в 1929 году официально обратился за получением турецкого гражданства. Желая содействовать положительному решению данного вопроса, Юсуф Акчурра даже встречался по этому поводу с высокопоставленными турецкими чиновниками. И ему было заявлено, что Мамед Эмин бею необходимо еще немного потерпеть.²³⁹

На самом же деле официальные власти не собирались предоставлять М.Э. Расулзаде турецкое гражданство. Они сознательно затягивали принятие решения как по данному вопросу, так и по следствию по т. н. «делу национальных документов». Находясь в таком неопределенном, подвешенном состоянии, М.Э. Расулзаде уже никак не мог заниматься эмигрантскими делами. Именно на это обстоятельство он жаловался в своем последнем письме из Стамбула, датированным 20 декабря 1929 года. Письмо было адресовано Х.С. Танрыоверу.²⁴⁰

²³⁸ *Naçaloğlu Y. Resulzade'den Tanrıöver'e mektuplar.* S. 211.

²³⁹ *A.g.e.,* S. 212.

²⁴⁰ *Naçaloğlu Y. Resulzade'den Tanrıöver'e mektuplar.* S. 212-213.

Судя по всему, вскоре после этого, в начале 1930 года, М.Э. Расулзаде окончательно покинул Турцию. Об этом свидетельствуют, в частности, письма М.Э. Расулзаде от 29 марта, 15 апреля, 4 мая и 20 июня 1930 года, адресованные тому же Х.С. Танрыоверу.²⁴¹ Первые два письма отправлены из Парижа, а последующие — из Варшавы. В них М.Э. Расулзаде информирует друга об отказе турецких консульств в Париже и Варшаве предоставить ему обратную визу для возвращения в Турцию, объясняя это указанием, полученным из Анкары. Хотя паспорт, полученный Мамед Эмин беим в Стамбульской полиции буквально перед отъездом, был действителен как для выезда, так и въезда в страну. В этой связи М.Э. Расулзаде подчеркивал, что его фактически обманным путем депортировали из Турции. Далее он отмечал, что если его пребывание в Стамбуле было нежелательно для турецких властей, то они открыто могли бы сообщить ему об этом.²⁴² Как и следовало ожидать, попытки Х.С. Танрыовера содействовать возвращению Мамед Эмин бея в Турцию не увенчались успехом, поскольку решение по данному вопросу было принято на уровне высшего руководства страны. В результате М.Э. Расулзаде смог вернуться в Турцию лишь в 1947 году.

Официальное же оформление уже свершившегося факта депортации М.Э. Расулзаде из Турции состоялось в 1931 году. После взаимных визитов министра иностранных дел Турции Т. Рюшти в Москву и главы внешнеполитического ведомства СССР М.М. Литвинова в Анкару, состоявшихся в 1931 году, стороны договорились о продлении на очередной 5-летний срок турецко-советского договора о дружбе и нейтралитете от 1925 года. Соответствующий протокол был подписан 30 ноября 1931 года в Анкаре,²⁴³ согласно секретному

²⁴¹ A.g.e., S. 210.

²⁴² A.g.e., S. 214.

²⁴³ Дипломатический словарь. М., 1986. Т. 3. С. 314.

пункту которого, Турция взяла на себя обязательство депортировать из страны наиболее активных политэмигрантов из СССР и полностью прекратить любую антисоветскую пропаганду с их стороны. В соответствии с этим пунктом протокола турецкое правительство в 1931 году приняло решение о приостановлении деятельности Загранбюро партии «Мусават» и Азербайджанского национального центра, а также депортации руководителя этих организаций М.Э. Расулзаде из Турции.²⁴⁴ Хотя в момент принятия данного решения Мамед Эмин бей уже давно находился за пределами Турции.

Примечательно, что М.Э. Расулзаде стал единственным азербайджанским политэмигрантом, депортированным из Турции. Подавляющее же большинство азербайджанских эмигрантов, в частности, Х. Султанов, Х. Хасмамедов, Ш. Рустамбейли и члены их группировки, согласились с «правилами игры», предложенными Анкарой, что позволило им остаться в этой стране. Правда, их пребывание в Турции особой пользы для реализации азербайджанского идеала не принесло.

²⁴⁴ A.Karaca. Azerbaycan'ın Yakın Tarihine Kısa Bir Bakış. Ankara, 1982. S. 23.

Глава III.

Деятельность М.Э. Расулзаде после депортации из Турции. Европейский период эмиграции (1931—1936)

С депортацией из Турции начался новый — европейский этап деятельности М.Э. Расулзаде в эмиграции. Особенность данного этапа заключалась в том, что центр тяжести эмигрантской деятельности переместился из Турции в европейские столицы. Ведущие организации азербайджанской политэмиграции также были сосредоточены в различных государствах Европы, в первую очередь, в Польше, Франции и Германии, где для их деятельности были созданы относительно сносные условия. Что же касается самого М.Э. Расулзаде, то он получил политическое убежище и обосновался в Польше.

Принятое турецкими властями решение о депортации М.Э. Расулзаде из страны стало очень болезненным для всей азербайджанской политэмиграции, поскольку создавало немалые трудности для ее дальнейшей работы. Тем более что одновременно в августе-сентябре 1931 года в Турции были закрыты азербайджанские эмигрантские издания — «Odlu Yurt» и «Bildiriş». Отныне всем проживающим в Турции эмигрантам из СССР разрешалось объединяться лишь в культурные, просветительские и благотворительные общества, лишённые какой бы то ни было политической функции.

Особенно обидным для М.Э. Расулзаде оказалось то обстоятельство, что все эти проблемы для азербайджанской политэмиграции создавались руками властей братской

Турции. По этому поводу он в начале января 1932 года писал: «По решению правительства Турецкой Республики закрыты издающиеся в Стамбуле журналы и газеты — «Odlu Yurt», «Azeri Türk», «Bildiriş», «Yeni Türkistan». Не может быть! Это невозможно! Обоснованное с психологической и логической точек зрения отрицание! Но, к сожалению, факт на лицо. Это голая правда, отражающая действительность. Этой горькой реальностью, вызывающей у нас недоумение, ныне радуется враг».²⁴⁵

Действительно, известие о депортации М.Э. Расулзаде из Турции и закрытии эмигрантских изданий с большим облегчением и радостью было встречено со стороны руководства азербайджанских коммунистов. Выступая 15 января 1932 года на XX Общебакинской партийной конференции, один из секретарей ЦК АКП(б) А. Султанов не скрывал своей удовлетворенности этим решением турецких властей: «Мусаватисты в зарубежных государствах ведут против нас серьезную борьбу. Однако им нанесен новый удар. В Стамбуле закрыты выходявшие под общей редакцией М.Э. Расулзаде периодические издания «Odlu Yurt», «Azeri Türk», «Bildiriş», а также орган туркестанских эмигрантов «Yeni Türkistan». Азербайджанские трудящиеся не возражают, что они (мусаватисты — А. Б.) лишились этих печатных органов, которые являлись средствами открытой борьбы с Советским Азербайджаном».²⁴⁶

Однако, несмотря на все превратности судьбы, беспокойной, кипучей натуре М.Э. Расулзаде были чужды такие понятия, как усталость, отчаяние, безысходность и адаптация к меняющейся политической реальности. Наоборот, М.Э. Расулзаде с еще большей энергией продолжил отстаивать идею национальной независимости Азербайджана, но уже за пределами Турции — в Европе. М.Э. Расулзаде сделал все от него

²⁴⁵ Цит. по: А. Karaca. *Azerbaycan'ın Yakın Tarihine Kısa Bir Bakış*. Ankara, 1982. S. 23.

²⁴⁶ Бакинский рабочий. 1932. 18 января.

зависящее, чтобы радость большевиков, связанная с закрытием азербайджанских эмигрантских изданий, была как можно более кратковременной.

И это ему удалось. Выступая с радостной для большевиков вестью 15 января 1932 года в Баку, секретарь ЦК АКП(б) Ага Султанов еще не знал, что 10 января в Берлине уже вышел в свет первый номер газеты «İstiklal» «с той же редакцией и с той же программой, что и закрытые в Стамбуле азербайджанские органы печати».²⁴⁷ В ней была напечатана статья М.Э. Расулзаде «Не прерванный голос». Затрагивая последние действия турецких властей, он в этой статье подчеркивал, что «мы не имеем права останавливать ни на мгновение борьбу за Азербайджан и должны оповещать о ней весь мир. Естественно, что голос Азербайджанского национального движения не может быть прерван в ожидании изменения тактики Турции... Поэтому выходящая в Берлине эта газета призвана продолжить дело закрытых в Стамбуле печатных изданий».²⁴⁸

Впрочем, депортация М.Э. Расулзаде из Турции, наряду с негативными последствиями, имела и определенные положительные моменты для дальнейшей деятельности лидера азербайджанской политэмиграции. Дело в том, что нахождение в Турции заметно ограничивало его свободу маневра, поскольку, принимая те или иные решения, он вынужден был в обязательном порядке учитывать позицию официальной Анкары, чтобы не осложнить и без того непростые взаимоотношения с турецкими властями. Теперь же М.Э. Расулзаде получил полную свободу действий в контактах с представителями различных европейских государств, и возможность, без оглядки на турецкие власти, продолжать борьбу за восстановление независимости Азербайджана.

²⁴⁷ Горцы Кавказа. 1932. №29. С. 18.

²⁴⁸ А.Караса. Azərbaycan'ın Yakın Tarihine Kısa Bir Bakış. S. 23-24.

Другое дело, что возникли трудности организационного плана. К тому же из-за деструктивных действий таких «соратников» М.Э. Расулзаде, как Х. Султанов, Х. Хасмамедов и Ш. Рустамбеги, усилились центробежные тенденции в эмигрантской среде. Эти деятели давно уже вынашивали планы по отстранению М.Э. Расулзаде от руководства партией «Мусават» и АНЦ с последующим установлением собственного контроля над этими организациями азербайджанской политэмиграции. Судя по всему, депортацию М.Э. Расулзаде из Турции они сочли сигналом к началу реализации своего плана, что привело к усилению разногласий и противостояния внутри «Мусават» и АНЦ.

Причины обострения взаимоотношений внутри азербайджанской эмиграции, несомненно, были многочисленны. Наряду с обычными человеческими слабостями — завистью, ревностью, подозрительностью — немалую роль в обострении этих противоречий сыграли политические амбиции и борьба за лидерство отдельных деятелей азербайджанской эмиграции. Но при всем разнообразии этих причин не вызывает сомнений, что ключевую роль в обострении этих взаимоотношений все же играли интриги советских спецслужб. Ведь, как признает генерал-майор Л. Соцков, более сорока лет проработавший в зарубежных и центральном аппаратах советской внешней разведки, в 20—30-х гг. прошлого столетия борьба с эмиграцией являлась одним из приоритетных направлений деятельности органов госбезопасности СССР.²⁴⁹

Подрывная деятельность советской разведки в отношении эмигрантских организаций особенно усилилась в начале 30-х годов. Подтверждением тому является директива, направленная в 1932 году ИНО ОГПУ своим агентам за рубежом. В ней подчеркивалась необходимость внедрения во все

²⁴⁹ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 7.

существующие эмигрантские организации с целью разжигания противоречий внутри них и дезорганизации их деятельности. Одновременно советским агентам за рубежом рекомендовалось «предпринять максимальные усилия» для дискредитации наиболее видных деятелей политэмиграции из СССР.²⁵⁰

Обращая внимание на подобные действия советских спецслужб, М.Э. Расулзаде указывал, что «уничтожение эмиграции является одной из актуальных для большевиков задач».²⁵¹ В своей статье «Внимание — ГПУ!», написанной по этому поводу, он напоминал, что «скрытая деятельность ГПУ среди представителей политической эмиграции, борющихся за национальную независимость, не является новым явлением. Мы все знаем об этом».²⁵² Тем не менее, он призывал своих соратников по эмиграции быть бдительными, «и ни на миг не забывать о том, что противник постоянно стремится нас деморализовать и дезорганизовать. Убеждение и дисциплина! — Вот лозунг, способный перечеркнуть планы ГПУ».²⁵³

Безусловно, М.Э. Расулзаде и его последователи не обладали возможностями для полной нейтрализации подобной деятельности советских спецслужб. И случалось, что отдельные представители азербайджанской эмиграции все же попадали в расставленные советскими спецслужбами сети, занимаясь разрушительной деятельностью. В этой связи вряд ли можно считать случайностью и тот факт, что обострение ситуации внутри азербайджанской политэмиграции совпало по времени с активизацией советской разведки в этом направлении.

Так, в начале 30-х гг. заметно участились нападки на М.Э. Расулзаде со стороны некоторых его «соратников». Среди

²⁵⁰ İstiklal. 1932. 20 Haziran.

²⁵¹ İstiklal. 1932. 20 Haziran.

²⁵² İstiklal. 1932. 1 Temmuz.

²⁵³ İstiklal. 1932. 1 Temmuz.

них особенно неистовствовал Ш. Рустамбейли, на тесные контакты которого с Лубянской указывают различные источники, в частности, оперативные данные Экспозитуры-II Генерального штаба Польской армии.²⁵⁴ На сегодняшний день не представляется возможным определить конкретные причины, подтолкнувшие Ш. Рустамбейли к подобному шагу. Но очевидным фактом является то, что его вредная для национальных интересов деятельность на рубеже 20—30-х гг. создала немало проблем для азербайджанской эмиграции. Тем более что ему удалось вовлечь в свои интриги и Х. Хасмамедова.

Как уже было указано в предыдущей главе, чтобы избавить партию «от тактики шантажа и дезорганизации» Ш. Рустамбейли и Х. Хасмамедова руководство «Мусавата» еще в конце 1928 года исключило их из партии и отозвало из состава АНЦ. Но тогда они публично раскаялись, признав свою вину, и были восстановлены в рядах партии «Мусават». Однако вскоре выяснилось, что это было лишь их очередной тактической уловкой, поскольку они только на словах помирились с М.Э. Расулзаде. На самом же деле они продолжали свои тайные интриги, распространяя среди эмигрантов под вымышленными фамилиями различные заявления о якобы «бесконтрольном израсходовании средств, предназначенных для национального дела»²⁵⁵, обвиняя во всем этом М.Э. Расулзаде. После депортации М.Э. Расулзаде из Турции, интриги Х. Хасмамедова и Ш. Рустамбейли приобрели характер открытой конфронтации с лидером «Мусавата».

В связи с депортацией М.Э. Расулзаде, а также нахождением некоторых других видных деятелей партии за пределами Турции, в различных европейских государствах деятельность руководящих органов «Мусавата» и АНЦ была фактически парализована, что весьма негативно сказывалось на

²⁵⁴ Из истории азербайджанской эмиграции, с. 35.

²⁵⁵ *Resulzade M.E. Şefibeyçilik*. Varşava, 1934. S. 25.

функционировании всей азербайджанской эмиграции. Для выхода из этой критической ситуации М.Э. Расулзаде выступил с предложением о реорганизации руководящих структур «Мусават» и АНЦ. Хотя он вполне мог воспользоваться этой ситуацией, чтобы сосредоточить в своих руках все рычаги управления партией. Тем более что, согласно действующему партийному уставу, в чрезвычайных ситуациях, в том числе, в случае недееспособности руководящего органа партии — Дивана, все его полномочия переходили лидеру партии.²⁵⁶

Для обсуждения путей выхода из создавшегося положения в конце 1932 года М.Э. Расулзаде пригласил Х. Хасмамедова в Европу. В ходе длительных и сложных консультаций, в которых наряду с М.Э. Расулзаде и Х. Хасмамедовым также принимали участие М. Мехтиев с М. Векилли, удалось достичь компромиссного решения. В нем подчеркивалось, что стороны в принципе осознают целесообразность местопребывания организации, борющейся за восстановление независимости Азербайджана, именно в Турции. Но, учитывая текущую политическую ситуацию и факт нахождения членов АНЦ в различных европейских столицах, с целью успешного продолжения национальной борьбы и согласования различных точек зрения было принято решение создать специальный комитет в составе трех человек, обладающий полномочиями осуществлять непосредственное руководство над деятельностью всей азербайджанской политэмиграции. Местопробывание данного комитета в решении не было указано.²⁵⁷ Но в тогдашних условиях данная структура вынуждена была функционировать за пределами Турции, в Варшаве.

После достижения этого компромисса, казалось, что конфликт между М.Э. Расулзаде и группировкой Х.

²⁵⁶ A.g.e., S. 29.

²⁵⁷ *Resulzade M.E. Şefibeyçilik*. S. 30.

Хасмамедова — Ш. Рустамбейли исчерпан. Тем более что после возвращения Х. Хасмамедова в Турцию, 25 января 1933 года, был сформирован новый состав Стамбульского комитета партии «Мусават», вскоре утвержденный М.Э. Расулзаде. Лидер партии надеялся, что после длительного бездействия Стамбульский комитет наконец-то заработает в полную силу.

На первых порах эти ожидания вроде бы оправдывались, в особенности, после состоявшегося 21 апреля 1933 года собрания стамбульских мусаватистов. Об этом собрании лидера партии проинформировал руководитель Стамбульского комитета «Мусават» Мирали бек Садыгов в своем письме от 28 апреля 1933 года. Судя по содержанию письма, в указанном собрании принимали участие все основные оппоненты М.Э. Расулзаде внутри партии — Х. Хасмамедов, Ш. Рустамбейли, Н. Шейхзаманлы и др. И все они единодушно высказались за прекращение всяких внутривнутрипартийных разногласий и конфликтов. При этом участники собрания, включая Х. Хасмамедова и Ш. Рустамбейли, однозначно заявили, что вопрос лидерства М.Э. Расулзаде в партии не может даже подлежать обсуждению.²⁵⁸

Воодушевленный подобным благоприятным развитием событий, М.Э. Расулзаде обращается с письмом к руководителю Стамбульского комитета М. Садыгову, а также к Х. Хасмамедову. В нем лидер «Мусавата» напоминал, что пришла пора восстановления деятельности руководящих структур партии. План, предложенный М.Э. Расулзаде, предусматривал создание специального Организационного комитета в составе трех человек, перед которым была поставлена задача формирования нового состава Дивана партии. В состав этого комитета должны были войти лидер партии, а также по одному представителю от стамбульских и европейских мусаватистов.²⁵⁹ До формирования нового центрального органа

²⁵⁸ A.g.e., S. 42-43.

²⁵⁹ A.g.e., S. 42.

«Мусават» полномочия принятия политических решений оставались за лидером партии, а функции управления партией за создаваемым Организационным комитетом.²⁶⁰

Впрочем, очень скоро выяснилось, что Х. Хасмамедов и Ш. Рустамбейли не заинтересованы ни в реорганизации партии, ни в восстановлении полноценной деятельности ее руководящих органов. Неудивительно, что они выступили с контрпредложением, потребовав признать Стамбульский комитет «Мусавата» в качестве центрального органа партии,²⁶¹ что неминуемо привело бы к узурпации полномочий лидера партии группировкой Х. Хасмамедова — Ш. Рустамбейли. Естественно, что данное предложение было отвергнуто, как противоречащее партийному уставу.

Тогда Ш. Рустамбейли начал утверждать, что нет никакой необходимости в создании Организационного комитета, поскольку каждое местное отделение партии в состоянии действовать самостоятельно.²⁶² Следует отметить, что Ш. Рустамбейли сыграл довольно гнусную роль во всей этой истории, сделав все возможное, чтобы помешать достижению компромисса между сторонами. К сожалению, ему вновь удалось подтолкнуть Х. Хасмамедова на открытую конфронтацию с М.Э. Расулзаде. Этот тандем окончательно взял курс на превращение Стамбульского комитета в центральный орган партии. По крайней мере, именно в таком статусе они позиционировали себя перед стамбульскими мусаватистами.²⁶³

В результате деятельность Стамбульского комитета партии «Мусават» вновь была парализована, поскольку в знак протеста против действий Ш. Рустамбейли и Х. Хасмамедова двое членов нового состава этой структуры — Мамед Али

²⁶⁰ A.g.e., S. 43.

²⁶¹ A.g.e., S. 45.

²⁶² A.g.e., S. 44.

²⁶³ *Resulzade M.E. Şefibeycilik.* S. 43.

Расулзаде и Ахмед Джафароглу подали в отставку. А руководитель Стамбульского комитета М. Садыгов и секретарь Исмаил бей заявили о своем нейтралитете в этом противостоянии.²⁶⁴

Начиная с мая 1933 года, Ш. Рустамбейли и его соратники в Стамбуле, вообще перестали реагировать на многочисленные предложения М.Э. Расулзаде, направленные на преодоление затянувшегося кризиса внутри партии. Более того, видимо, посчитав нападение лучшей формой защиты, Ш. Рустамбейли 26 февраля 1934 года отправил письмо на имя М.Э. Расулзаде с голословными обвинениями и оскорблениями личного характера в адрес лидера партии.²⁶⁵ В письме Ш. Рустамбейли беззастенчиво утверждал, что «трагедия Азербайджана всегда являлась праздником для М.Э. Расулзаде и его семьи». ²⁶⁶ Следует отметить, что копии этого письма были направлены Ш. Рустамбейли во все города Турции, Ирана и европейских государств, где имелись колонии азербайджанских политэмигрантов.

Суть этого письма заключалась в том, что, заявив о своей отставке из АНЦ, Ш. Рустамбейли недвусмысленно давал понять М.Э. Расулзаде, чтобы отныне тот ограничил свою деятельность исключительно руководством этой организацией и не помышлял вмешиваться в дела партии «Мусават». Тем самым, Ш. Рустамбейли пытался добиться четкого разделения «сфер влияния» в эмигрантских организациях между своей группировкой и М.Э. Расулзаде. А на деле в лучших традициях гянджинского базара он пытался «выторговать» у М.Э. Расулзаде партию «Мусават» взамен на «уступку» ему АНЦ. Как и следовало ожидать, М.Э. Расулзаде в категоричной форме отверг возможность подобного политического «бартера».

²⁶⁴ A.g.e., S. 45.

²⁶⁵ *Rüstembeyli Ş. Yıkılan putlar.* S. 9-17.

²⁶⁶ A.g.e., S. 16.

Стало очевидным, что «консервативные методы» решения проблемы, неоднократные обращения М.Э. Расулзаде к своим оппонентам с призывом прекратить ненужные споры и дискуссии внутри партии не дают желаемого результата. Убедившись в том, что все способы убеждения уже исчерпаны, руководство «Мусавата» вынуждено было пойти на более радикальные меры, 5 апреля 1934 года исключив Ш. Рустамбейли из рядов партии.²⁶⁷

В принятом по этому поводу решении подчеркивалось, что с 1929 года Ш. Рустамбейли за свои деструктивные действия и интриги, ставящие под удар авторитет организации, неоднократно подвергался всевозможным дисциплинарным наказаниям вплоть до исключения из Стамбульского комитета партии и состава Дивана. Но его последние беспочвенные обвинения и оскорбления в адрес лидера национального движения и партии «Мусават» М.Э. Расулзаде в манере, свойственной большевистским агентам и врагам национальной борьбы, делает дальнейшее нахождение Ш. Рустамбейли в рядах партии невозможным.²⁶⁸

Чтобы свести на нет эффект данного решения и ввести в заблуждение общественное мнение, Ш. Рустамбейли в срочном порядке настроил письмо, которое, помимо него, подписали также Х. Хасмамедов и С. Агасибейли. В этом письме, опубликованном 24 апреля 1934 года в журнале «Кавказ», сообщалось о якобы состоявшейся 18 декабря 1933 года партийной конференции «Мусават».²⁶⁹

В письме утверждалось, что между председателем партии М.Э. Расулзаде и большинством партийцев выявились серьезные расхождения по основным принципиальным, тактическим и организационным вопросам. Учитывая это

²⁶⁷ *Resulzade M.E. Şefibeyçilik. S. 22-23.*

²⁶⁸ *A.g.e., S. 22.*

²⁶⁹ «Кавказ». 1934. №4. С. 23-24.

обстоятельство, а также паралич центрального органа партии в течение последних 2,5 лет якобы из-за произвольных эгоистических действий председателя партии, участники «конференции» решили с этого момента не признавать М.Э. Расулзаде в качестве лидера «Мусават», прекратить всякие контакты с ним и назначить на этот пост другого человека, сформировав новый состав партийного Дивана.²⁷⁰ Примечательно, что в этом документе не указывалась фамилия нового лидера партии. Лишь впоследствии выяснилось, что новоиспеченную «партию Ш. Рустамбейли» возглавил Х. Хасмамедов.

Сразу же после публикации этого письма возникли обоснованные сомнения относительно достоверности информации о состоявшейся якобы в декабре 1933 года «конференции» мусаватистов. Как резонно отмечал М.Э. Расулзаде, что же эта за «конференция», к тому же принявшая столь серьезные и ответственные для судеб партии решения, о которой никто не был осведомлен в течение пяти месяцев. Организаторы данного мероприятия не сочли нужным проинформировать даже председателя «Мусават» о его отстранении от руководства партией.²⁷¹

Действительно, сведения о декабрьской 1933 года «конференции» были обнародованы лишь в апреле 1934 года, т. е. сразу же после исключения Ш. Рустамбейли из партии. Поэтому большинство мусаватистов было убеждено в том, что «легенда» о конференции второпях была придумана Ш. Рустамбейли в качестве ответа на свое исключение из партии. Тем более что он так и не смог предъявить никаких убедительных доказательств, подтверждающих проведение этой мнимой «конференции».

Этим объясняется письмо видных деятелей «Мусават» — М. Векилли, М.Б. Мамедзаде, А. Азертекин, А. Джафароглу, Х.

²⁷⁰ *Rüstembeyli Ş. Yıkılan putlar. S. 24.*

²⁷¹ *Resulzade M.E. Şefibeyçilik. S. 49-50.*

Мунши, М.А. Расулзаде и А. Казымзаде, адресованном редактору журнала «Кавказ», где в категоричной форме утверждалось, что в действительности никакой конференции «Мусавата» не было. А сообщения об этом, распространяемые Ш. Рустамбейли, являются его «очередной интригой», направленной против единства партии.²⁷²

Впрочем, никто всерьез не воспринимал самозванное лидерство Х. Хасмамедова в «Мусавате», за исключением узкого круга эмигрантов, состоявших из его земляков, уроженцев Гянджи и ее окрестностей. Кроме того, нет никаких достоверных фактов, свидетельствующих о какой-либо серьезной деятельности «партии», возглавляемой Х. Хасмамедовым.

Ведь после окончательного разрыва с М.Э. Расулзаде Х. Хасмамедов и его единомышленники так и не смогли создать более или менее дееспособную организацию. А вся их «кипучая деятельность» ограничивалась исключительно критикой тех или иных действий М.Э. Расулзаде и его соратников из прометеевского движения. Тем самым, они своим поведением подтвердили правоту М.Э. Расулзаде, который, характеризуя шефибейство «социальной болезнью», отмечал, что оно является «разрушительной силой со злым намерением, лишённым всякой идеи и потенциала созидания».²⁷³

Поэтому неудивительно, что уже весной 1934 года Польша, являющаяся главным союзником и спонсором кавказской политэмиграции среди европейских государств, прекратила всякую политическую и финансовую поддержку группировки Х. Хасмамедова.²⁷⁴

Что же касается М.Э. Расулзаде, то и после разрыва с группировкой Х. Хасмамедова — Ш. Рустамбейли, именно он воспринимался лидером партии «Мусават» и всей

²⁷² А.г.е., S. 48.

²⁷³ А.г.е., S. 64.

²⁷⁴ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 1. Д. 320. Л. 119.

азербайджанской политэмиграции подавляющим большинством как мусаватистов, так и представителей кавказской эмиграции и их европейских партнеров. В лидерстве М.Э. Расулзаде внутри азербайджанской политэмиграции не сомневались даже большевики.²⁷⁵ Это было обусловлено тем, что среди его оппонентов внутри азербайджанской эмиграции не было ни одной более или менее равноценной фигуры, способной конкурировать в этом отношении с М.Э. Расулзаде.

Более того, он являлся одним из видных деятелей всей кавказской политэмиграции, зачастую задавая тональность ее деятельности.²⁷⁶ Поэтому его имя часто фигурировало в депешах иностранных посольств и материалах спецслужб. Перед реализацией более или менее крупных проектов, связанных с деятельностью политэмиграции из СССР, соответствующие структуры многих европейских стран в обязательном порядке интересовались мнением именно М.Э. Расулзаде.

В немалой степени высокий авторитет М.Э. Расулзаде был обусловлен его многогранной и неустанной работой в плане объединения различных течений нерусской политэмиграции из СССР на основе общей политической и организационной платформы. В частности, М.Э. Расулзаде сыграл заметную роль в подготовке и принятии пакта о создании Кавказской Конфедерации в июле 1934 года²⁷⁷

Следует отметить, что подписание этого пакта стало возможным благодаря действиям польских властей, которые с 1932 года прилагали усилия для реорганизации прометеевского движения с целью создания более адаптированных к требованиям времени общих структур эмигрантских организаций, состоящих из представителей нерусских народов

²⁷⁵ Qasimlı M. Azərbaycan türklərinin milli mücadələ tarixi. S. 479-480.

²⁷⁶ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки. V., 2003. С. 114.

²⁷⁷ Абуталыбов Р. Годы и встречи в Париже. С. 48.

советской империи. Кардинальные геополитические изменения начала 30-х гг., и, в первую очередь, возрастающий интерес Японии к проблемам поработанных большевизмом нерусских народов, а также приход к власти в Германии национал-социалистов, вынудили поляков ускорить данный процесс.

Ранее Польша обладала практически полной монополией на сотрудничество с представителями эмигрантских антибольшевистских организаций нерусских народов СССР. Появление же конкуренции со стороны Японии и Германии оказало заметное влияние на политическую ориентацию кавказских эмигрантов. Некоторые из них начали обращать свои взоры в сторону Японии и Германии. А это усилило центробежные процессы внутри кавказской эмиграции, спровоцировав волну расколов в существующих эмигрантских организациях.²⁷⁸

Чтобы пресечь эти нежелательные для себя тенденции роста прояпонских и прогерманских настроений среди эмигрантов, Польша активизировала свои усилия в направлении дальнейшей консолидации кавказской политэмиграции. Симптоматично, что поляки отвергли первоначальный проект пакта Конфедерации Кавказа, предложенный грузинской стороной в ноябре 1932 года, посчитав его «слишком туманным».²⁷⁹

Теперь подготовка текста пакта была продолжена в рамках КНК, куда были привлечены представители всех трех национальных секций. Правда, и впоследствии наблюдались попытки приписывать заслугу создания пакта Конфедерации Кавказа исключительно Грузинскому национальному центру. Однако М.Э. Расулзаде расценивал подобные

²⁷⁸ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 223.

²⁷⁹ Проект Пакта Конфедерации Кавказа Грузинского национального центра. Сентябрь. 1932 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 85-87.

утверждения «результатом какого-то недоразумения». Выступая 27 сентября 1933 года по этому поводу на заседании КНК, он подчеркивал, что ни Азербайджанский национальный центр, ни ЦК Народной партии горцев Кавказа никогда никакого проекта непосредственно от Грузинского национального центра не получали. А ныне обсуждаемый проект конституции и пакта Кавказской конфедерации, по словам М.Э. Расулзаде, был разработан по результатам опроса всех национальных секций КНК.²⁸⁰

Действительно, еще в январе 1933 года председатель Азербайджанского национального центра и главный редактор газеты «İstiklal» М.Э. Расулзаде обратился к политическим деятелям кавказской эмиграции с просьбой изложить свое видение основных принципов Кавказской Конфедерации. В обращении М.Э. Расулзаде подчеркивалось, что «в целях популяризации идеи кавказского единства и содействия углублению интереса в рядах кавказской эмиграции к ней», редакция газеты «İstiklal» решила обратиться ко всем общественно-политическим деятелям Кавказа с просьбой ответить на анкету с вопросами об основах предполагаемого проекта пакта Кавказской Конфедерации:

1. Как представляете Вы себе освобождение Кавказских Республик из-под русской оккупации?
2. Если Вы в целях освободительной борьбы находите необходимым объединение сил всех народов Кавказа, то в каком именно виде Вы представляете себе это объединение?
3. Какие, по Вашему мнению, факторы вызывают необходимость федеративного единения всего Кавказа?

²⁸⁰ Протокол заседания Комитета независимости Кавказа. 27.09.1933 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 92-93.

4. В случае, если Вы являетесь сторонником постоянного федеративного союза, то какую именно форму Вы предпочитаете: федерацию или конфедерацию, и почему?
5. Какие органы Кавказской Конфедерации, по-вашему, должны быть общими?
6. Какие шаги, по-вашему, должна принимать эмиграция в видах наибольшей популяризации идеи Кавказской Конфедерации?²⁸¹

Сохранился и ответ А.М. Топчибаши на это обращение М.Э. Расулзаде, в котором тот подчеркивает, что «ни один из кавказских народов не в состоянии своими силами вести результативную борьбу за освобождение от тяготеющего ига». Поэтому «единственным спасением» для всех народов Кавказа А.М. Топчибаши считал объединение в «конфедерацию всех кавказских республик». При этом он особо подчеркивал, что Кавказская Конфедерация необходима не только для борьбы за освобождение от русско-большевистской оккупации, но и для последующего государственного строительства кавказских народов.²⁸²

Собранные подобным путем мнения представителей кавказской эмиграции были обобщены и дополнены комментариями членов всех трех национальных секций КНК. Именно они легли в основу проекта пакта Конфедерации Кавказа. Причем, поначалу КНК склонялся к опубликованию для обсуждений проекта конституции Кавказской Конфедерации. Однако впоследствии в силу ряда причин было решено «в ярких и ясно выраженных формах объявить пока основные принципы Конфедерации как базы объединения,

²⁸¹ Письмо председателя Азербайджанского национального центра М.Э. Расулзаде к кавказским политэмигрантам // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 88-89.

²⁸² Письмо А.М. Топчибаши - М.Э. Расулзаде. 27.03.1933 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 90-91.

отложив подробное составление конституции на будущее время».²⁸³ 14 июля 1934 года в Варшаве окончательный вариант пакта Конфедерации Кавказа был подписан представителями национальных эмигрантских центров Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа. Для того чтобы не дать Кремлю возможности обвинить Варшаву в нарушении условий советско-польского договора 1932 г., местом подписания этого документа было решено объявить Брюссель.

Участники пакта, Национальные центры Азербайджана, Северного Кавказа и Грузии, «считая, что полноценное развитие наций возможно лишь в условиях независимости, и убежденные в том, что этой чрезвычайно трудной цели можно достичь лишь с помощью союза всех сил Кавказа внутри общей границы»,²⁸⁴ провозгласили следующие основы Конфедерации Кавказа:

1. Кавказская Конфедерация, полностью гарантируя во внутреннем отношении национальный характер и суверенитет каждой из республик, во внешнеполитической сфере будет действовать от имени всех республик в качестве международного объединения высшего порядка. Конфедерация будет обладать общей политической и таможенной границей.
2. Внешней политикой конфедеративных республик будут руководить компетентные органы Конфедерации.
3. Защита границ Конфедерации будет поручена армии Конфедерации, включающей в себя армии Конфедеративных Республик под единым командованием, подчиненным руководящим органам конфедерации.
4. Все разногласия, которые могут возникнуть между конфедеративными республиками и которые не будут

²⁸³ Протокол заседания Комитета независимости Кавказа. 27.09.1933. С. 93.

²⁸⁴ Пакт Конфедерации Кавказа. 14.07.1934 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 95.

урегулированы прямыми переговорами, должны быть переданы обязательному арбитражу или высшему суду конфедерации. Конфедеративные республики обязуются принять без ограничения и исполнять все их решения.

5. Комиссия экспертов приступит в самое короткое время к выработке проекта конституции Конфедерации Кавказа, принимая во внимание сформулированные выше принципы. Этот проект будет служить основой работ первого учредительного собрания каждой республики.
6. Место в этом пакте зарезервировано для Республики Армения.²⁸⁵

Документ от имени Азербайджана подписали Мамед Эмин Расулзаде и Али Мардан бек Топчибаши, от имени Грузии — Ной Жордания и Акакий Чхенкели, и от имени Северного Кавказа — Ибрагим Чулик, Магомет Гирей Сунш и Таусултан Шакман.²⁸⁶

Участники пакта направили послание в адрес армянского национального центра, где выразили глубокое сожаление по поводу того, что обстоятельства не позволили Армянской Республике присоединиться к нему. Также выражалась надежда, что в недалеком будущем Армения не преминет занять оставленное для нее место в Кавказской Конфедерации. Однако армянские представители проигнорировали это обращение.

После подписания пакта Национальные центры Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа выступили с обращением к представителям политической эмиграции кавказских народов. В документе подчеркивалось, что «с этого дня, упомянутый Пакт должен служить основной базой

²⁸⁵ Там же. С. 97-98.

²⁸⁶ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 123.

деятельности Национальных центров», сплоченных «в беспощадной борьбе против русско-большевистской оккупации».²⁸⁷

В обращении отмечалось, что с подписанием пакта КНК, который с первого дня своего формирования поставил перед собой задачу сближения всех народов Кавказа и объединение всех их усилий в совместной борьбе за восстановление утраченной независимости, завершает свою деятельность. КНК придерживался мнения, что отныне всю политическую и революционную деятельность Национальных центров Кавказа следует сконцентрировать под единым общим руководством. С этой целью КНК планировал созвать конференцию, на которой он выступит с отчетом о своей деятельности и предложит создать новый общий орган Кавказа, в функции которого войдет осуществление фундаментальных принципов пакта.²⁸⁸

Упомянутая в обращении конференция кавказских организаций прометеевского движения состоялась 14—16 января и 23 февраля 1935 года в Брюсселе. На данном мероприятии Азербайджан представляли М.Э. Расулзаде, М.Я. Мехтиев, М. Магеррамов, А. Атамалибеков и Али Акбар Топчибаши. На первом заседании 14 января 1934 года председательствовал М.Э. Расулзаде, избранный наряду с Н. Жордания и М.Г. Суншем в президиум конференции. Принимая обязанности председателя, М.Э. Расулзаде в приветственном слове отметил значение настоящей конференции в переживаемый момент, когда народы Кавказа ведут совместную борьбу за свое освобождение. Затем он предложил присутствующим выслушать доклад организационной комиссии по созыву

²⁸⁷ Призыв Комитета независимости Кавказа к представителям политической эмиграции кавказских народов по поводу подписания Пакта Кавказской Конфедерации. Июль. 1934 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 97.

²⁸⁸ Призыв Комитета независимости Кавказа к представителям политической эмиграции кавказских народов по поводу подписания Пакта Кавказской Конфедерации. С. 98.

конференции, на основе которого была утверждена повестка дня.²⁸⁹

Первым вопросом повестки дня конференции значился «Политический отчет о деятельности Комитета независимости Кавказа». Докладчиком по данному вопросу выступил М.Э. Расулзаде.²⁹⁰ Достаточно критически оценивая деятельность КНК, М.Э. Расулзаде признал, что «работа и деятельность Комитета не всегда происходила гладко». Он напомнил, что как внутри национальных секторов, так и между ними порою происходила ожесточенная борьба, что не могло не затормозить работы и не нервировать Комитет, тем самым лишив его работоспособности».²⁹¹

По мнению М.Э. Расулзаде, все это происходило потому, что, несмотря на наличие объективного осознания необходимости единства у всех, субъективно еще не все усвоили необходимую общекавказскую психологию, без которой трудно было создать благоприятную обстановку для плодотворной работы. К тому же эти психологические моменты усугублялись трудностями технико-организационного характера, что также сильно затрудняло деятельность Комитета.²⁹²

Тем не менее, М.Э. Расулзаде придерживался мнения, что, несмотря на все упомянутые недостатки, Комитет независимости Кавказа, в целом, проводил известную работу и всеми силами способствовал сближению национальных организаций народов Кавказа. Велика была заслуга КНК и в популяризации идеи кавказского единства перед цивилизованным миром.

²⁸⁹ Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 101.

²⁹⁰ Доклад М.Э. Расулзаде «Политический отчет о деятельности Комитета независимости Кавказа» на конференции кавказских политических партий и организаций, входящих в движение «Прометей». 14.01.1935 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 105-109.

²⁹¹ Там же. С. 106.

²⁹² Там же. С. 107.

В своем докладе М.Э. Расулзаде затронул и армянский вопрос, так и «оставшийся неразрешенным». Признавая все минусы отсутствия армян в составе КНК, он вместе с тем отметил, что Комитет не мог игнорировать известную «позицию, которой придерживались и продолжают придерживаться руководящие армянские круги». Она заключалась в том, что для Комитета независимости Кавказа наиболее актуальным являлась борьба против русской оккупации на Кавказе, а ответственные руководители армян стояли на противоположной позиции, считая главным своим врагом Турцию. Тем не менее, М.Э. Расулзаде еще раз подтвердил готовность Комитета принять в свои ряды армян «в случае признания с их стороны основной тактики КНК». Как заметил докладчик, именно поэтому в пакте Конфедерации Кавказа место для них зарезервировано.²⁹³

М.Э. Расулзаде обратил внимание участников конференции и на то обстоятельство, что Комитет независимости Кавказа обладал лишь координационными и совещательными функциями, в то время как все решения принимались национальными центрами Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа. Как он отметил, тщательно проанализировав недостатки, присущие упраздняемому комитету, члены Национальных центров Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа пришли к выводу о необходимости создания более централизованного и полномочного органа в лице Совета Кавказской Конфедерации, решения которого должны иметь обязательный характер для всех входящих в него национальных центров.²⁹⁴

В заключение своего выступления М.Э. Расулзаде еще раз призвал всех участников конференции, «учитывая все

²⁹³ Доклад М.Э. Расулзаде «Политический отчет о деятельности Комитета независимости Кавказа» на конференции кавказских политических партий и организаций, входящих в движение «Прометей». 14.01.1935 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 108-109.

²⁹⁴ Доклад М.Э. Расулзаде «Политический отчет о деятельности Комитета независимости Кавказа» на конференции кавказских политических партий и организаций, входящих в движение «Прометей». С. 109.

плюсы и минусы работы КНК, организовать тот авторитетный кавказский орган, который и должен, следуя духу пакта 14 июля, руководить борьбой народов Кавказа, направленной к восстановлению их потерянной свободы и реализации идеи Кавказской Конфедерации!». ²⁹⁵

Следует отметить, что в целях конспирации в протоколах заседания СКК и его президиума, как и ранее в документах КНК, использовались не настоящие фамилии, а псевдонимы членов этих структур. Псевдонимом М.Э. Расулзаде в СКК был Куршун, ²⁹⁶ а в КНК — Демир. ²⁹⁷

На конференции был сформирован и состав Совета Конфедерации Кавказа, главной целью которой провозглашалась «подготовка кавказских народов для ликвидации оккупационной русской власти на Кавказе, восстановления республик и их объединения в Конфедеративный Союз». ²⁹⁸ Совет состоял из 12 членов, по 4 представителя от каждого национального центра. От Азербайджана в состав Совета Конфедерации Кавказа (СКК) вошли М.Э. Расулзаде, М. Мехтиев, М. Векилли и М. Магеррамов. ²⁹⁹

Следует отметить, что по решению конференции выработка окончательного варианта внутреннего регламента СКК возлагалась на самих членов данной структуры. Соответствующий документ о статусе и регламенте СКК был принят 20 июля 1935 года, согласно которому исполнительным и руководящим органом Совета являлся президиум, состоящий из М.Э. Расулзаде, Н. Жордания и М.Г. Сунша. ³⁰⁰ В компетенцию

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Кавказская конфедерация в официальных декларациях... С. 138.

²⁹⁷ Там же. С. 92.

²⁹⁸ Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 125.

²⁹⁹ Протоколы заседания Кавказской конфедерации. 23.02.1935 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 104.

³⁰⁰ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 129.

президиума входило осуществление общего руководства всей работой Совета, а также его дипломатическими, пропагандистскими и разведывательными акциями. Кроме того, руководящий триумвират обладал также полномочиями распоряжаться финансовыми средствами организации. ³⁰¹

С точки зрения выявления истинной значимости фигуры М.Э. Расулзаде в эмигрантском движении немалый интерес представляют материалы советских спецслужб. Так, сразу же после подписания Пакта о Кавказской Конфедерации служба внешней разведки ГУГБ НКВД СССР обратилась с запросом в отношении этого документа и подписавших его лиц к своей агентурной сети в европейских странах. Суть полученных от них оценок сводилась к тому, что Н. Жордания и А. Чхенкели в значительной степени утратили свое влияние в эмиграции и едва ли смогут стать координаторами грузинских групп. ³⁰²

Учитывая, что северокавказская политэмиграция никогда не представляла единого целого и внутри нее существовали серьезные трения, советская внешняя разведка считала, что И. Чулик, Т. Шакман и М.Г. Сунш также не обладают какими-либо полномочиями для реализации задач, определенных пактом о Кавказской Конфедерации. Что же касается А.М. Топчибаши, то, как указывалось в сообщениях советской агентуры, в связи с состоянием здоровья он постепенно отходит от дел, и поэтому не может похвастаться хорошими позициями среди азербайджанских эмигрантов. ³⁰³

В конечном итоге на основании резидентурных сообщений руководство советской внешней разведки пришло к выводу, что из всех, подписавших «Брюссельский договор»

³⁰¹ Статус и регламент Совета Конфедерации Кавказа. 20.07.1935 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 127-129.

³⁰² Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 130.

³⁰³ Там же.

о создании Конфедерации Кавказских Республик, лишь М.Э. Расулзаде как по своей должности руководителя Национального центра Азербайджана, так и по влиянию в азербайджанской эмиграции может претендовать на представительскую роль.³⁰⁴

Статус лидера азербайджанской политэмиграции М.Э. Расулзаде еще больше укрепился после кончины 5 ноября 1934 года в Париже патриарха азербайджанской дипломатии и одного из основателей национальной государственности азербайджанских тюрков А.М. Топчибаши. Несмотря на непростые взаимоотношения между этими двумя незаурядными личностями в отдельные периоды их жизни в эмиграции, в целом, они с большим почтением и уважением относились друг к другу. Лишним подтверждением тому являются воспоминания основателя башкирской государственности Ахмеда Заки Валиди о встрече с А.М. Топчибаши в 1923 году в Париже. Как вспоминает А.З. Валиди, «Али Мардан бей сказал: «Я уже стар, боюсь, что родину мне уже не суждено увидеть. Дела российских мусульман я вынужден буду оставить Мамед Эмину Расулзаде и тебе», — и его глаза наполнились слезами».³⁰⁵

В этом отношении вполне закономерно, что честь открыть траурный митинг во время похорон А.М. Топчибаши была предоставлена М.Э. Расулзаде. Он же стал единственным представителем азербайджанской политэмиграции, выступившим в ходе траурной церемонии. В своей трогательной речи, отметив огромные заслуги А.М. Топчибаши перед народом, М.Э. Расулзаде назвал его величайшим борцом за национальные права не только азербайджанских тюрков, но и всех мусульманских народов бывшей Российской империи.

³⁰⁴ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 130.

³⁰⁵ Тагирджанова А.Н. Осколки восточной мозаики. А.М. Топчибашев: «Ех oriente lux» - «Солнце восходит на востоке» // Наследие петербургской университетской культуры в русском зарубежье. Санкт-Петербург, 2012. С. 120.

Мамед Эмин бей напомнил, что А.М. Топчибаши, будучи выпускником юридического факультета Петербургского университета, начал свою профессиональную карьеру в качестве адвоката, и, вложив в эту деятельность всю свою энергию и ум, стал защитником прав не только отдельных личностей, а всей нации. В заключение своей речи М.Э. Расулзаде выразил уверенность в том, что «придет время и родина станет свободной, и тогда народ, покончивший с чужеземным игом, вспомнит о председателе своего первого парламента и вернет прах А.М. Топчибаши и его сына на так горячо любимую им родину, а также увековечит его память».³⁰⁶

Следует особо отметить, что это были не просто пафосные слова, продиктованные ситуацией. Проявлением искреннего уважения М.Э. Расулзаде к личности А.М. Топчибаши является тот факт, что он был одним из немногих лиц среди азербайджанских эмигрантов, который после кончины Али Мардан бека считал своим моральным долгом позаботиться о его семье. Мамед Эмин бей, в силу своих возможностей, пытался хотя бы облегчить материальные затруднения семьи А.М. Топчибаши.

В этой связи немалый интерес представляет письмо М.Э. Расулзаде от 24 июня 1935 года, адресованное главе польской Экспозитуры-II Э. Харашкевичу. В нем он выражает свое беспокойство тем фактом, что польская сторона не нашла возможным продолжать материальное содержание семьи покойного А.М. Топчибаши, занимавшего столь видное положение в национальном движении. Обсудив создавшееся положение с руководителем парижского отделения Экспозитуры-II В. Домбровским, М.Э. Расулзаде предложил назначить Али Акбера Топчибаши редактором «предполагаемого журнала на русском языке». М.Э. Расулзаде подчеркивал, что, «оплачивая

³⁰⁶ См.: М.Е. Resulzade Ali Merdan beyin mezarı başında // Türk birliği, №37-38, S. 29-32.

труд Али Акбер бея в качестве редактора, мы тем самым безболезненно разрешили бы и материальное обеспечение семьи покойного Топчибаши». ³⁰⁷

Судя по архивным документам, вопрос о финансовой помощи семье А.М. Топчибаши был поднят М.Э. Расулзаде и при личной встрече с Э. Харашкевичем, которая состоялась 8 марта 1936 года в Париже. И как подчеркивается в документе, Э. Харашкевич пообещал содействовать решению данного вопроса. ³⁰⁸

Протокол совещания Президиума СКК свидетельствует о том, что М.Э. Расулзаде официально выдвинул кандидатуру Али Акбера Топчибаши в качестве редактора нового журнала, который планировался издавать на русском языке. ³⁰⁹ Правда, из-за финансовых и организационных проблем впоследствии пришлось отказаться от этой идеи. Тем не менее, во многом благодаря усилиям М.Э. Расулзаде, Али Акбер Топчибаши был привлечен к работе в структурах Совета Конфедерации Кавказа. ³¹⁰

Однако люди, стоявшие в оппозиции к М.Э. Расулзаде внутри азербайджанской эмиграции, не оставляли попыток спекулировать на проблемных моментах его взаимоотношений с Али Мардан беком. Один из таких оппозиционеров, социалист А. Шейхульисламов, ослепленный мелкой мстительной злобой, опубликовал в октябрьском (1935 г.) номере журнала «Кавказ» статью, в которой утверждалось, что, находясь в ссылке в Москве, М.Э. Расулзаде якобы отправлял А.М. Топчибаши угрожающие письма. ³¹¹

³⁰⁷ Письмо М.Э. Расулзаде Э. Харашкевичу. 24.06.1935 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 155.

³⁰⁸ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 1. Д. 327. Л. 11, 12, 17.

³⁰⁹ Протокол совещания Президиума Совета Конфедерации Кавказа. 22.11.1935 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 135.

³¹⁰ Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 168.

³¹¹ İmanov V. Ali Merdan Topçubaşı (1865-1934). Lider bir aydın ve bağımsız Azerbaycan Cumhuriyetinin temsili. İstanbul, 2003. S. 226.

Отвечая на эту провокацию А. Шейхульисламова, сын покойного Али Мардан бека Али Акбер Топчибаши обратился с письмом в журналы «Kurtuluş» и «Şimali Kafkasya». В нем, в частности, подчеркивалось: «В качестве человека, исполняющего обязанности личного секретаря и тщательно изучающего весь архив покойного, считаю своим долгом довести до сведения читающей публики, что мне о подобном письме, приписываемом М. Э. бею Расулзаде, абсолютно ничего не известно». ³¹²

Далее А.А. Топчибаши отмечал, что «среди полемических писем, неизбежных в жизни каждого политического деятеля, хранящихся в папках, оставленных покойным отцом, самые обидные и наносящие ему оскорбления принадлежат именно А.А. Шейхуль-исламову». В этой связи Али Акбер бек советовал Шейхульисламову «не вмешивать имени покойного в грязную интригу, преследующую дезорганизаторские цели, орудием которой, как видно, он служит с удовольствием». ³¹³

Этот инцидент примечателен в качестве доказательства того, что оппозиционеры в рядах азербайджанской политической эмиграции не брезговали никакими средствами и методами, чтобы оклеветать и очернить М.Э. Расулзаде. Причем травля Мамед Эмин бея не ограничивалась только критическими, а зачастую просто оскорбительными публикациями на страницах периодической печати. В 1934—35 гг. в Турции были изданы две отдельные брошюры Ш. Рустамбейли «Yükılan putlar» («Рухнувшие идолы») и «M.E. Resulzadenin feci sukutu» («Страшное молчание М.Э. Расулзаде»), а также опус Н. Шейхзаманлы «Biz ve Onlar» («Мы и они»), основной мишенью которых являлся лидер АНЦ и партии «Мусават».

Не вдаваясь в подробности и детали многочисленных обвинений в адрес М.Э. Расулзаде, подавляющее большинство

³¹² Kurtuluş. 1935. №13-14. S. 4.

³¹³ Там же.

которых не имело под собой никаких реальных оснований, отметим лишь то, что авторы этих книжонок вышли далеко за рамки «критики» личности самого М.Э. Расулзаде. В них содержались открытые оскорбления членов семьи М.Э. Расулзаде, в частности, его покойного отца и матери, которые вряд ли позволил бы себе любой мало-мальски порядочный человек.³¹⁴

При этом Ш. Рустамбейли обвинял М.Э. Расулзаде в том, что он, сосредотачивая свое внимание на теоретических и идеологических разногласиях между сторонами, тем самым, пытается отдалить читателя от сути конфликта в рядах азербайджанской эмиграции.³¹⁵ По мнению Ш. Рустамбейли, причиной конфликта являлись финансовые вопросы. Это собственноручное признание Ш. Рустамбейли свидетельствует о том, что его нисколько не волновали идеологические и политические вопросы, да и само эмигрантское движение.

Торгашеская натура Ш. Рустамбейли просто не могла смириться с тем фактом, что финансовые средства для азербайджанской эмиграции выделялись европейскими спонсорами под гарантии М.Э. Расулзаде, и он не имел никакого доступа к их распределению. Неудивительно, что опусы Ш. Рустамбейли напоминают аудит финансовой деятельности ведущих организаций азербайджанской эмиграции — АНЦ и «Мусават», в которых он тщетно пытается обвинить М.Э. Расулзаде в «разбазаривании» финансовых средств.

Симптоматично, что оппоненты М.Э. Расулзаде нередко обвиняли его во взаимоисключающих поступках. Например, Н. Шейхзаманлы в своей работе «Мы и они» («Biz ve Onlar») утверждал, что М.Э. Расулзаде чуть ли не содействовал большевистской оккупации Азербайджана в апреле 1920 года.³¹⁶

³¹⁴ *Rüstembeyli Ş. M.E. Resulzadenin feci sükutü. S. 10.*

³¹⁵ *Rüstembeyli Ş. M.E. Resulzadenin feci sükutü. S. 7.*

³¹⁶ *Şeyhzamanlı N. Biz ve Onlar. İstanbul, 1934. S. 13.*

А другой его «критик», наоборот, считал глубоко ошибочным излишне жесткую позицию М.Э. Расулзаде в отношении большевиков.³¹⁷ Этот «критик» утверждал, что, организуя антибольшевистские выступления внутри Азербайджана и бросая безоружные массы против вооруженной до зубов русской армии, М.Э. Расулзаде якобы ставит под угрозу само физическое существование азербайджанских тюрок. Поэтому он без обиняков советовал М.Э. Расулзаде брать пример с дашнаков, которые в середине 30-х гг. существенно смягчили свою позицию и начали проводить более лояльную политику в отношении советских властей.³¹⁸

Нельзя считать случайностью и тот факт, что в середине 30-х гг. нападки на лидера азербайджанской эмиграции достигли своего апогея. Это было обусловлено целым рядом фактором, в том числе, геополитического характера. Дело в том, что к середине 30-х гг. заметно возросло количество государств, проявляющих интерес к национальному вопросу в СССР и рассматривающих данную проблему в качестве одного из эффективных средств борьбы с большевистским режимом. Как уже подчеркивалось выше, если в конце 20-х — начале 30-х гг. лишь Польша и в несравненно меньшей степени — Франция и Англия поддерживали контакты с политэмигрантами из СССР, то постепенно их ряды пополнились Японией, Германией и Италией с их авторитарными режимами.

Безусловно, спонсирование и покровительство этими государствами нерусской и, прежде всего, кавказской эмиграции было отнюдь не проявлением альтруизма, или следствием их большой любви к национальным чаяниям поработенных народов советской империи. Тут имел место исключительно прагматичный подход и тонкий политический расчет, поскольку в тот период многие влиятельные круги европейских держав

³¹⁷ *Kurtuluş. 1935. №13-14. S. 7.*

³¹⁸ *A.g.e.*

рассматривали кавказскую эмиграцию в качестве естественного союзника в борьбе с советским режимом.

Хотя ради справедливости необходимо признать, что этот интерес был взаимным, т. к. многие эмигрантские организации, в том числе азербайджанские, связывали надежды на свое политическое будущее именно с теми европейскими странами, которые считались наиболее принципиальными противниками СССР. Именно взаимное совпадение интересов обусловило тесное сотрудничество кавказской эмиграции с различными европейскими странами, а также Японией в 30-х гг. XX века.

Причем при выборе партнера для сотрудничества не последнюю роль играли идеологические соображения. Так, левые и центристские силы кавказской, в том числе азербайджанской эмиграции, были задействованы в планах демократических государств Европы. Данное обстоятельство, наряду с идеологической несовместимостью, делало практически невозможным их сотрудничество с Токио, Берлином и Римом. В этой связи неудивительно, что эти авторитарные режимы решили сделать ставку на представителей правого крыла кавказской эмиграции, которые, исходя из идеологических и иных соображений, находились в оппозиции к объединенным в движении «Прометей» национальным центрам Азербайджана и Грузии, возглавляемыми М.Э. Расулзаде и Н. Жордания.

Объединением представителей основных правых течений кавказской эмиграции стала группа «Кавказ», получившая свое название от одноименного журнала, который с января 1934 года издавался в Париже. Бессменным редактором журнала «Кавказ» на протяжении всех пяти лет его существования был один из видных руководителей освободительной борьбы горцев Северного Кавказа Гайдар Баммат.³¹⁹ Он же

³¹⁹ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». Сборник статей за период существования журнала 1934-1939 гг. Махачкала-Париж, 2010. С. 12-13.

считался и лидером группы «Кавказ», которая с момента своего создания стояла в непримиримой оппозиции к политическим партиям и силам, сгруппировавшимся в прометеевском движении.

Первоначально журнал «Кавказ», как и одноименная группа представителей правой кавказской эмиграции, финансировался Японией. А начиная с конца 1936 года, правые кавказские эмигранты начали получать финансовую и политическую поддержку также от Германии и Италии.

С созданием группы «Кавказ» кавказская эмиграция окончательно раскололась на два лагеря. Если входившие в прометеевское движение партии представляли демократическую модификацию национализма, то в группе «Кавказ» были объединены откровенно антилиберальные и авторитарные элементы.³²⁰ Руководители группы «Кавказ» открыто демонстрировали свои симпатии Германии, Италии, Японии и франкистской Испании.³²¹ Как отмечал лидер группы «Кавказ» Г. Баммат, «фашизм в Италии, национал-социализм в Германии... наглядно показали, что подлинно живые и творческие импульсы, способные зажечь огнем чистого энтузиазма народные массы, теперь идут справа и только справа».³²²

Более того, имея в виду критику прометеевцев в адрес правящих режимов Германии и Италии, Г. Баммат утверждал, что «бессильное злопыхательство против фашизма и национал-социализма является ни чем иным как злостным предательством наиболее жизненных интересов Кавказа».³²³ При этом Г. Баммат был убежден в том, что именно Германия и Италия, а также Япония, «по мотивам идеологического

³²⁰ Patrik von zur Mühlen. Camalıhaç ile Kızılyıldız Arasında. S. 37.

³²¹ А.г.е., S. 35.

³²² Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 145.

³²³ Там же. С. 159.

порядка или вследствие своей государственной политики» станут наиболее надежными союзниками кавказцев в борьбе за национальное освобождение.³²⁴

Эти идеологические расхождения, а также различия в геополитических ориентациях, и обусловили непримиримую вражду между прометеевским движением и группой «Кавказ». Хотя, на первый взгляд, казалось, что между ними нет особенно принципиальных разногласий, поскольку и те, и другие придерживались антибольшевистской позиции и боролись за создание Кавказской конфедерации. Но как тут не вспомнить слова М.Э. Расулзаде о том, что «существует значительная разница между обычной неприязнью к большевизму и истинной приверженностью к идеалу национальной независимости». ³²⁵ К тому же следует учесть, что невыносимо плохой, деспотический характер самого Г. Баммата часто служил дополнительным источником конфликтов между сторонами.

Как и следовало ожидать, появление группы «Кавказ» способствовало значительному усилению противостояния внутри азербайджанской эмиграции, поскольку Г. Баммат охотно предоставлял страницы журнала «Кавказ» всем правым азербайджанским эмигрантам, находившимся в оппозиции к лидеру партии «Мусават» М.Э. Расулзаде, в частности, Х. Хасмамедову и Х. Султанову. Получив доступ к финансовым и информационным ресурсам группы «Кавказ», правые азербайджанские эмигранты не преминули воспользоваться ситуацией. Используя возможности этого журнала, они развернули широкую пропагандистскую кампанию против М.Э. Расулзаде и других прометеевцев.

Как признавался один из ближайших соратников Г. Баммата Алихан Кантемир, журнал «Кавказ» «объявил

³²⁴ Там же. С. 313.

³²⁵ *Resulzade M.E. Şefibeyçilik*. S. 65.

войну, прежде всего, против Н. Жордании и грузинских социалистов, а также против М.Э. Расулзаде, партии «Мусават» и лидера северокавказской эмиграции, прометеевца Саида Шамиля». ³²⁶ При этом Г. Баммата нисколько не смущал тот факт, что углубление разногласий внутри кавказской эмиграции противоречило интересам борьбы с большевистским режимом, непримиримым врагом которого он себя провозглашал.

Впрочем, многие из представителей оппозиции внутри азербайджанской эмиграции впоследствии признали правоту М.Э. Расулзаде и необоснованность своих выпадов против него. Например, один из принципиальных оппонентов М.Э. Расулзаде в 30-х — начале 40-х гг. Ф. Амирджан после Второй мировой войны признавал, что «в свое время он до конца не понимал тактику М.Э. Расулзаде в эмиграции», что и стало причиной разногласий между ними. По словам Ф. Амирджана, впоследствии он на своем личном опыте убедился в том, что именно М.Э. Расулзаде и его ближайшие соратники «наиболее последовательно, целенаправленно и активно занимались национальной деятельностью и отдали этому делу всего себя», в то время как их критики занимались этими проблемами лишь от случая к случаю. ³²⁷

На основании своих продолжительных наблюдений Ф. Амирджан сделал вывод о необходимости поддержки линии М.Э. Расулзаде, как наиболее соответствующей национальным интересам азербайджанских тюрков. При этом Ф. Амирджан особо подчеркивал, что даже в те времена, когда находился в оппозиции к М.Э. Расулзаде и выступал с резкой критикой в его адрес, он «не ставил под сомнение его патриотизм и преданность национальным идеалам». ³²⁸

³²⁶ *Patrik fon Zur Mühlen*. Camali Haç ile Kızıl Yıldız Arasında. S. 23.

³²⁷ *Kengerli M.A. Dudanginski'nin «Hesabına» Dair // Kafkasya*. 1952. №9. S. 9.

³²⁸ A.g.e.

Аналогичным образом поступил и Н. Шейхзаманлы после Второй мировой войны, также выступивший в поддержку М.Э. Расулзаде. В частности, он поддержал позицию М.Э. Расулзаде в отношении т. н. Висбаденской декларации. Данный документ, принятый в ноябре 1951 года, предусматривал восстановление Российской империи в границах 1914 года и отказывал поработенным народам СССР в праве на самоопределение. М.Э. Расулзаде подверг резкой критике и отказался признать Висбаденскую декларацию, которую от имени азербайджанской политэмиграции подписали Дж. Гаджибейли, А. Шейхульисламов и И. Акбер. Его позицию поддержало подавляющее большинство азербайджанских эмигрантов, что в конечном итоге привело к фиаско сторонников Висбаденской декларации.

Но в середине 30-х гг. подобные деструктивные действия политических оппонентов М.Э. Расулзаде создавали немалые проблемы как для азербайджанской политэмиграции, так и для партии «Мусават». Тем более что в противостояние между азербайджанскими эмигрантами оказались вовлеченными и представители северокавказской, и грузинской эмиграции. В частности, используя возможности журнала «Кавказ», Г. Баммат, А. Кантемир, З. Авалишвили периодически выступали с критикой партии «Мусават» и его лидера.

Характерно, что Г. Баммат считал бесцеремонное вмешательство журнала «Кавказ» в политическую жизнь азербайджанской эмиграции «не только не предосудительным, но вполне нормальным и желанным», поскольку, по его мнению, именно этим путем можно было добиться «культурно-моральной унификации Кавказа, а также создания кавказского патриотизма и кавказской нации». ³²⁹

Необходимо отметить, что одно из принципиальных отличий группы «Кавказ» от прометеевского движения

³²⁹ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 259.

заклучалось в том, что она, наряду со странами Оси, придавала слишком большое значение роли Турции и Ирана в реализации идеи Конфедерации Кавказа. Считая только себя и своих соратников «национально мыслящими элементами» кавказской эмиграции, Г. Баммат на страницах журнала «Кавказ» из номера в номер обвинял М.Э. Расулзаде и прометеевцев «в попытках найти опору у тех европейских государств, интересы которых находятся в противоречии с интересами Турции». ³³⁰ Другими словами, Г. Баммат пытался выглядеть большим католиком, чем папа римский.

При этом представители группы «Кавказ» игнорировали существующие реалии и факт отсутствия даже малейших условий для антисоветской деятельности эмигрантов на турецкой территории. Например, не довольствуясь депортацией из страны М.Э. Расулзаде, Анкара в 1934 году по требованию советского правительства запретила даже доставку в Турцию номеров газеты «İstiklal», издающейся им в Берлине. Между тем на территории Турции по-прежнему проживала значительная часть азербайджанских эмигрантов, которых необходимо было информировать о происходящих событиях. И с целью обойти созданные турецким правительством препятствия на пути распространения азербайджанской эмигрантской прессы М.Э. Расулзаде вынужден был в срочном порядке закрыть газету «İstiklal» и учредить в ноябре 1934 года в Берлине новый журнал — «Kurtuluş». ³³¹

Тем не менее, Х. Хасмамедов Х. Султанов Ш. Рустамбейли, Н. Шейхзаманлы и другие правые азербайджанские эмигранты, сгруппировавшиеся вокруг журнала «Кавказ», обвиняли М.Э. Расулзаде в том, что «он повернулся спиной

³³⁰ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 278.

³³¹ Şimşir S. Azerbaycan'ın istiklal mücadelesi. İstanbul, 2006, S. 107.

к Турции», и теперь его соратниками и союзниками являются «не тюркские народы, а грузины, украинцы и казаки». ³³²

Впрочем, это не помешало соратнику правых азербайджанских эмигрантов по группе «Кавказ» З. Авалишвили на страницах того же журнала «Кавказ» обвинить М.Э. Расулзаде и печатный орган АНЦ «Kurtuluş» в приверженности к пантюркизму. З. Авалишвили, в частности, утверждал, что «Kurtuluş» якобы «мало интересуется собственно кавказским характером страны: у него перед глазами Азербайджан в обширном смысле слова, более того, весь турецкий мир от пределов Китая до Средиземного моря». ³³³

Примечательно, представители группы «Кавказ» жестко критиковали М.Э. Расулзаде и руководимый им журнал «Kurtuluş» за то, что их волновали не только судьба т. н. «Кавказского», но и Иранского Азербайджана. Действительно, разработанная в свое время М.Э. Расулзаде концепция азербайджанизма предусматривала если и не в ближайшем будущем, то, по крайней мере, в перспективе создание единого Азербайджанского государства, охватывающего все исторические азербайджанские земли, в том числе территорию Южного Азербайджана.

Это вызывало негативную реакцию Г. Баммата, который считал не только лишним, но и вредным всякие разговоры об Иранском Азербайджане. В этой связи Г. Баммат на страницах журнала «Кавказ» писал: «Обращаемся мы также и к азербайджанской политической мысли и требуем от нее решительно отмежеваться от тех мегаломанов с необузданной фантазией, которые в фантастических своих вожделениях

³³² Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века). С. 382.

³³³ Авалишвили З. Еще о «сумерках богов» на Ближнем Востоке // Кавказ. 1936. №1 (25). С. 11.

так легкомысленно перепрыгивают через Аракс и простирают свои алчные аппетиты до Табриза и далее...». ³³⁴

Хотя в данном случае М.Э. Расулзаде говорил лишь о культурной, а не политической связи кавказского и иранского Азербайджана, поскольку, будучи членом и одним из руководителей прометеевского движения, он придерживался позиции признания границ Кавказских республик с Турцией и Ираном. Ведь для борьбы с советами нужно было иметь хотя бы дружеский нейтралитет этих государств, единственно граничившие с Кавказом, и лишь с территории которых можно было иметь непосредственную связь с регионом.

Как бы то ни было, эти советы Г. Баммата, фактически выступавшего в качестве адвоката шахского режима Ирана, были проигнорированы Мамед Эмин беом и другими азербайджанскими эмигрантами. В подобной ситуации Г. Баммату и его единомышленникам не оставалось иного выхода, как продолжать бессмысленную критику в адрес партии «Мусават» и ее лидера.

Таким образом, в середине 30-х гг. XX века активистам прометеевского движения приходилось вести трудную борьбу не только с советским режимом и его агентурой в европейских странах, но и правыми группировками внутри самой политэмиграции, не разделявшими тактику «Прометей».

Обращает на себя внимание факт, что любой конфликт внутри «Мусавата» приводил Г. Баммата в настоящий экстаз. Так, в конце 1934 года после исключения Х. Хасмамедова и Ш. Рустамбейли из рядов «Мусавата», Г. Баммат с особой радостью сообщал читателя журнала «Кавказ» о том, что эта партия «сгнила дотла и развалилась на два враждебных стана». ³³⁵

Однако информация о «смерти» «Мусавата» оказалась несколько преувеличенной, поскольку основной костяк партии

³³⁴ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 358.

³³⁵ Там же. С. 116.

и большая часть рядовых ее членов остались верны политическому курсу М.Э. Расулзаде. После исключения Х. Хасмамедова и Ш. Рустамбейли из партии в 1934 году было решено сформировать новый состав Дивана путем анкетирования мусаватистов, так как созыв конференции «Мусавата» не представлялся возможным. В результате анкетирования в состав Дивана партии были кооптированы А. Азертекин, К. Одер и Х. Мунши.³³⁶ Этот состав Дивана не встретил серьезных возражений, но для придания большей авторитетности руководящему органу «Мусават», а также с целью разрешения давно назревших проблем партийной жизни необходимо было организовать и провести партийную конференцию.

Следует отметить, что некоторые зарубежные исследователи квалифицируют исключение в 1934 году оппозиционеров из рядов партии, как раскол «Мусавата» на Варшавскую и Стамбульскую группы.³³⁷ Эти исследователи, видимо, исходят из факта пребывания М.Э. Расулзаде в Варшаве, а его оппонентов — в Стамбуле. Однако подобная трактовка случившегося не совсем верна, поскольку и после исключения из «Мусавата» Х. Хасмамедова и Ш. Рустамбейли, а также их сторонников, в Стамбуле продолжала функционировать достаточно сильная мусаватская организация, приверженная линии М.Э. Расулзаде. Членами этой организации являлись многие видные деятели партии, включая двух основателей «Мусавата» — Аббасгули Казымзаде и Мамед Али Расулзаде.

Неслучайно, что впервые с инициативой проведения новой партийной конференции в 1935 году выступил именно стамбульский комитет «Мусавата». Так, 14 декабря 1935 года состоялось заседание руководства стамбульского отделения партии с участием М. Векилли, М.А. Расулзаде, А. Казымзаде,

³³⁶ Информация М.Э. Расулзаде о Варшавском съезде партии «Мусават» // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 269-270.

³³⁷ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 123.

А. Гулизаде и А. Джафароглу. На нем было принято единогласное решение направить лидерам партии «Мусават», находящимся в Варшаве, предложение о скорейшем созыве партийного съезда.³³⁸

Данное предложение стамбульского отделения «Мусават» было поддержано председателем партии М.Э. Расулзаде, который в феврале 1936 года направил циркуляр всем местным организациям о созыве партийной конференции. В соответствии с уставом партии, циркуляр устанавливал порядок избрания делегатов на конференцию, которые должны были состоять из бывших и нынешних членов Дивана, а также представителей местных организаций.³³⁹ В результате получили мандат для участия в партийной конференции 14 мусаватистов. Кроме того, специальным письмом М.Э. Расулзаде на конференцию были приглашены М. Мехтиев, Абдул-Вагаб Мехмедзаде и Кербалаи Вели Микаилзаде.³⁴⁰

Конференция партии «Мусават» состоялась с 5 по 7 августа 1936 года в Варшаве, и в ней приняли участие 11 из 14-ти делегатов. Если отсутствие на конференции Садыг бея Хулуסי и представителя тегеранской организации партии объяснялось техническими причинами, то М. Векилли демонстративно проигнорировал ее работу. Хотя, наряду с другими стамбульскими мусаватистами, М. Векилли был одним из инициаторов созыва партийной конференции.

Подобный шаг М. Векилли обуславливался изменением его позиции, которое произошло в начале 1936 года. Он все более сближался с правыми кругами кавказской эмиграции, прежде всего, с представителями группировки Х. Хасмамедова. Еще находясь в Турции, М. Векилли в переписке с М.Э. Расулзаде выражал свое недовольство действиями

³³⁸ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 1. Д. 325. Л. 113.

³³⁹ Из истории азербайджанской эмиграции. С. 270.

³⁴⁰ Там же. С. 271.

польских представителей — К. Дубича и Э. Харашкевича, курировавших деятельность кавказской эмиграции.³⁴¹

Затем, прибыв из Стамбула в Париж, М. Векилли начал открыто критиковать деятельность Совета Конфедерации Кавказа. 17 марта 1936 года, выступая на заседании СКК, он подчеркивал, что в первое время «наша эмиграция на перифериях с надеждой и радостью встретила образование Совета Конфедерации, но в последнее время это отношение изменилось в сторону разочарования, ибо Совет недостаточно себя проявил». И это, по мнению М. Векилли, вызывало апатию в среде эмигрантов.³⁴²

Далее М. Векилли выразил свое несогласие с тем, что некоторые печатные органы политических сил, входящих в прометеевское движение, в частности, орган Загранбюро социал-демократической партии Грузии «Брдзолис Хма» («Эхо Борьбы»), излишне жестко критиковали национал-социалистический режим в Германии. Он считал, что подобная критика мешает росту влияния СКК в этой стране, и наоборот, способствует укреплению позиций правой кавказской организации.³⁴³

Все это свидетельствовало о том, что М. Векилли начал вести свою собственную двойную игру. И это сразу же заметили польские представители, заподозрившие М. Векилли в преследовании скрытых целей. К сожалению, развитие событий подтвердило эти подозрения польской стороны. В частности, сблизившись с М. Мехтиевым, М. Векилли начал активно подталкивать его к созданию параллельных структур в составе СКК.

Под его влиянием М. Мехтиев стал добиваться особого статуса для Дипломатической комиссии СКК. Тем самым, он

³⁴¹ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 80. Л. 3.

³⁴² Протокол заседания Совета Конфедерации Кавказа. 17.03.1936 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 142.

³⁴³ Там же. С. 143.

пытался фактически вывести данную комиссию из-под контроля президиума СКК. Путем придания Дипломатической комиссии дополнительных полномочий М. Мехтиев хотел восстановить свой былой статус в эмиграции, когда он являлся заместителем председателя Азербайджанской делегации на Мирной конференции. Очевидно, что это предложение было отвергнуто, поскольку его реализация привела бы к созданию параллельных структур в системе СКК с дублирующими функциями.³⁴⁴

Одновременно М. Векилли и М. Мехтиев выступили с примерно аналогичными проектами реорганизации деятельности Азербайджанского национального центра. Стремясь установить причины подобного поведения М. Векилли и М. Мехтиева «в делах как АНЦ и партии «Мусават», так и в отношении Совета Конфедерации Кавказа», М.Э. Расулзаде по собственной инициативе встретился с ними в Париже. В ходе этой встречи М. Векилли и М. Мехтиев представили М.Э. Расулзаде план, предусматривающий разделение единой организации АНЦ на два автономно действующих подразделения. В компетенцию первого подразделения входили «заграничные вопросы, к которым причислялись отношения с другими организациями, политические действия и пропаганда на международном уровне, издания на иностранных языках». ³⁴⁵ Внутренними же проблемами, которые охватывали организационную работу среди эмиграции, связь с Азербайджаном, влияние на настроения в ней, создание там местных ячеек, издания на родном языке, должно было заниматься второе подразделение.³⁴⁶

Причем руководители обоих подразделений были полностью свободны в своих действиях и принятии решений,

³⁴⁴ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 80. Л. 3.

³⁴⁵ Там же. Л. 3-4.

³⁴⁶ Там же.

которые имели обязательную силу для нижестоящих организаций. Что же касается председателя АНЦ, то он превращался в чисто номинальную фигуру, лишённую всяких полномочий для непосредственного принятия решений и самостоятельного руководства. Он мог лишь озвучивать согласованное с руководителями подразделений мнение.³⁴⁷

Таким образом, М. Векилли и М. Мехтиев, по сути, стремились прибрать к рукам руководство АНЦ. Но главный недостаток их проекта заключался в том, что на практике подобное разделение организации на две автономные структуры было трудноосуществимо. Ведь при условии равномерной ответственности и трудно уловимой грани между полномочиями двух подразделений все это могло привести к полной анархии в организационных делах, и целый ряд лиц, действовавших в этой области, стал бы получать распоряжения, противоречащие друг другу. Руководствуясь этими соображениями, М.Э. Расулзаде сразу же отверг проект Векилли-Мехтиева.³⁴⁸

Но даже после этой безрезультатной встречи М.Э. Расулзаде официально пригласил как М. Векилли, так и М. Мехтиева принять участие в конференции партии «Мусават». Им были отправлены все необходимые материалы. Однако М. Векилли и М. Мехтиев отказались от участия в партийном форуме.

Впрочем, их отсутствие не оказало особого влияния на работу конференции, которая приняла новую программу партии, пересмотрела партийный устав, выработала основы партийной тактики и выразила отношение к основным проблемам политического момента, а также сформировала новый состав заграничного Центрального комитета (Дивана) партии в эмиграции.³⁴⁹

³⁴⁷ Там же. Л. 4.

³⁴⁸ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 80. Л. 4.

³⁴⁹ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 72. Л. 27.

На конференции с докладом о деятельности партии и участии мусаватистов в национально-освободительном движении выступил М.Э. Расулзаде. Напомнив о том, что «партия «Мусават! является носителем тюркской национальной идеологии, и идея провозглашения независимости Азербайджана принадлежит ей», М.Э. Расулзаде подчеркнул, что именно «Мусават» сыграл ключевую роль в «отделении Закавказья от России» весной 1918 года.³⁵⁰

Затрагивая характер партии, М.Э. Расулзаде отметил, что «по своей социальной идеологии «Мусават» — партия народническая, партия широких народных масс, мелкой буржуазии, крестьянства и национальной интеллигенции. Она имеет большое влияние и на тюркские рабочие массы». ³⁵¹ По сути, в азербайджанской политической действительности не было другой реальной силы, противостоящей большевизму, кроме партии «Мусават». По мнению М.Э. Расулзаде, именно по этой причине в Азербайджане «русско-большевистские оккупанты главным образом борются с партией «Мусават». ³⁵²

Как заявил М.Э. Расулзаде, Кремль и большевистская пресса на самом деле отлично знали своего главного врага в Азербайджане и не ошибались, называя его «мусаватизмом», который стал синонимом азербайджанской независимости и патриотизма. Он выразил убежденность в том, что и в дальнейшем партия будет высоко нести знамя борьбы с русско-большевистским империализмом во имя восстановления независимости Азербайджана.

В своем докладе М.Э. Расулзаде затронул и тему «объединения кавказских народов в одно политической целое». Как

³⁵⁰ Доклад М.Э. Расулзаде на конференции партии «Мусават» в Варшаве в августе 1936 года // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 196-197.

³⁵¹ Там же. С. 201.

³⁵² Там же. С. 198.

он подчеркнул, такое объединение ничуть не противоречит идее независимости Азербайджана и интересам освобождения других тюркских народов. По мнению М.Э. Расулзаде, наоборот, Кавказская Конфедерация, служа гарантией прочного мира на востоке и играя роль барьера против русского проникновения на юг, может служить наилучшим фактором в борьбе тюркских народов с вековым врагом». ³⁵³

Примечательно, что в принятой конференцией специальной резолюции немало внимания уделялось отрицательным моментам в деятельности эмиграции, в частности, «хронически возникающим конфликтам внутри организации». Как указывалось в этом документе, эти конфликты были обусловлены «слабостью политических устоев и традиций национальной борьбы». ³⁵⁴

Далее в резолюции отмечалась, что главная причина этих конфликтов «лежит в борьбе двух концепций, а именно — опираться ли в организационной работе на отдельные персоны, или же на идейно и организационно спаянные между собой кадры». Учитывая ответственность момента, а также необходимость оздоровления атмосферы и повышения работоспособности азербайджанской политэмиграции, конференция посчитала целесообразным «в национальной деятельности опираться главным образом на кадры работников, объединенных одной определенной идеологией». Конференция также поддержала деятельность М.Э. Расулзаде в АНЦ, «находя ее отвечающей требованием одобренной съездом организационной концепции». ³⁵⁵

На конференции по инициативе М.Э. Расулзаде были приняты «Основы новой программы» партии. В этом документе мусаватизм квалифицировался как «азербайджанский

³⁵³ Там же. С. 197.

³⁵⁴ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 72. Л. 28.

³⁵⁵ Там же. Л. 28-29.

патриотизм, преданный идеалам свободы, республики и национальной независимости, тесно связанный с великой тюркской культурой и высоко ставящий общечеловеческие начала цивилизации». ³⁵⁶ Главной политической целью партии объявлялось восстановление государственной независимости Азербайджана.

Этот документ по многим параметрам заметно отличался от прежней программы «Мусавата». Особенно существенные изменения произошли в области политических устремлений и социальных задач партии. Правда, основная цель партии — «освобождение из-под русской оккупации и восстановление независимости Азербайджанской Республики», осталась неизменной. Но одновременно «в целях завоевания этой независимости и дальнейшей ее защиты от всевозможных опасностей в будущем» в программу партии впервые был включен лозунг Конфедеративного Кавказа. Отныне лозунг: «независимый Азербайджан в составе Кавказской Конфедерации становился официальным лозунгом партии и целью ее практических начинаний». ³⁵⁷

В новой партийной программе также подчеркивалось, что «в качестве страны, населенной тюрками, Азербайджан культурно связан с другими тюркскими народами. Мусаватизм, преданный этой связи в прошлом, защитит ее и в будущем». ³⁵⁸ Как видно, партия делала акцент именно на культурное, а не на политическое единство тюркских народов. Занимая подобную позицию, руководство партии исходило из практики последних десятилетий, которая продемонстрировала всю несостоятельность различных политических «пан-измов», неудачно пытавшихся объединить для реализации общих политических целей однородные в этническом плане

³⁵⁶ Milli Azərbaycan «Müsavət» Halk Firkasının Yeni Program Esasları. Varsava, 1936. S. 4.

³⁵⁷ Milli Azərbaycan «Müsavət» Halk Firkasının Yeni Program Esasları. S. 5.

³⁵⁸ A.g.e., S. 213.

национальные организмы с несовпадающими политическими устремлениями. Кроме того, уровень развития тюркских народов был совершенно разным. Среди них были народы, обладавшие длительной традицией государственности, и народы, начисто лишённые таковой.

Обращает на себя внимание и тот факт, что, провозглашая свою приверженность к общетюркской культуре, партия не абсолютизировала ее значимость, ставя интересы Азербайджана и азербайджанской культуры превыше всего. Учитывая тогдашнюю «ничем не омрачаемую близость советско-турецких отношений», руководители «Мусават», и в частности, М.Э. Расулзаде отдавали себе отчет в том, что различные культурные «пан-измы», подобно «пан-измам» политическим, действительны постольку, поскольку отвечают реальным интересам охватываемых ими народов. В этом смысле новая программа партии «Мусават» учитывала реальную обстановку и опыт, диктуемый историей и действительностью.

В соответствии с новыми реалиями были внесены кардинальные изменения и в социальную программу партии. В отличие от прежней социальной программы «Мусавата», которая не только признавала разделение общества на различные социальные классы и слои, но и определяла первоочередной задачей партии защиту интересов трудящихся классов, для «Новых программных основ» был характерен принципиально иной подход к данной проблеме. Новая социальная политика «Мусавата» была сформулирована в концепции Milli Təsnud (национальной солидарности), разработанной М.Э. Расулзаде. Ее задача заключалась в достижении национального единства и солидарности в азербайджанском обществе. Учитывая специфические условия большевистской оккупации страны, М.Э. Расулзаде стремился к достижению максимально возможной консолидации различных слоев азербайджанского общества в борьбе за национальную

независимость путем гармонизации интересов общества и индивидуума.

Как подчеркивалось в новой партийной программе, «мусаватизм берет за основу единство нации и солидаризацию общественных интересов, не допуская классовую борьбу, и в корне отрицает господство одной какой-либо части населения над другой». ³⁵⁹ Тем самым руководством партии во главе с М.Э. Расулзаде был взят курс на трансформацию «Мусавата» «из национальной партии» в организацию, «представляющую интересы всех слоев азербайджанской нации». ³⁶⁰

Следует отметить, что, проанализировав международную ситуацию, конференция пришла к выводу о неизбежности новой мировой войны, равно как и неизбежности участия в ней СССР. В специальной резолюции, принятой конференцией по данной проблеме, подчеркивалось, что симпатии партии «Мусават» в предстоящей войне будут на стороне международных сил, противостоящих Советской империи. Но при этом особо подчеркивалось, что «степень нашей симпатии в отношении этих сил будет находиться в прямой связи со степенью их положительного отношения к нашей проблеме и к нашим национальным интересам». ³⁶¹

В решениях конференции особо подчеркивалось, что «Азербайджанская проблема — это проблема международная. Популяризация этой проблемы перед общественным мнением всего мира путем вхождения в связь с общественно-политическими кругами и через мировую прессу, — служит основной задачей партии». ³⁶² Поэтому партийным органам

³⁵⁹ А.г.е.

³⁶⁰ *Məmmədzadə M.B.* Milli Azərbaycan hərəkatı. S. 211.

³⁶¹ Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польшу (30-е годы XX века). С. 407.

³⁶² Там же.

предлагалаоь проявить еще большую энергию в этом направлении, чем это было до сих пор.

В заключительный день работы конференции в Варшаве, 7 августа 1936 года, был сформирован новый состав высшего руководящего органа «Мусават» — Загранбюро, куда вошли М.Э. Расулзаде, М.Б. Мамедзаде, А. Азертекин, А. Джафароглы, Х. Мунши, М. Исрафилов и Г. Зейналов.³⁶³ Правда, в некоторых источниках М.Б. Мамедзаде указан как Мамедов.³⁶⁴ На этом основании российский исследователь С. Исхаков считает, что под Мамедовым имелся в виду не М.Б. Мамедзаде, а Х. Хасмамедов. Свою позицию он обосновывает тем, что в информации, отправленной М.Э. Расулзаде летом 1937 года в Экспозитуру-II, среди мусаватистских лидеров указан Х. Хасмамедов, а не М.Б. Мамедзаде.³⁶⁵

На самом деле по инициативе М.Э. Расулзаде было решено в составе Загранбюро оставить вакантными два места на тот случай, если его бывшие соратники изменят свою позицию и изъявят желание вернуться в ряды партии. Но все же думается, что на Варшавской конференции членом Загранбюро партии был избран именно М.Б. Мамедзаде.

Это подтверждается, в том числе, и архивным документом, на который ссылается С. Исхаков. Так, в этом документе имя Мирза Бала стоит под №20.³⁶⁶ Помимо этого, в другом документе, направленном М.Э. Расулзаде 10 августа 1937 года в Экспозитуру-II, М.Б. Мамедзаде также указан членом Дивана партии.³⁶⁷ И вообще, после окончательного разрыва в начале 1934 года ни сам Х. Хасмамедов, ни члены его группировки не входили в состав руководящих органов «Мусавата».

³⁶³ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 123.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Из истории азербайджанской эмиграции. С. 250.

³⁶⁶ Там же. С. 252.

³⁶⁷ Там же. С. 257.

Таким образом, принятые конференцией решения, в частности, «Основы новой программы» партии, вновь показали, что, выступая против интернационализма левых группировок и клерикального космополитизма правых, «Мусават» является главным стержнем национального движения азербайджанских тюрков.

Непримиримость партий клерикализма была весьма актуально, т. к. продолжались попытки раскола кавказской политэмиграции по религиозному принципу. В противовес идее «Азербайджано-горского объединения», продвигаемой правыми азербайджанскими и северокавказскими эмигрантами, часть армянских дашнаков и грузинских национал-демократов летом 1936 года создали т. н. «Армяно-грузинский унион». Эта организация, ставившая своей целью сближение армянских и грузинских правых эмигрантских организаций, была создана при поддержке Италии, и во внешнеполитической сфере ориентировалась на режим Муссолини.³⁶⁸

«Армяно-грузинский унион» имел антитурецкую направленность, отказываясь признать существующие границы Армении и Грузии с Турцией. Это противоречило основополагающему тезису движения «Прометей», согласно которому врагами народов Кавказа являлся лишь Север в лице советской империи. Неудивительно, что М.Э. Расулзаде сразу же выступил против подобных сепаратных грузино-армянских комбинаций, вносящих разлад в единство кавказской политэмиграции.

В частности, Мамед Эмин бей, которого группа «Кавказ» продолжала обвинять в предательстве интересов Турции, 16 июня 1936 года на заседании Совета Конфедерации Кавказа потребовал срочно отреагировать и осудить создание «Армяно-грузинского униона».³⁶⁹ Именно по его настоянию на том

³⁶⁸ Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 157.

³⁶⁹ Протокол заседания Совета Конфедерации Кавказа. 16.06.1936 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 158-159.

же заседании СКК была принята резолюция, в которой «Армяно-грузинский унион» квалифицировался как «сепаратный политический союз», направленный на усиление «взаимной вражды и разлада общекавказского объединения». ³⁷⁰

Добиться принятия этой резолюции СКК было нелегко, поскольку грузинские социал-демократы в СКК крайне острожно относились к «Армяно-грузинскому униону», они не хотели конфликтовать и с Италией, покровительницей этой новоявленной организации. Ведь правительство Грузии в изгнании, возглавляемое грузинскими социал-демократами, в это время предпринимало шаги с целью заручиться поддержкой Италии в деле защиты грузинских интересов на международной конференции в Монтре, где должен был решаться вопрос Проливов, и, следовательно, проблема морской связи Грузии с Европой и внешним миром в целом. Правда, они не могли себе позволить ссориться по этому поводу и с М.Э. Расулзаде, их привилегированным партнером по Брюссельскому пакту Кавказской Конфедерации 1934 года. Но в конечном итоге они вынуждены были согласиться с принятием резолюции СКК, осуждающей создание «Армяно-грузинского униона». ³⁷¹

Колебания грузинских членов движения «Прометей» в отношении «Армяно-грузинского униона» подтверждаются тем фактом, что принятая 16 июня 1936 г. специальная резолюция Совета Кавказской Конфедерации, осуждающая деятельность «Униона», была обнародована лишь в августе того же года после завершения конференции в Монтре. ³⁷²

В целом же, по мере укрепления позиций фашистских режимов в Европе, которые все более активно покровительствовали правым кавказским эмигрантам, центробежные процессы внутри кавказской политэмиграции усиливались.

³⁷⁰ Там же. С. 160.

³⁷¹ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 248.

³⁷² Там же. С. 252.

Ситуация еще больше обострилась после заключения в ноябре 1936 года Антикоминтерновского пакта между Японией и Германией, когда основным партнером Токио и Берлина среди кавказских эмигрантских организаций стала группа «Кавказ». Противостояние с этой группой в предвоенные годы отнимало значительную часть сил и средств прометеевского движения, одним из видных представителей которого по-прежнему являлся М.Э. Расулзаде.

Глава IV.

М.Э. Расулзаде накануне и в период Второй мировой войны (1937—1943)

Во второй половине 30-х годов прошлого столетия правое крыло кавказской эмиграции окончательно перешло под покровительство Германии, Италии и Японии. Это оказало существенное влияние на расстановку сил внутри кавказской эмиграции, способствуя усилению позиций правого крыла и наоборот, ослаблению прометеевского движения, многие представители которого также стремились установить контакты с представителями стран оси, и в первую очередь, с Германией. Притягательность этих режимов для кавказской эмиграции объяснялась не только их растущей мощью, но и яростной антисоветской риторикой лидеров этих стран.

Взоры представителей азербайджанской политэмиграции правого толка — Х. Хасмамедов, Ш. Рустамбейли, Н. Шейхзаманлы, Ф. Амирджан и др., — все чаще обращались к Берлину, Риму и Токио. В немалой степени это было следствием идеологических предпочтений представителей правой азербайджанской политэмиграции, придерживающихся радикально националистических позиций. Участие в будущей войне на стороне Германии они рассматривали как последнюю возможность восстановления утраченной независимости Азербайджана. Многочисленные архивные документы свидетельствуют о том, что Х. Султанов³⁷³, Х. Хасмамедов, Н.

³⁷³ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 44.

Шейхзаманлы активно сотрудничали с немецкой разведкой, получая от нее финансовые средства.³⁷⁴

Между тем, несмотря на значительные изменения на международной арене в пользу стран оси, М.Э. Расулзаде и другие прометеевцы по-прежнему планировали в антисоветской борьбе опираться в основном на морально-политическую и материальную поддержку европейских демократических государств, и в первую очередь, Польши. По их мнению, именно эти государства должны были стать главной базой деятельности азербайджанской политэмиграции в борьбе за восстановление независимости Азербайджана.

Немаловажное значение в подобном выборе имело то обстоятельство, что многие эмигрировавшие за границу после падения АДР в апреле 1920 года офицеры-азербайджанцы служили в польской армии, часть из них работала в Генштабе. Кроме того, азербайджанские эмигранты поддерживали связь со своими сторонниками в Азербайджане с помощью польских спецслужб. Учитывая, что поляки усиленно готовились к войне, азербайджанские эмигранты жили в ожидании того, чтобы выступить вместе с польской армией против СССР.

Таким образом, правые азербайджанские эмигранты и сторонники М.Э. Расулзаде, входившие в прометеевское движение, в борьбе за национальное освобождение опирались на конкурирующие между собой внешние силы. На этой почве между ними шла настоящая пропагандистская война. Ситуация осложнялась и тем, что М.Э. Расулзаде приходилось отбиваться от нападков не только правых эмигрантов, но и некоторых своих бывших соратников по партии «Мусават».

В данном случае речь идет о М. Мехтиеве и М. Векилли, которые поддерживали контакты не только с поляками, но и с немцами и турками. Судя по всему, со стороны последних им

³⁷⁴ Qasımlı M. Azərbaycan türklərinin milli mücadele tarixi. S. 642.

были даны определенные авансы. Поэтому они начали бунтовать, желая играть более самостоятельную роль в эмигрантском движении. Тем более что их германские и турецкие друзья постоянно твердили им о предстоящих больших событиях, подразумевая под этим надвигающуюся войну Германии с СССР, которая по всем расчетам должна была актуализировать идею независимости Кавказа.³⁷⁵ Все это и подтолкнуло М. Векилли и М. Мехтиева к открытому выступлению против М.Э. Расулзаде. При этом главной мишенью ими были варианты решения Варшавской конференции «Мусавата».

Принятие новых программных документов партии «Мусават» на Варшавской конференции 1936 года стало доказательством ее способности адаптироваться к меняющимся условиям и перестраиваться в соответствии с требованиями времени. Эти решения были одобрены и поддержаны подавляющим большинством местных организаций и рядовых членов партии. Вместе с тем, некоторые положения новой программы были в штыки встречены недоброжелателями партии, и спровоцировали новую волну критики с их стороны.

Здесь особо выделялся М. Векилли, который сначала стремился поставить под сомнение правомочность проведения Варшавской конференции. Но когда эти его попытки потерпели фиаско, он переключился на дискредитацию партийных документов, принятых на конференции. В частности, он начал усиленную кампанию против некоторых тезисов новой партийной программы.

Причем критика М. Векилли носила откровенно некорректный и спекулятивный характер. Так, он утверждал, что новая программа «Мусават» не признает принцип частной собственности и ратует за ее уничтожение.³⁷⁶ Действительно,

³⁷⁵ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 83.

³⁷⁶ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 80. Л. 7.

новая экономическая программа партии базировалась на принципах этатизма, предусматривающих жесткое государственное регулирование экономики. Принципы этатизма в то время с успехом внедрялись в Турции президентом К. Ататюрком. С другой стороны, выбор этатизма, ставящего своей целью создание реальных возможностей для гармоничного развития личности и государства, исходил из принципа национального солидаризма, провозглашенного на Варшавской конференции основой политики «Мусавата» в социальной сфере.

Исходя из принципов этатизма, новая программа «Мусавата» предусматривала передачу всех крупных промышленных предприятий, национализированных советской властью, под управление государства. Однако это вовсе не означало уничтожение частной собственности, как об этом твердил М. Векилли, поскольку, за исключением крупной индустрии, партия без всяких ограничений признавала существование частной собственности во всех других сферах экономики. В частности, новая партийная программа предусматривала денационализацию мелкой промышленности и восстановление индивидуальных крестьянских хозяйств. К тому же земля должна была перейти в частную собственность обрабатывающих ее землевладельцев.³⁷⁷

Нелепость и несостоятельность утверждений М. Векилли была столь очевидной, что ему не удалось заручиться сколько-нибудь серьезной поддержкой мусаватистов. Даже М. Мехтиев накануне проведения Варшавской конференции «Мусават» поддержавший М. Векилли, затем, быстро разобравшись в его меркантильных намерениях, решил дистанцироваться от него.

Следует отметить, что по сравнению с М. Векилли, М.Э. Расулзаде высоко оценивал М. Мехтиева как политика

³⁷⁷ Материалы Варшавского съезда «Мусават» // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 214-215.

и человека. Поэтому, настаивая на отстранении М. Векилли от всех руководящих должностей как в партии «Мусават», так и в АНЦ, М.Э. Расулзаде в отношении М. Мехтиева занимал более гибкую позицию. Мусаватский лидер считал, что азербайджанская политэмиграция остро нуждается в опыте и знании таких кадров, как М. Мехтиев, которыми нельзя разбрасываться. Он выражал уверенность в том, что М. Мехтиев еще сможет «преобразовать жизнь азербайджанской организации в соответствии с принципами, выдвинутыми Варшавской конференцией партии». ³⁷⁸

И последующие события подтвердили правоту лидера «Мусавата», поскольку М. Мехтиев отказался от дальнейшего сотрудничества с М. Векилли и от открытой конфронтации с М.Э. Расулзаде. Накануне проведения партийной конференции в письме от 11 июля 1936 года, адресованном Х. Мунши, М. Мехтиев сам открыто предлагал отстранить М.Э. Расулзаде от руководства «Мусават» и Азербайджанским национальным центром. ³⁷⁹ Но примерно через год он уже в категоричной форме отверг аналогичное предложение одного из представителей азербайджанской правой эмиграции А. Амирджанова. ³⁸⁰

В своем письме от 17 мая 1937 года А. Амирджанов предлагал М. Мехтиеву «декларировать о своем разрыве» с М.Э. Расулзаде. А в качестве «вознаграждения» за этот шаг М. Мехтиеву предлагался пост председателя в новом составе Азербайджанского национального центра. Право формирования нового состава АНЦ без участия М.Э. Расулзаде также возлагалось на М. Мехтиев. При этом он мог, исходя из личных соображений, привлечь за пределами Турции в новый национальный центр любого представителя азербайджанской

³⁷⁸ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 80. Л. 7.

³⁷⁹ Из истории азербайджанской эмиграции. С. 178.

³⁸⁰ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 81. Л. 21-23.

эмиграции. А из азербайджанских эмигрантов, обосновавшихся в Турции, А. Амирджанов советовал ему привлечь «лиц, пользующихся доверием турок», в частности, М. Векилли, Х. Хасмамедова, Х. Султанова и М. Гаджизаде. ³⁸¹

К чести М. Мехтиева, несмотря на всю заманчивость и соблазнительность данного предложения, он отказался от него. В ответном письме от 27 мая 1937 года М. Мехтиев, соглашаясь с А. Амирджановым о наличии сложностей и проблем в деятельности азербайджанской политэмиграции, одновременно подчеркивал, что «ответственность и вина за происходящее лежит на нас всех, и мы не можем успокоиться только тем, чтобы взвалить вину на то или иное лицо». Причину же наблюдающихся проблем он видел «в недостатке нашей организованности, неумении поддерживать общую линию и разногласии между нами». ³⁸²

Что же касается предложения о необходимости организации нового национального центра с привлечением в него ряд лиц из Стамбула, то М. Мехтиев рекомендовал А. Амирджанову «не упускать из виду, что национальный центр у нас существует и имеется известная история и традиция его существования». Соглашаясь с А. Амирджановым в том, что необходимо привлечь «всех национально мыслящих элементов» в существующие структуры, М. Мехтиев вместе с тем предупреждал, что «нельзя это осуществлять каждый раз созданием «ад хок» (от латинского *ad hoc* — для данного случая — А. Б.) новой организации только потому, что то или иное лицо нам не нравится или потому, что то или другое лицо в национальном центре не участвует. Это может повести только к новой розни, анархии и новым осложнениям». ³⁸³

³⁸¹ Письмо А. Амирджанова М. Мехтиеву. 17.05.1937 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 232.

³⁸² РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 81. Л. 21.

³⁸³ Там же. Л. 21-22.

В конце письма М. Мехтиев подчеркивал, что «принцип, которым мы всегда руководились и руководимся, это то, что мы никогда не вели борьбу с отдельными личностями, а боролись только за дело и идею». И советовал А. Амирджанову «в национальном деле искать только позитивную сторону работы, так как негативную ее сторону ищут все наши враги. Для того чтобы суметь добиться освобождения маленькой страны, нужно суметь проявить величие и широту».³⁸⁴

Между тем, М. Векилли продолжал свою оппортунистическую деятельность против руководства «Мусават» и АНЦ, на этой почве все больше сближаясь с правыми кругами азербайджанской эмиграции. Ведь неспроста в вышеупомянутом письме А. Амирджанова фамилия М. Векилли вместе с именами руководителей правого крыла азербайджанской эмиграции фигурирует среди фамилий кандидатов в новый «национальный центр», который правые эмигранты пытались сформировать в качестве альтернативы существующему АНЦ под руководством М.Э. Расулзаде.

Учитывая подобную деятельность М. Векилли, создававшую угрозу для единства рядов партии, руководство «Мусавата» вынуждено было принять ответные меры. Так, руководствуясь соответствующим положением о формировании национального центра, оно решило отозвать из состава АНЦ М. Векилли, а также А. Джафароглу, к тому времени также переметнувшегося в стан оппозиции. М.Э. Расулзаде специальным письмом проинформировал об этом секретаря АНЦ А. Атамалибекова, где, в частности, подчеркивалось, что «партия «Мусават» решила произвести изменения в составе делегации, представляющей ее в национальном центре. Ставим вас в известность, что господа Векилли Мустафа и Джафароглу Ахмед отныне Диваном партии лишены звания члена

³⁸⁴ Там же. Л. 22-23.

национального центра и что все решения этой структуры с их участием будут рассматриваться незаконными».³⁸⁵

Говоря об активизации оппозиционных сил внутри азербайджанской эмиграции, необходимо отметить, что она, в значительной степени, стала следствием усиливающейся поддержки оппонентов М.Э. Расулзаде со стороны группы «Кавказ». Правая азербайджанская эмиграция тесно координировала свои действия с этой группой и ее руководителем Г. Бамматом. Как подчеркивается в одном из архивных документов, Ш. Рустамбейли и К° имели в Берлине специального представителя при Г. Баммате.³⁸⁶

Впрочем, несмотря на эту поддержку, ни правые азербайджанские эмигранты, ни их новоиспеченный «друг» М. Векилли сами по себе не представляли особой опасности для М.Э. Расулзаде и прометеевского движения. Более серьезной проблемой для партии «Мусават» и АНЦ были нападки со стороны представителей группы «Кавказ», которая с лета 1937 г. щедро финансировалась как японской разведкой, так и германским Абвером.³⁸⁷ В результате японо-германской поддержки эта организация, руководимая Бамматом, оказалась в состоянии бросить серьезный вызов движению «Прометей».

Во второй половине 30-х гг. XX столетия основным оппонентом М.Э. Расулзаде, как и других прометеевских лидеров, внутри кавказской эмиграции был лидер группы «Кавказ» Гайдар Баммат. Наблюдаемое в этот период противостояние между М.Э. Расулзаде и его соратниками по прометеевскому движению, с одной стороны, и Г. Бамматом и его группой «Кавказ», с другой, было столкновением двух диаметрально

³⁸⁵ Письмо М.Э. Расулзаде А. Атамалибекову. 06.10.1937 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 279.

³⁸⁶ Из истории азербайджанской эмиграции. С. 288.

³⁸⁷ Мамулиа Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 306-309.

противоположных концепций и мировоззрений относительно будущего Кавказа.

Безусловно, и М.Э. Расулзаде, и Г. Баммат являлись убежденными сторонниками независимости Кавказа и освобождения региона от большевистской оккупации. Но этим сходство между ними заканчивалось, и начиналась длинная череда расхождений. Причем, эти расхождения были продиктованы не только тем, что М.Э. Расулзаде пытался добиться освобождения Кавказа при поддержке демократических государств Европы, а Г. Баммат опирался на страны оси в лице Германии, Италии и Японии. Различие во внешнеполитических ориентациях было не причиной, а лишь следствием глубокого расхождения их политических и идеологических воззрений.

Дело в том, что они по-разному видели будущее независимого Кавказа. Для М.Э. Расулзаде национальная независимость была не самоцелью, а способом создания соответствующих условий для раскрепощения и развития творческого потенциала кавказских народов. При этом М.Э. Расулзаде никогда не скрывал, что будущее Азербайджана он видит не в стороне, а в русле общемировых тенденций развития. Он был горячим сторонником утверждения в Азербайджане и на всем Кавказе европейских ценностей, в том числе ее универсальных демократических принципов. В этом отношении М.Э. Расулзаде стремился к тому, чтобы добившийся независимости Азербайджан стал частью европейской цивилизации.

Однако Г. Баммат вкладывал в идею кавказской независимости принципиально иное содержание. Как подчеркивалось им на страницах журнала «Кавказ», «хотим мы кавказцы того или нет, мы принадлежим к народам передней Азии. Принадлежим географически, исторически и культурно, как бы последнее обстоятельство не было неприятно нашим, немного смешным в своем примитивном «западничестве»

политическим противникам. Не нужно быть пророком — достаточно внимательно следить за совершающейся на наших глазах эволюцией — чтобы предсказать, что кратковременному, всего в сто лет, отрыву Кавказа от восточной стихии настанет конец. Наши народы возвращаются в свое естественное историческое русло». ³⁸⁸

В этой связи неудивительно, что ислам и его ценности составляли основу мировоззренческих взглядов Г. Баммата. Даже проповедуемый им национализм был окрашен в зеленые цвета ислама. Неслучайно, что он ратовал за «религиозное утверждение национального начала» среди кавказских народов. ³⁸⁹ А после Второй мировой войны Г. Баммат, окончательно разочаровавшись в политике, полностью сосредоточился на изучении и пропаганде ислама, считая эту религию единственным спасением народов Северного Кавказа.

В отличие от Г. Баммата, М.Э. Расулзаде не идеализировал Восток, а наоборот, жестко критиковал его «за косность нравов, губительность предрассудков, схоластическое суждение квазиученых, ханжество и мракобесие». Одновременно он призывал азербайджанских тюрок «проснуться от вековой спячки, приобщиться к современной науке и общемировой культуре и идти вперед», чтобы «приноровиться к прогрессивному шествию общечеловеческой цивилизации». ³⁹⁰ При этом М.Э. Расулзаде не ограничивался только рамками Азербайджана, ратуя за «радикальную европеизацию всего Востока». ³⁹¹

³⁸⁸ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 327-328.

³⁸⁹ Там же. С. 104.

³⁹⁰ *Расулзаде М.Э.* Современная литература Азербайджана. Доклад, прочитанный 17 января 1936 г. в Париже // *Расулзаде Мамед Эмин.* Сборник произведений и писем. С. 172, 176.

³⁹¹ *Расулзаде М.Э.* Турция и Европа // Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века). С. 34.

Таким образом, при всем внешнем сходстве конечных целей этих двух, несомненно, талантливых личностей, все же приходится констатировать, что взоры М.Э. Расулзаде были обращены в будущее, а Г. Баммата — в прошлое. По сути, Г. Баммат пытался воскресить прошлое. Кроме того, руководствуясь известным принципом Макиавелли — цель оправдывает средства, он не брезговал ничем для реализации своих планов, что создавало серьезные проблемы для единства кавказской эмиграции.

Уже в первом номере журнала «Кавказ» Г. Баммат утверждал, что «горцы Кавказа не могут питать особого доверия к кавказскому патриотизму политических партий, родившихся в дореволюционном подполье». ³⁹² В этом заключалась причина его недоверия к кавказским партиям, сгруппировавшимся в прометеевском движении, которые в своем подавляющем большинстве находились у власти в 1918—1921 гг. в независимых республиках Кавказа. Игнорируя все объективные обстоятельства и тогдашнюю геополитическую ситуацию в регионе, Г. Баммат считал именно эти партии, и в первую очередь грузинских социал-демократов и «Мусават», главными виновниками повторной оккупации Кавказа большевиками.

Впрочем, Г. Баммат получал достойную отповедь со стороны М.Э. Расулзаде на все свои измышления, которые из номера в номер появлялись на страницах «Кавказа». Мамед Эмин бей не мог оставить без внимания и его попытки выпячивания религиозного фактора в освободительной борьбе кавказских народов.

В специальной статье, напечатанной в январском номере (1937 г.) журнала «Kurtuluş», М.Э. Расулзаде, отвечая на обвинения Г. Баммата, напоминал, что в 1918—1920 гг. «Азербайджанская Республика, будучи сама в положении первичной

³⁹² Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 51.

государственной формации, не жалела никаких моральных и материальных усилий для того, чтобы сделать образование Северокавказской Республики реальным». ³⁹³ Продолжая далее свою мысль, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что наличие «тесных братских взаимоотношений и духовных связей» между азербайджанскими тюрками и северокавказскими народами еще не дает повода представителям группы «Кавказ» обосновать «Кавказскую Конфедерацию только на этом двустороннем взаимоотношении, выдвинув лозунг: сперва мусульмане, потом христиане». ³⁹⁴

Подчеркивая недопустимость подобного подхода Г. Баммата и его единомышленников к идее Кавказской Конфедерации, М.Э. Расулзаде пишет: «Такая тактика вредна общему делу и льет воду на мельницу врагов кавказского дела. Она подобна тактике «Армяно-грузинского униона», которая основывалась на началах христианской взаимности. Не в действительных интересах тюрков и мусульман видеть Кавказ разделенным на два противоположных сектора по религиозному признаку. Результат такого разделения, коротко говоря, выразится или в дальнейшем пребывании России на Кавказе, или же в новом завоевании его той же Россией». ³⁹⁵

Хотя акцент на религиозном факторе группы «Кавказ», где привилегированное положение занимали правые северокавказские эмигранты, был вполне объясним. В условиях Северного Кавказа упор на сугубо национальный фактор, как это делали грузины и азербайджанские тюрки, мог спровоцировать непреодолимые конфликты между многочисленными этническими общностями, населяющими этот регион. Поэтому, учитывая данное обстоятельство, а также

³⁹³ Программная статья Мамед Эмин бей Расулзаде // Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века). С. 416.

³⁹⁴ Там же. С. 417.

³⁹⁵ Там же.

отсутствие традиций совместной государственности, руководители группы «Кавказ», в определенной степени, вынуждены были считать «ислам единственным средством, способным в будущем сцементировать политическое единство народов Северного Кавказа»³⁹⁶ В этом смысле ислам казался им эффективным средством нивелирования существующих на Северном Кавказе этнических различий.

В пылу полемики с лидерами прометеевского движения Г. Баммат иногда доходил до полнейшего абсурда. Так, на страницах журнала «Кавказ» он всерьез заявлял, что мусаватисты являются «бывшими социал-демократами-большевиками и нынешними пособниками советского правительства (!?)».³⁹⁷ Правда, главным пропагандистским козырем правой эмиграции в борьбе с М.Э. Расулзаде и партией «Мусават» был отнюдь не этот аргумент. И сам Г. Баммат, и азербайджанские правые эмигранты, которым он с большой охотой представлял страницы «Кавказа», из номера в номер твердили, что М.Э. Расулзаде и «Мусават» якобы отреклись от идей тюркизма и недооценивают роль и возможности Турции в освобождении Кавказа.

Неслучайно, что в одной из своих статей в журнале «Кавказ» Г. Баммат подчеркивал, что «в 1919—20 гг., когда хозяевами политического положения на Кавказе оказались враждебные Турции европейские державы, мусаватское правительство Азербайджана «ориентировалось» на Англию». По его словам, тогда лишь «Россия протянула руку помощи турецкому освободительному движению».³⁹⁸

При этом Г. Баммата несколько не смущал тот факт, что он занимается распространением дезинформации. Ведь подобные обвинения не имели ничего общего с реальностью,

³⁹⁶ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 104.

³⁹⁷ Из истории азербайджанской эмиграции. С. 241-242.

³⁹⁸ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 374.

что подтверждается и многочисленными признаниями турецких представителей. Как в этой связи справедливо отмечал известный турецкий журналист и общественно-политический деятель Мухиддин Бирген, в деле поддержки турецкого освободительного движения мусаватское правительство проявило больше мужества и самостоятельности, чем султанское правительство и стамбульская интеллигенция. Во-первых, оно оказывало гостеприимство всем туркам, бежавшим от преследования англичан в Азербайджан. Во-вторых, узнав о действительной нужде турецкого национального движения, оно послало анкарскому правительству денежную помощь. И эта сумма была получена в Анкаре, о чем свидетельствует «соответствующая квитанция, находящаяся в руках ответственных представителей азербайджанской эмиграции».³⁹⁹ Поэтому для М. Биргена «несомненным фактом являлось то, что мусаватское правительство во всех случаях дружески относилось к анатолийскому движению.

Что же касается «англофильства» «Мусавата», то, по мнению М. Биргена, в тот период оно было вполне оправданным. Как отмечал М. Бирген, всякое национальное правительство, ответственное за судьбы своего народа, поступило бы так, как тогда поступило мусаватское правительство по отношению Англии, заменившей турок и немцев на Южном Кавказе.⁴⁰⁰

Очевидно, что, распространяя подобные измышления, Г. Баммат и его единомышленники пытались позиционировать себя перед турецкими властями качественно наиболее искренними и верными союзниками Турции среди кавказской политэмиграции. А заодно они стремились усилить

³⁹⁹ Азерттекин Али. Турецкий деятель об Азербайджане // Şimali Kafkasya - Северный Кавказ. 1937. №42-43. С. 38.

⁴⁰⁰ Там же.

недоверие турецкого правительства к М.Э. Расулзаде и другим азербайджанским эмигрантам прометеевского движения.

Однако в то время в правящих кругах Турции, мягко говоря, с пессимизмом относились к возможности освобождения кавказских народов от русской оккупации. Этой точки зрения придерживались даже, в целом, симпатизировавшие освободительному движению кавказских народов турецкие деятели. Наглядным примером тому являются статьи вышеупомянутого М. Биргена, опубликованные в 1937 году в газете «*Son Posta*», в которых он оценивает действия турецких представителей в Азербайджане в 1918—1920 гг.

В этих статьях М. Бирген открыто говорит о «непристойной роли» некоторых турецких офицеров в свержении мусаватского правительства. В частности, он обвиняет турецких представителей «в трех грехах: во-первых, во вмешательстве во внутренние дела Азербайджана; во-вторых, в самозваном вмешательстве во взаимоотношения Азербайджана и Турции; в-третьих, в провоцировании всех оппозиционных партий Азербайджана с целью достижения политической изоляции партии «Мусават». ⁴⁰¹ По словам М. Биргена, «когда союзная с Халил пашой красная армия наступала на Баку, наши с револьверами в руках, полученными ими от мусаватского правительства, убивали своих благодетелей мусаватистов». ⁴⁰²

М. Бирген заканчивает статью следующими словами: «В качестве турецкого интеллигента, я, желая выполнить моральный долг турка перед азербайджанцами, решил, прежде, чем умереть, обо всем этом рассказать публично. История должна знать все. Одновременно с этим я от имени турецкого национализма приношу азербайджанцам глубокое

⁴⁰¹ Там же. С. 37-38.

⁴⁰² Там же. С. 38.

соболезнование и публично прошу у них прощения за те страдания, которые они испытывают благодаря нашим ком-патриотам». ⁴⁰³

Несмотря на эти искренние слова, выводы, сделанные М. Биргеном, были довольно обескураживающими. Имея в виду Азербайджан, он заявляет, что «эти области в наш век еще не созревшие к самостоятельной национальной жизни, в конечном счете, обречены считаться собственностью того, кто им дает самостоятельность, и, следовательно, им не избавиться от его влияния и господства». ⁴⁰⁴ Поэтому ему «представляется наиболее разумным, чтобы турки склонились перед реальными фактами истории и стремились в условиях этой реальности к обеспечению себе лучшего бытия». ⁴⁰⁵ Более того, М. Бирген выражает уверенность в том, что если Москва «предоставит азербайджанским тюркам возможность развития их национальной культуры, этого будет достаточно для устранения оппозиции». ⁴⁰⁶

Если перевести эти витиеватые фразы на нормальный язык, то они означают, что азербайджанские турки, смирившись с историческими реалиями, должны отказаться от всяких притязаний на национальную независимость. В то время подобное мнение господствовало и в турецких правящих кругах, которые, исходя из этого постулата, в любом освободительном движении кавказских народов видели «происки врагов» Турции, стремящихся испортить турецко-советские отношения.

К тому же, по мере усиления угрозы развязывания новой мировой войны, большевистский режим, чтобы обезопасить

⁴⁰³ Азертекин Али. Турецкий деятель об Азербайджане // *Şimali Kafkasya* - Северный Кавказ. 1937. №42-43. С. 38.

⁴⁰⁴ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 365.

⁴⁰⁵ Там же. С. 365-366.

⁴⁰⁶ Там же. С. 362.

свои южные границы от любых неожиданностей, все настойчивее требовал от Анкары прекращения деятельности эмигрантских организаций на турецкой территории. И, как следовало ожидать, первый удар турецких властей был нанесен по представителям прометеевского движения в этой стране.

Судя по рассекреченным документам советской разведки, после отъезда из Стамбула в 1937 году советника посольства Польши К. Дубича на турецкой территории работа «Прометей» была фактически приостановлена. Учитывая, что турецкие власти чинили всевозможные препятствия деятельности прометеевцев, было решено перебросить их в другую страну.⁴⁰⁷

Аналогичной оказалась и судьба организации «Кавказ» на территории Турции. Хотя Г. Баммат прилагал немало усилий, чтобы добиться более или менее приемлемых условий для деятельности там группы «Кавказ». И поначалу казалось, что членам «Кавказа» удастся сохранить хоть какую-то свободу действий. В начале 1937 года даже увидело свет турецкое издание журнала «Кавказ» под названием «Kafkas almanâğı». Читательскую аудиторию данного издания составляли проживающие в Турции северокавказские и азербайджанские эмигранты. Но уже 9 мая 1937 года, как сообщало Анатолийское телеграфное агентство, на издание «Kafkas almanâğı», «выпущенное в целях омрачения дружеских отношений, существующих между Турецкой республикой и СССР», турецкими властями был наложен запрет.⁴⁰⁸

Правда, весной 1938 года в Стамбуле, взамен запрещенного «Kafkas almanâğı», на турецком языке стало выходить новое издание организации «Кавказ» — альманах «Kafdağı».⁴⁰⁹ Но турецкие власти сразу же арестовали редактора этого

⁴⁰⁷ Секреты польской разведки. Сборник документов (1935-1945). М., 2009. С. 144.

⁴⁰⁸ Кавказ. 1937. №5 (41). С. 38.

⁴⁰⁹ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 311.

альманаха — молодого азербайджанского журналиста Фуада Амирджана, пишущего под псевдонимом Ф. Дарьял. И уже в середине сентября над Ф. Амирджаном был устроен суд.⁴¹⁰

6 сентября 1938 года решением преемника К. Ататюрка на президентском посту — Исмета Иненю, руководитель турецкого отделения группы «Кавказ» А. Кантемир, а также его сподвижники были лишены турецкого гражданства и депортированы из страны.⁴¹¹ В декрете турецкого правительства по этому поводу подчеркивалось, что подобный шаг был обусловлен их принадлежностью к «революционной и разведывательной организации, направленной против одной дружественной державы».⁴¹²

Таким образом, потерпели фиаско отчаянные попытки Г. Баммата с помощью тактики «разоблачения антитурецкой деятельности» прометеевских лидеров добиться расположения Анкары, и убедить ее в дружественном отношении группы «Кавказ» к Турции. Такими же далекими от реальности оказались и его утверждения о том, что дружба между Анкарой и Москвой является «случайным и временным эпизодом»⁴¹³, и в конечном итоге, Турция будет на стороне «борцов за кавказскую независимость».⁴¹⁴ Указанные события наглядно продемонстрировали, что Турция не собирается жертвовать своими национальными интересами ни ради прометеевского движения, ни ради организации «Кавказ».

Одновременно с выдворением за пределы страны представителей кавказской политэмиграции турецкие власти предпринимали энергичные меры с целью недопущения ввоза в страну эмигрантской литературы,

⁴¹⁰ Кавказ. 1938. №10 (58). С. 30.

⁴¹¹ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 318-319.

⁴¹² Кавказ. 1938. №10 (58). С. 29.

⁴¹³ Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». С. 279.

⁴¹⁴ Там же. С. 242.

издающейся в европейских странах. Причем решения по этому поводу принимались на самом высшем уровне президентом К. Ататюрком. Так, согласно распоряжению К. Ататюрка от 2 ноября 1937 года, был запрещен ввоз и продажа в Турции журнала «Накикат», который издавался в Берлине под руководством М.Э. Расулзаде. Основанием для принятия подобного решения послужило то, что данный журнал содержал вредные, по мнению турецких властей, материалы.⁴¹⁵

По этой же причине 26 ноября 1938 года, т. е. всего за две недели до своей кончины, К. Ататюрк своим распоряжением запретил ввоз в Турцию книги М.Э. Расулзаде — «Азербайджан», изданной в том же году в Варшаве.⁴¹⁶ И это несмотря на то, что данная книга, написанная М.Э. Расулзаде для ознакомления широких слоев польской общественности с азербайджанской проблемой, была издана на польском языке. В этом отношении она вряд ли представляла серьезную угрозу для национальной безопасности Турции, поскольку в этой стране количество лиц, владеющих польским языком, можно было пересчитать по пальцам.

Думается, что данный факт является показателем негативного отношения турецкого руководства к М.Э. Расулзаде. И в формировании подобного отношения турецких властей к М.Э. Расулзаде немалую роль сыграли правые азербайджанские эмигранты. Проживая на постоянной основе в Турции, они пользовались значительным доверием местных властей, особенно по сравнению с прометеевцами. И, пользуясь своим положением, правые эмигранты регулярно

⁴¹⁵ Распоряжение президента Турецкой Республики К. Ататюрка о запрещении ввоза в Турцию журнала «Хакикат».02.10.1937 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 282.

⁴¹⁶ Распоряжение К. Ататюрка о запрещении ввоза и распространения в Турции книги М.Э. Расулзаде «Азербайджан», изданной в Польше. 22.10.1938 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 291.

дезинформировали турецкие политические круги относительно истинных намерений М.Э. Расулзаде.

Однако, несмотря на все эти, мягко говоря, недружественные действия Анкары, М.Э. Расулзаде всегда оставался искренним другом Турции. Он ни на минуту не забывал о том, что, невзирая на преходящие трудности и проблемы в двусторонних отношениях, именно Турция является единственным и наиболее надежным союзником азербайджанских тюрков в борьбе за восстановление своей утерянной государственной независимости.

Свидетельством тому является статья, написанная М.Э. Расулзаде в конце 1938 года в связи с кончиной К. Ататюрка. Как известно, именно по распоряжению К. Ататюрка неоднократно закрывались печатные органы азербайджанской эмиграции, издаваемые в Турции М.Э. Расулзаде. По его же указанию он был депортирован из этой страны. Тем не менее, не опускаясь до уровня личных обид и претензий, М.Э. Расулзаде отдал должное величайшей личности Ататюрка не только в истории Турции, но и всего тюркского мира.

При всех различиях между ними и теми условиями, в которых им приходилось действовать, по большому счету, К. Ататюрк и М.Э. Расулзаде были единомышленниками. И Расулзаде, и Ататюрк выступали за создание светского и современного государства европейского типа. Что же касается наблюдаемых в их отношениях проблем и недоразумений, то они вполне объяснимы. Ведь каждый из них был патриотом своей родины, и каждый из них в своей деятельности старался придерживаться национальных интересов собственной страны. Между тем, даже у братских народов эти интересы отнюдь не всегда и не во всем совпадают. Поэтому временами отдельные действия каждого из них воспринимались противоположной стороной с предубеждением и подозрительностью. Хотя и К. Ататюрк, и М.Э. Расулзаде решали одну

и ту же задачу — «поднять отсталую страну до уровня современной цивилизации». ⁴¹⁷

В деятельности К. Ататюрка Мамед Эмин бею импонировал, прежде всего, то, что именно под его руководством «бедная, разоренная крестьянская Анатолия заставила победоносную Антанту, которая безапелляционно распоряжалась судьбами всего мира, пересмотреть свое решение». ⁴¹⁸ Характеризуя идеологию кемализма, М.Э. Расулзаде пишет: «Это национальный революционизм, ставящей себе целью догнать европейские народы в достижении общечеловеческой цивилизации». ⁴¹⁹

При этом М.Э. Расулзаде делает особый акцент на то обстоятельство, что новая Турция под руководством К. Ататюрка, рожденная в смертельной борьбе с европейскими державами, не побоялась выбрать европейский путь развития. И это, по мнению М.Э. Расулзаде, являлось одним из проявлений гения К. Ататюрка: «Его чудо заключается в том, что, начиная войной против Европы, он кончил европеизацией Турции; опираясь на политическую дружбу Советов во внешней политике, внутри подавлял коммунизм; нанося удары по идеологии панисламизма и пантюркизма, он, правильной постановкой национально-освободительной борьбы, завоевал на Востоке для новой Турции симпатии всех, и снискал гораздо большее уважение в тюркско-мусульманском мире, чем это имел Стамбульский Сарай». ⁴²⁰

Следует отметить, что в конце 30-х гг. статьи и лекции М.Э. Расулзаде, посвященные азербайджанской проблеме, привлекали пристальное внимание научных и

⁴¹⁷ Расулзаде М.Э. К кончине Кемаля Ататюрка // *Şimali Kafkasya* - Северный Кавказ. 1938. №55-56. С. 19.

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ Там же. С. 21.

⁴²⁰ Там же. С. 21.

политических элит Европы. Так, 21 мая 1937 года в уважаемом клубе Высшей школы Гумбольдта в Берлине собрались более 200 представителей науки, прессы и общественно-политических кругов Германии, чтобы послушать доклад М.Э. Расулзаде на тему «Азербайджанский вопрос». ⁴²¹ В зале также присутствовали представители эмиграций — Туркестана, Кавказа, Идель-Урала и других поработанных народов советской империи. Председательствовавший на мероприятии известный немецкий востоковед-тюрколог Готхард Яшке представил М.Э. Расулзаде публике «как видного деятеля не только Азербайджана, но и всего тюрко-мусульманского мира». ⁴²²

Полтора часовой доклад Мамед Эмин бея охватил все важнейшие этапы азербайджанского вопроса. При этом докладчик особо остановился на современной части проблемы, подробно проанализировав «отношение поработанных народов к мировой антибольшевистской борьбе». Указав на то, что исторические процессы XIX столетия привели к раскрепощению европейских наций, он выразил убежденность в том, что «час освобождения неизбежно настанет и для народов, ныне поработанных Россией». ⁴²³

М.Э. Расулзаде завершил свой доклад следующими словами: «С верой в конечное торжество своих идеалов, азербайджанский народ в союзе со своими вековыми соседями — народами Кавказа, высоко держит знамя борьбы, на котором начертано: «Национальная честь, свобода и независимость». ⁴²⁴

Затем профессор Г. Яшке с сожалением отметил, что германское общественное мнение мало осведомлено в нюансах

⁴²¹ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. С. 11.

⁴²² Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польшу (30-е годы XX века). С. 444.

⁴²³ Там же. С. 445.

⁴²⁴ Там же.

национальной проблемы в СССР, и зачастую не осознает, что Россия — это не единый народ, а конгломерат народов, добивающихся осуществления своих законных прав на свободную и независимую жизнь.⁴²⁵

В крупных изданиях как столичной, так и провинциальной германской печати появились статьи и заметки, посвященные выступлению М.Э. Расулзаде в клубе Высшей школы Гумбольдта. В них выражались большие симпатии в адрес «кавказских народов, самоотверженно борющихся против кровавого режима большевистской диктатуры».⁴²⁶ Судя по отзывам немецкой прессы, доклад М.Э. Расулзаде произвел сильное впечатление и способствовал актуализации азербайджанской проблемы.

Тем временем, растущая привлекательность стран оси и усиление их влияния на кавказских эмигрантов подталкивали польских кураторов в срочном порядке приступить к реорганизации прометеевского движения как в идеологическом, так и в организационном плане. Они были всерьез встревожены тем фактом, что Берлин открыто давал «возможность консолидироваться у себя тем частям прометеевской эмиграции, которые находились в оппозиции по отношению к центрам, сотрудничающим с Варшавой».⁴²⁷ Это способствовало постепенному оттоку некоторых бывших подопечных Варшавы в сторону орбиты притяжения Берлина, Рима и Токио.

С целью приостановить эту нежелательную для себя тенденцию польские власти летом 1937 года разработали план реорганизации движения «Прометей».⁴²⁸ Считая одним из

⁴²⁵ Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века). С. 445.

⁴²⁶ Там же. С. 445-446.

⁴²⁷ Секреты польской разведки. Сборник документов (1935-1945). С. 210.

⁴²⁸ Там же. С. 201-217.

главных недостатков, присущих прометеевскому движению, отсутствие единых идеологических установок, этот документ предлагал взамен «обанкротившихся левых установок старого поколения»⁴²⁹ выработать новую идеологию движения с упором на национализм.

Как подчеркивалось в программе реорганизации «Прометей», «задача состоит в том, чтобы отвлечь эмигрантскую молодежь от такого рода национализма, представителями которого являются в эмиграции, например, Карумидзе или Баммат, и тем самым сделать прометеевскую молодежь в максимальной степени духовно независимой от германской или итальянской идеологии».⁴³⁰ Чтобы успешно противодействовать этим опасным крайностям, предполагалось пропагандировать среди прометеевцев умеренный национализм в стиле Пилсудского.

Инициаторы реорганизации движения «Прометей» считали, что выбор данного «стиля национализма» поможет избежать «опасных подводных скал в форме националистических перегибов (стиль гитлеризма)»⁴³¹, а также нейтрализовать русофильские тенденции, «возникающие за последнее время в качестве грозных симптомов внутри прометеевской эмиграции на почве лево-фронтных течений».⁴³²

Учитывая, что «прометеизм являлся движением всех без исключения народов, угнетаемых Россией», план реорганизации также признавал право участия в нем «не только народов с выкристаллизовавшимися уже национальными отличиями и ясными стремлениями к независимости, но и тех, у которых только теперь нарождались национальное самосознание и стремление к национальной независимости».

⁴²⁹ Секреты польской разведки. Сборник документов (1935-1945). С. 209.

⁴³⁰ Там же. С. 215.

⁴³¹ Там же.

⁴³² Там же. С. 211.

⁴³³ Таким образом, речь шла об уравнивании в правах всех национальных организаций, участников прометеевского движения как обладавших независимыми государствами (азербайджанские тюрки, грузины, украинцы и т.д.), так и не имевших государственных традиций.

В отличие от грузинских и украинских социал-демократов, усмотревших в предложенных Варшавой нововведениях угрозу своему привилегированному положению в прометеевском движении, азербайджанские мусаватисты, в целом, поддержали план реорганизации «Прометей». Это было продиктовано тем, что планируемая реорганизация давала представителям национальных организаций тюрко-мусульманских народов возможность сыграть более существенную роль в деятельности прометеевского движения.

С другой стороны, предусмотренный программой реорганизации движения отказ от левых установок и переход на идеологию национализма не являлись проблемой для «Мусавата». Тем более что, будучи свободным от сколько-нибудь серьезного влияния социалистических идей, «Мусават» не имел необходимости пересматривать свои идеологические доктрины. Что же касается наличия отдельных элементов левой идеологии в партийной программе, то они были изъяты из нее на Варшавской конференции «Мусавата». Неслучайно, что в плане реорганизации «Прометей» особо подчеркивалась политическая гибкость азербайджанских мусаватистов и их умение адаптироваться к меняющимся реалиям, «ярким доказательством которому является Конгресс мусаватистов в 1936 году». ⁴³⁴

Причем, это было осознанным шагом «Мусавата», продиктованным реалиями жизни. Ведь М.Э. Расулзаде не сомневался в том, что падение коммунистического режима в

⁴³³ Там же. С. 204.

⁴³⁴ Там же. С. 214.

СССР произойдет главным образом под знаменем национального вопроса. И он призывал азербайджанских тюрков основательно подготовиться к этим грядущим событиям. ⁴³⁵

В этой связи в статье, напечатанной в майском (1938 г.) номере журнала «Kurtuluş», М.Э. Расулзаде писал: «Более 20 лет тому назад дух послевоенного времени, способствующий провалу царизма, учитывая важность национального момента, все же придавал социально-интернациональным проблемам первенствующее и решающее значение. Теперь, накануне новой войны, господствующий дух времени выдвигает на первый план именно национальный момент». ⁴³⁶

Против реорганизации «Прометей» выступили грузинские социал-демократы, увидевшие в предложенных нововведениях угрозу своему привилегированному положению в движении. Подобное их поведение вызвало недовольство не только польских кураторов, но и представителей тюрко-мусульманских народов в прометеевском движении. Для обсуждения сложившейся ситуации 7 апреля 1938 года в клубе «Прометей» в Варшаве была организована дискуссия с участием представителей различных национальных эмигрантских организаций, участников прометеевского движения. После разгромного доклада редактора журнала «Wschód» («Восток») профессора В. Бачковского, обвинившего в лице грузинских социал-демократов сторонников II Интернационала в прямой поддержке политики Кремля, слово было предоставлено руководителям отдельных национальных организаций. Лидеры тюрко-мусульманской эмиграции, в частности Аяз Исхаки, подвергли резкой критике грузинских и украинских социалистов, обвинив их в излишней индоктринации и отсутствии патриотизма. Обращает на себя

⁴³⁵ Секреты польской разведки. Сборник документов (1935-1945). С. 214.

⁴³⁶ Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польшу (30-е годы XX века). С. 480.

внимание тот факт, что с наиболее сдержанной критикой в адрес грузинских социал-демократов на этой дискуссии выступил лидер «Мусавата» М.Э. Расулзаде. Это было обусловлено желанием мусаватского лидера не портить отношения со своими традиционными союзниками в прометеевском движении.⁴³⁷

Грузинский исследователь Г. Мамулиа не без основания полагает, что, способствуя усилению позиций тюркских народов в рамках движения «Прометей», Варшава тем самым пыталась наладить отношения с Анкарой и добиться ее согласия на возобновление на турецкой территории деятельности кавказских и туркестанских эмигрантских организаций.⁴³⁸

Проявлением этого курса стало и решение президиума СКК от 5 февраля 1938 года о создании в Стамбуле особого кавказского пункта с целью «налаживания связи с турецкими политическими кругами и регулярного их ознакомления с чаяниями и стремлениями Кавказской Конфедерации».⁴³⁹ Реализация этого решения была возложена на представителей азербайджанской и северокавказской политэмиграции, поскольку они обладали более широкими связями в Турции.

Вопреки противодействию грузинских социалистов, все же удалось достичь консенсуса в вопросе реформирования движения «Прометей», что позволило провести конференцию этой организации, как и планировалось, в начале июня 1938 года в Варшаве. По результатам конференции представители Азербайджана, Северного Кавказа, Грузии, Крыма, Идель-Урала, Туркестана и Украины 5 июня 1938 года подписали «Пакт прометеевского фронта». В нем представители вышеуказанных народов «декларировали необходимость

⁴³⁷ Мамулиа Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 274-275.

⁴³⁸ Мамулиа Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 274.

⁴³⁹ Отчет о деятельности Совета Конфедерации Кавказа и его президиума за период от 20 июля 1935 г. до 1 апреля 1938 г. // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 179.

продолжения совместной борьбы до окончательного их освобождения от московского владычества».⁴⁴⁰

Ради справедливости следует признать, что отнюдь не все нововведения, осуществленные в ходе реформирования прометеевского движения, были приемлемы для кавказской и азербайджанской политэмиграции. В частности, игнорируя протесты кавказской эмиграции, в мае 1938 года Варшава взяла под свой прямой контроль журнал «Прометей», который свыше десяти лет являлся печатным органом сначала КНК, а затем СКК, и в этом смысле «сросся в неразрывное целое с Кавказской Конфедерацией». Поэтому данный поступок Варшавы был расценен как «покушение на престиж Кавказской Конфедерации».⁴⁴¹

Еще более неприятный сюрприз ожидал азербайджанских эмигрантов в ходе выборов нового состава СКК, проведенных в сентябре 1938 года. От Азербайджана в новый состав СКК были выбраны М.Э. Расулзаде, М. Мехтиев, А. Атамалибеков и М. Магеррамов.⁴⁴² По сравнению с предыдущим составом СКК, сформированным в 1935 году, в азербайджанской секции произошло лишь одно изменение: окончательно переметнувшегося на сторону правых М. Векилли заменил А. Атамалибеков.

Между тем, практически полностью обновился состав северокавказских представителей в СКК. Причем, в погоне за максимальное расширение состава участников движения «Прометей», поляки начали привлекать в организацию довольно одиозных личностей. В результате среди северокавказских представителей в СКК оказался небезызвестный

⁴⁴⁰ Пакт прометеевского фронта, подписанный на конференции организаций, входящих в движение «Прометей». 05.06.1938 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 187.

⁴⁴¹ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 315.

⁴⁴² Протокол заседания Совета Конфедерации Кавказа // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 189.

генерал Л. Бичерахов ⁴⁴³, что и стало причиной демарша М.Э. Расулзаде.

Следует отметить, что еще ранней весной 1938 года М.Э. Расулзаде покинул Париж и обосновался в Варшаве. С тех пор он не участвовал в заседаниях СКК. Не было М.Э. Расулзаде и на первом заседании нового состава СКК, состоявшемся 24 сентября 1938 года. Он осознанно бойкотировал и последующие заседания СКК. Скорее всего, в течение длительного времени мусаватский лидер пытался добиться исключения Л. Бичерахова из этой структуры. И когда стало очевидным, что польские кураторы не собираются отказаться от услуг Л. Бичерахова, М.Э. Расулзаде 10 мая 1939 года известил президиум СКК о своем выходе из его состава.

В своем письме по этому поводу М.Э. Расулзаде, в частности, пишет: «После окончательной проверки доходившего до меня в частном и случайном порядке сведения о новом составе членов Совета Кавказской Конфедерации, среди которых, в качестве делегата Северного Кавказа находится и господин генерал Бичерахов, считаю необходимым довести до сведения СКК, что не нахожу возможным для себя считаться членом означенного Совета и нести ответственность за его деятельность». ⁴⁴⁴

Объясняя причины данного шага, М.Э. Расулзаде подчеркивал, что «наше отрицательное отношение к генералу Бичерахову, как политически неприемлемому Азербайджану лицу, было ведомо и горской секции, о чем в ясной и категорической форме была сделана мной декларация в последний раз г-ну Шамилю, перед его выездом из Варшавы в Париж. Одновременно нахожу нужным сообщить, что, в зависимости от обстоятельств, представляемой мною организации

⁴⁴³ Там же. С. 188.

⁴⁴⁴ Письмо М.Э. Расулзаде Президиуму Совета Конфедерации Кавказа о выходе из его состава. 10.05.1939 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 200.

придется также пересмотреть свое отношение к СКК в данном его составе». ⁴⁴⁵

Думается, немалое влияние на принятие Мамед Эмин беем решения о разрыве отношений с СКК оказала и созерцательная позиция, занятая в течение длительного времени польскими кураторами прометеевского движения в отношении конфликта между азербайджанскими и туркестанскими эмигрантами. Подобное поведение поляков отчасти объяснялось их нежеланием втягиваться в распри между различными национальными секциями.

Между тем, начавшийся с небольших трений, конфликт между азербайджанскими и туркестанскими эмигрантами постепенно приобрел довольно внушительные масштабы. Это противостояние достигло своего апогея в 1937 году, когда враждебные выступления журнала «Яш Туркестан» и его редактора М. Чокая против партии «Мусават» стали обычным явлением. Формальным поводом для недовольства туркестанских деятелей послужил якобы отход М.Э. Расулзаде от «ортодоксии пантюркизма» в книге «О пантуруанизме». ⁴⁴⁶

Столь болезненная реакция туркестанских эмигрантов на эту работу М.Э. Расулзаде в какой-то степени была объяснимой. Ведь в отличие от М.Э. Расулзаде и его соратников, для которых идеология пантюркизма была уже давно пройденным этапом, для лидеров туркестанской эмиграции эти идеи представляли гораздо большую значимость. Идеологией пантюркизма они пытались компенсировать такой характерный для туркестанских реалий недостаток, как зачаточное состояние процессов формирования наций в регионе, и, как следствие, низкий уровень национального самосознания народов Туркестана и их готовности к самостоятельному государственному существованию.

⁴⁴⁵ Письмо М.Э. Расулзаде Президиуму Совета Конфедерации Кавказа о выходе из его состава. 10.05.1939 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 200.

⁴⁴⁶ Из истории азербайджанской эмиграции. С. 287.

Различие в подходах азербайджанских и туркестанских лидеров к идеям пантюркизма, несомненно, сыграло определенную роль в охлаждении отношений между ними. Но при этом думается, что основная причина возникшего конфликта была более банальной. И она заключалась в непомерных, и, самое главное, неудовлетворенных амбициях лидеров туркестанской эмиграции, прежде всего, М. Чокаева, о чем свидетельствует и содержание писем последнего.

В частности, в одном из таких писем М. Чокай жалуется на игнорирование мнения туркестанских представителей в прометеевском движении. В этом письме от 2 июня 1938 года, адресованном М. Векилли, М. Чокай пишет: «Мы всегда остаемся в стороне от всей «промеевской политики», и в секреты «промеевской» кухни не посвящены. Мы — всегда перед свершившимися фактами». ⁴⁴⁷

Считая главным виновником подобной ситуации внутри прометеевского движения грузинских социал-демократов, М. Чокай вел активную кампанию против них. Заодно доставалось и мусаватистам, на которых М. Чокай и другие туркестанские представители были обижены за их тесное сотрудничество с грузинами. Они были убеждены в том, что в данном вопросе мусаватисты могли бы оказать более существенную поддержку своим тюркским и мусульманским братьям.

Причем, судя по содержанию данного письма М. Чокаева, в борьбе с мусаватистами в период накануне и после Варшавской конференции «Мусавата», он тесно сотрудничал с М. Векилли и М. Мехтиевым. Не вызывает сомнений, что именно с подачи последних он публиковал в журнале «Яш Туркестан» провокационные материалы в отношении «Мусавата». Неслучайно, что за исключением «Яш Туркестан», практически

⁴⁴⁷ Archives Mustafa Tchokay-Bey. Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales (Paris, France).

все прометеевские издания в той или иной форме осветили работу данной конференции «Мусавата». Хотя редакция «Яш Туркестан» и поместила заметку об этом событии, но подала ее в форме, «окарикатуривающей конференцию». ⁴⁴⁸

Подобные действия журнала «Яш Туркестан» вынудили М.Э. Расулзаде 24 июня 1937 года обратиться с письмом к М. Чокаю, в котором он, в частности, писал: «Состоялась партийная конференция. В первой заметке «Яш Туркестан» тоже речь шла о конференции. Ныне же вы предпочитаете употребить термин «конференция партийной группы». Неужели Вы стали придавать большее значение выступлениям в пресловутом «Кавказе» или переменили свое отношение к авторам этих выступлений? Быть может, Вы хотели печатать слова некоторых шептунов, почему-то не решившихся самим об этом писать?». ⁴⁴⁹

Скорее всего, под «шептунами» М.Э. Расулзаде подразумевал М. Векилли и М. Мехтиева, которые в тот период вели активную кампанию по дискредитации Варшавской конференции, пытаясь доказать нелегитимность ее решений. Правда, вскоре М. Мехтиев отказался от подобной оппортунистической деятельности, о чем свидетельствует и письмо М. Чокаева от 2 июня 1938 года. В нем М. Чокай с сожалением сообщает М. Векилли о том, что М. Мехтиев «примирился и сжился» с существующим положением вещей, хотя «в свое время Мир-Якуб на эту же самую тему говорил в выражениях почти непечатных». И далее М. Чокай подчеркивает, что Варшава и Париж, т. е. М.Э. Расулзаде и М. Мехтиев «теперь, по-видимому, объединились теснее, чем когда бы то ни было». ⁴⁵⁰

⁴⁴⁸ Письмо М.Э. Расулзаде М. Чокаеву. 24.06.1937 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 235.

⁴⁴⁹ Там же. С. 237.

⁴⁵⁰ Archives Mustafa Tchokay-Bey. Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales (Paris, France).

Впрочем, призывы М.Э. Расулзаде к прекращению ненужной полемики, дискредитирующей все прометеевское движение, долгое время игнорировались М. Чокаем и другими туркестанскими эмигрантами. В результате сложилась достаточно парадоксальная ситуация, поскольку туркестанские эмигранты во главе с М. Чокаем, будучи членами «Прометей», с позиции и аргументами оппонировавшей им правой группы «Кавказ» вели открытую борьбу против своих соратников по движению. И это противостояние достигло такого накала, что грузинские социал-демократы даже поставили перед Варшавой вопрос об удалении из прометеевского движения «неустойчивых и ненадежных элементов», и в первую очередь, руководителя туркестанской организации М. Чокая.

⁴⁵¹

Одновременно Диван партии «Мусават», обсудив 2 декабря 1937 года выступления М. Чокая и его сотрудников, «с известного времени проявляющих недружелюбное, а порою и враждебное отношение» к руководству Азербайджанского национального движения и «Мусавата», решил обратиться с последним предупреждением к Туркестанскому национальному объединению. В обращении указывалось на неизбежность разрыва с туркестанской организацией, в силу «уже невыносимого поведения М. Чокаева и его сотрудников по «Яш Туркестан» в отношении Азербайджана».

Лишь после этих демаршей, а также под давлением польской стороны, М. Чокай наконец-то решил прекратить свои деструктивные действия в отношении представителей азербайджанской секции «Прометей». Как признавался он сам в начале июня 1938 года М. Векилли, «я теперь остерегаюсь, не то, что остерегаюсь, а просто избегаю подходить близко к Вашим кавказским вообще, и азербайджанским в частности делам...

⁴⁵¹ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 278.

⁴⁵² РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 81. Л. 32.

я просто боюсь высказывать слово о делах кавказцев и кавказских. Эмин-бей (М.Э. Расулзаде — А. Б.) называет поднятие их вопроса «чистейшей демагогией». Это, конечно, верно».

Все эти проблемы во взаимоотношениях представителей различных национальностей, несомненно, были внешними проявлениями кризисных тенденций в прометеевском движении, усиливающихся по мере укрепления позиций государств оси на международной арене. Это вынуждало М.Э. Расулзаде внести определенные коррективы в свою позицию, чтобы не разделять ответственность за, мягко говоря, неоднозначные решения руководящих структур этой организации. Тем более что в это время в прометеевском движении стали проявляться определенные тенденции конформизма и соглашательства в отношении Германии.

После аншлюса Австрии Германией в марте 1938 года и последующим за этим разделом Чехословакии в сентябре того же года этот процесс принял еще более интенсивный характер, ярким проявлением которого стала резолюция СКК от 17 ноября 1938 года. В этом документе Мюнхенское соглашение, приведшее к расчленению Чехословакии, расценивается «поворотным пунктом и символом» примирения западных держав и укреплением антибольшевистских сил. Авторы резолюции считали, что это соглашение является «поражением Советской России, устранением этой страны из концерта великих европейских держав и ее моральной и дипломатической изоляцией». Более того, фактическое отторжение Судетской области от Чехословакии преподносилось в этом документе как торжество принципа самоопределения народов, «каковой играет столь особенную роль в упорной борьбе за свою независимость подавленных СССР народов».

⁴⁵³ Archives Mustafa Tchokay-Bey. Bibliothèque Interuniversitaire des Langues Orientales (Paris, France).

⁴⁵⁴ Резолюция Совета Конфедерации Кавказа // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 195.

Трудно не согласиться с мнением Г. Мамулиа, который полагает, что текст этой резолюции СКК носил на себе отпечаток пропагандистского тезиса Рейха, неосторожным образом подхваченного и самой Варшавой, со своей стороны воспользовавшейся расчленением Чехословакии для присоединения к себе Тешинского округа.⁴⁵⁵ В этой связи следует отметить, что с лета 1938 года поляки начали зондировать почву относительно возможности сближения с Германией и достижения договоренности с ней.

Подобное политиканство претило М.Э. Расулзаде, и он не желал действовать «по правилам», установленным Варшавой. Для него было совершенно очевидным, что, принимая по подсказке Варшавы подобную резолюцию, члены СКК просто пытались сделать хорошую мину при плохой игре. В отличие от них, М.Э. Расулзаде не собирался выдавать желаемое за действительное, поскольку осознал, что процессы на международной арене развиваются в невыгодном для порабощенных народов СССР направлении.

Правда, в принятой на том же заседании от 17 ноября 1938 года резолюции о тактике СКК подчеркивалось, что данная структура «считает своей очередной задачей искать активной поддержки, прежде всего, у тех держав, которые, так или иначе, заинтересованы в восстановлении независимости Кавказа и вообще в расчленении СССР».⁴⁵⁶

Но проблема заключалась в том, что Кремль являлся неприменным элементом всех планируемых коалиций, инициированных как демократическими странами Европы, так и государствами оси во главе с Германией в преддверии Второй мировой войны. Становилось все более очевидным, что попытки эмигрантов оторвать европейские государства

⁴⁵⁵ Мамулиа Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 271.

⁴⁵⁶ Резолюция Совета Конфедерации Кавказа о тактике. 17.10.1938 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 193-194.

от возможного альянса с Россией и изолировать последнюю на международной арене, терпят поражение. Все это сужало свободу маневра политэмигрантов, приводя к уменьшению надежд на создание мощной антикремлевской коалиции западных держав, способной нанести военное поражение советской империи, которое являлось главным условием восстановления национальной независимости оккупированных большевиками государств Кавказа.

По сути, в этот период каждая из европейских стран была занята исключительно обеспечением своей собственной безопасности перед лицом надвигающейся угрозы военных действий. В такой ситуации западные державы, действующие по принципу — «спасение утопающих — дело рук самих утопающих», меньше всего интересовались проблемы порабощенных народов СССР.

В сложившихся условиях М.Э. Расулзаде сознательно предпочел уйти в тень, поскольку прекрасно осознал, что ни он сам, ни другие лидеры политэмиграции не в силах изменить этот невыгодный для угнетенных большевизмом народов ход развития геополитических процессов. Исходя из этого, примерно с весны 1938 года, М.Э. Расулзаде заметно снизил свою публичную политическую активность, по крайней мере, в руководящих органах прометеевского движения. Вряд ли можно считать случайностью и тот факт, что по времени это совпало с попытками польского руководства наладить отношения с Германией, которые продолжались вплоть до начала лета 1939 года.

Между тем, события на международной арене продолжали развиваться в нежелательном для политэмигрантов направлении, подтверждая самые пессимистические прогнозы. Как известно, прометеевское движение охватывало в основном представителей политэмиграции с либеральными и демократическими взглядами, которые во внешнеполитическом отношении ориентировались на Польшу и страны

западной демократии. В связи с этим сильнейшим ударом для прометеевцев стал тот факт, что Вторая мировая война началась в сентябре 1939 года именно с нападения Германии на Польшу, которое завершилось разделом польских земель между Берлином и Москвой.

Как это ни парадоксально, нападение Германии на Польшу с последовавшим затем разделом этой страны, перечеркнуло надежды не только прометеевцев, но и правых эмигрантов из группы «Кавказ» относительно скорейшего освобождения родины от большевистской оккупации. Ведь Г. Баммат и его соратники были убеждены в том, что целью Германии является не юг или запад Европы, а Россия.⁴⁵⁷ Теперь же оказывалось, что Германия в союзе с Россией захватывает польские земли. Подобный оборот событий окончательно подорвал позиции правой политэмиграции.

Тем временем, оставаясь верными своим принципам, прометеевцы в начавшейся войне взяли сторону Польши и других стран Запада. Они выступили с обращением ко всем представителям нерусских народов СССР с призывом оказать сопротивление германо-советской коалиции. В редакционной статье последнего номера журнала «Ревю де Прометей» (8—9 апреля 1940 г.) им предлагалось не выбирать между чумой и холерой, а взять за пример героическое сопротивление Финляндии.⁴⁵⁸

Аналогичной позиции придерживался и М.Э. Расулзаде, который считал большевизм и национал-социализм двумя сторонами одной медали. Так, в одной из своих статей, написанной еще в 1933 году, М.Э. Расулзаде писал о том, что Гитлер создал национал-социалистическую идеологию по образу и подобию коммунизма, лишь заменив принцип

⁴⁵⁷ Баммат Г. Новые комбинации в центральной Европе // Кавказ. 1939. №4. С.4.

⁴⁵⁸ Абуталыбов Р. Годы и встречи в Париже. С. 68.

интернационализма радикальной формой национализма.⁴⁵⁹ В этом отношении идейное родство двух этих тоталитарных идеологий не вызывало у М.Э. Расулзаде никаких сомнений.

Впрочем, критическое отношение М.Э. Расулзаде к гитлеровской Германии объяснялось не только идеологическими факторами, но и его хорошей информированностью об истинных намерениях нацистской верхушки. Благодаря своим соратникам в Анкаре, Берлине и Варшаве он был осведомлен о том, что, несмотря на всю словесную риторику, немцы, даже в случае победы в войне с СССР, не собираются восстанавливать государственную независимость кавказских народов, в том числе, азербайджанских тюрок. В частности, ему доподлинно было известно, что посетивший Варшаву еще в 1936 году руководитель германской организации «Антикоминтерн» Адольф Эрт, полностью разделяя антибольшевистские взгляды польских представителей, одновременно заявил, что является противником раздела советской империи на национальные государства после падения коммунизма.⁴⁶⁰ Подобной же позиции в то время придерживалось подавляющее большинство нацистской верхушки Германии.

К тому же в случае с Азербайджаном ситуация осложнялась наличием в Баку и его окрестностях огромных нефтяных месторождений, где в начале 40-х гг. добывалось 4/5-х всей добываемой в СССР нефти. На нефтеперерабатывающих же заводах Баку производилось 2/5-х советского бензина и почти весь авиационный бензин.⁴⁶¹ И М.Э. Расулзаде был не столь наивен, чтобы поверить в то, что нацистская верхушка

⁴⁵⁹ *Yağublu N. Müsavat partiyasının tarixi.* Bakı, 1997. S. 209.

⁴⁶⁰ Былинин В., Зданович А., Коротаев В. Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России-СССР // Труды Общества по изучению истории отечественных спецслужб. М., 2007. Т. III. С. 345.

⁴⁶¹ *Conditions et modalités d'une attaque contre les centres pétroliers du Caucase*, 23. 12. 1939, p. 1. Archives du ministère des Affaires étrangères de France (AMAE), Paris, Deuxième guerre 1939-45, papiers 1940, papiers Rochat, dossier n° 36 (URSS), Fol. 66.

согласится на самостоятельное существование столь стратегически значимого региона, как Азербайджан.

По этой причине М.Э. Расулзаде по мере возможности избегал контактов с немецкими представителями, а после оккупации Польши нацистами уехал во Францию. Однако события развивались с такой калейдоскопической быстротой, что вскоре Франция сама столкнулась с реальной угрозой немецкого вторжения. В этой ситуации М.Э. Расулзаде решил перебраться в нейтральную Швейцарию. Правда, по приглашению руководителя польского правительства в изгнании, своего личного друга В. Сикорского через некоторое время он переезжает в Лондон. Однако и здесь долго не задерживается. При появлении первых же симптомов сближения между Лондоном и Москвой после разгрома Франции германскими силами М.Э. Расулзаде осенью 1940 года покидает Британские острова и продолжает свою деятельность в Бухаресте.

Характерно, что из Бухареста М.Э. Расулзаде в течение 1940 года неоднократно обращался к турецкому правительству с просьбой разрешить ему проживание в Стамбуле. Однако Анкара, опасаясь вызвать гнев Кремля, проигнорировала его просьбы.⁴⁶² В результате, именно в румынской столице М.Э. Расулзаде проживает с небольшими перерывами практически до завершения Второй мировой войны.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что аналогичные просьбы других азербайджанских эмигрантов, в частности, наиболее близкого соратника М.Э. Расулзаде — Мирзы Бала Мамедзаде были удовлетворены турецкой стороной. Анкара не только разрешила М.Б. Мамедзаде вернуться в страну, но и стать представителем М.Э. Расулзаде в Турции. А в 1941 году М.Б. Мамедзаде был даже призван в турецкую

⁴⁶² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. - декабрь 1940 г.). М., 1995. С. 272.

армию и служил рядовым солдатом в окрестностях Стамбула.⁴⁶³ Данный факт свидетельствует о том, что отказ М.Э. Расулзаде в предоставлении ему политического убежища на турецкой территории был обусловлен не столько возможной негативной реакцией Кремля, сколько мотивами личного характера.

Тем более что эти опасения не помешали турецким властям в мае 1940 года инициировать создание в Стамбуле филиала Совета Конфедерации Кавказа, в состав которого вошли как бывшие члены движения «Прометей», так и их оппоненты из числа правых эмигрантов, проживавших в Турции. По мнению Г. Мамулия, турки создали данную структуру для того, чтобы лучше контролировать деятельность эмигрантов на своей территории, включив туда надежных, с их точки зрения, людей.⁴⁶⁴ Азербайджан в этой организации представляли Х. Султанов и М. Векилли.⁴⁶⁵

После падения Польши движение «Прометей» хотя и лишилось финансирования, но по инерции в течение какого-то времени продолжало свою деятельность, и даже расширило свои ряды за счет армянских эмигрантов. Так, непосредственно перед военным поражением Франции, 28 мая 1940 года армянские представители, наконец-то отказавшись от своих территориальных притязаний и «признав существующие границы советских республик Армении, Азербайджана и Грузии», присоединились к Совету Конфедерации Кавказа.⁴⁶⁶ Впрочем, в свете происходящих событий в мире значимость данного шага армянской стороны фактически была равна нулю.

⁴⁶³ Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. 3. Германская политика в Турции (1941-1943 гг.). М., 1946. С. 38.

⁴⁶⁴ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 367.

⁴⁶⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Кн. 1. С. 271.

⁴⁶⁶ Протокол собрания Совета Конфедерации Кавказа. 28.05.1940 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 210.

Как бы то ни было, отошедший от активной работы М.Э. Расулзаде не принимал участия в этих процессах. Поэтому на передний план выдвинулись другие члены азербайджанской секции. В частности, текст пакта с армянами, практически идентичный с Брюссельским пактом Конфедерации Кавказа 1934 года, от имени Азербайджанского национального центра подписывал М. Мехтиев.⁴⁶⁷

Однако, как бы ни старался М.Э. Расулзаде самоизолироваться от происходящих событий, ему так и не удалось окончательно избавиться от назойливых предложений тех сил, которые стремились использовать эмигрантов в своих политических целях. В этом отношении особой активностью отличались германские власти, которые еще в мае 1941 года предложили лидеру партии «Мусават» сотрудничество в грядущем германо-советском конфликте. В ответ М.Э. Расулзаде выдвинул следующие условия для подобного сотрудничества:

Еще до освобождения немцами Азербайджана азербайджанские добровольцы должны будут проходить соответствующую военную подготовку под руководством собственных командиров. Азербайджанский комитет будет иметь право на вывод азербайджанцев из лагерей военнопленных.

Будет обеспечена свобода печати для живущих в Германии азербайджанцев.

Все азербайджанцы в Германии будут объединены в единый комитет, имеющий свой бюджет для легиона.

В случае освобождения немцами Азербайджана, последний получит свободу как во внутренней, так и внешней политике.⁴⁶⁸

Таким образом, М.Э. Расулзаде потребовал от немецкой стороны признания полной независимости Азербайджана.

⁴⁶⁷ Пакт Конфедерации Кавказа. 28.05.1940 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях... С. 211-212.

⁴⁶⁸ Мамулиа Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 389.

Но подобное бескомпромиссное требование в корне расходилось с планами германских властей относительно будущего народов советской империи. Поэтому, как и следовало ожидать, немцы отклонили это предложение М.Э. Расулзаде, хотя и не отказались от дальнейших усилий по налаживанию контактов с мусаватским лидером.

По мере развертывания боевых действий на фронтах Второй мировой войны, в особенности после нападения Германии на СССР, попытки германских властей превратить в своих союзников по борьбе с большевизмом представителей поработанных народов красной империи активизируются. С этой целью 17 июля 1941 года в Германии создается министерство по делам оккупированных восточных областей, которое возглавил уроженец России Альфред Розенберг. Именно ему принадлежит идея образования национальных комитетов, своего рода правительств в изгнании, что делало обязательным налаживание отношений с политэмигрантами. Кроме того, в октябре-ноябре 1941 года Вермахт приступает к формированию из советских военнопленных военных частей — национальных легионов.⁴⁶⁹

Для реализации этих планов германские власти остро нуждались в услугах эмигрантов. В этом контексте для немцев значительно возросла привлекательность фигуры М.Э. Расулзаде. Ведь как отмечалось в секретном письме, отправленном 5 августа 1941 года германским послом в Турции Францем фон Папеном на имя министра иностранных дел Германии, именно М.Э. Расулзаде являлся руководителем национального движения азербайджанских тюрок.⁴⁷⁰

В упомянутом письме Ф. фон Папен характеризовал М.Э. Расулзаде «крупным политическим деятелем», с которым следует «проводить работу». Но при этом германский

⁴⁶⁹ Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих. С. 6.

⁴⁷⁰ Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. 3. С. 37.

посол советовал соблюдать известную сдержанность в отношениях с М.Э. Расулзаде, поскольку он, как и другие деятели «Прометей», настроен «во враждебном духе по отношению к Германии». ⁴⁷¹ Тем не менее, Ф. фон Папен настоятельно рекомендовал Берлину наладить контакты с М.Э. Расулзаде.

Следует отметить, что Ф. фон Папен являлся представителем одного из древних немецких аристократических родов. Будучи человеком консервативных взглядов, он был одним из лидеров католической партии, и до прихода нацистов к власти даже возглавлял правительство Германии. Фон Папен с большой симпатией относился к тюркским народам, считая их естественными союзниками немцев в борьбе с русской экспансией. Данное письмо представляет большой интерес и с точки зрения оценки германской стороной перспектив и возможностей тюркских народов, которые, по мнению Ф. фон Папена, могли стать эффективным противовесом России, и «все время держать русских под угрозой». По словам Папена, Украина, на которую в то время делали особую ставку некоторые влиятельные круги в германской верхушке, не в состоянии «выполнит эту задачу в достаточной степени, поскольку украинцы являются славянами и могут в любое время, как болгары и сербы, осознать свое общее прошлое с Россией. Что же касается тюрков, то это полностью исключено!» ⁴⁷²

При этом Ф. фон Папен достаточно дифференцированно относился к потенциалу отдельных тюркских народов. В частности, он считал, что такие восточно-тюркские народы, как волжские тюрки, татары, туркмены и другие, «по характеру расселения, которое отнюдь не является компактным, и, прежде всего, ввиду своей экономической отсталости вовсе не претендуют на государственную

⁴⁷¹ Там же. С. 37-38.

⁴⁷² Там же. С. 39.

самостоятельность, и должны пройти еще длительный путь развития». ⁴⁷³

Среди тюркских народов наиболее развитыми и готовыми к самостоятельной государственной жизни германский дипломат считал азербайджанских тюрков. Причем, делая такое заключение, германский посол имел в виду азербайджанцев, проживающих по обе стороны Аракса. Так, говоря о национальном движении в Южном Азербайджане, которое в то время приобретало все больший размах, Папен отмечал, что «жители Тебриза также являются азербайджанскими тюрками и чувствуют себя единокровными родичами бакинских тюрков!» ⁴⁷⁴

Факт усиления национального движения в Южном Азербайджане подтверждается и агентурными данными советской разведки того периода. И самое непосредственное участие в нем принимали мусаватисты, находившиеся на территории Ирана. В частности, по сведениям советской резидентуры, в начале лета 1941 года в Тегеране состоялось заседание исполкома мусаватской организации. В нем принимали участие Гасан Бала Гафари, Халыг Кязимзаде, Кямал Ганизаде и Али Азертекин, который специально был отправлен Мамед Эмин беом в Иран. ⁴⁷⁵ На этом заседании исполкома тегеранской организации «Мусавата» обсуждались вопросы как усиления работы мусаватистов среди южных азербайджанцев, так и использования Южного Азербайджана в качестве плацдарма для активизации работы партии на территории советского Азербайджана.

Неслучайно, что одной из главных задач сотрудников советских спецслужб, вошедших 25 августа 1941 года вместе с частями Красной армии в Южный Азербайджан, была

⁴⁷³ Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. 3. С. 38.

⁴⁷⁴ Там же. С. 37.

⁴⁷⁵ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 142.

нейтрализация действующих там мусаватских групп и их каналов связи с Северным Азербайджаном. Для этого были подготовлены специальные агентурные сети под кодовым названием «Т. Р. F.» и «Fəgüñ». ⁴⁷⁶ При этом обращает на себя внимание тот факт, что русские не стали подавлять национальное движение азербайджанских тюрков в Южном Азербайджане, они лишь поставили во главе движения своих ставленников в лице С. Дж. Пишевари и К°, которыми легко было манипулировать в интересах Кремля.

Немалый интерес представляют и выводы Ф. фон Папена о довольно прохладном отношении «турок, объединенных в новой Турции» к устремлениям своих восточных собратьев, за исключением отдельных политических деятелей. Сам Папен объясняет подобное положение особенностями исторического развития Османской империи, в которой «в течение последних столетий высшее чиновничество двора только в незначительной степени состояло из турок. Оно последовательно было венгерского происхождения, из албанцев, а затем при Абдул-Гамиде, из черкесов и арабов, но никогда из турок». ⁴⁷⁷

Как бы прискорбно ни было, но это утверждение Ф. фон Папена полностью соответствует действительности и подтверждается другими источниками. В частности, Джаббар Эртюрк в своей книге «Из Красной армии в Кавказский национальный легион. Воспоминания одного тюрка о Второй мировой войне» («Kızılordu'dan Kafkaz Milli Lejyonuna. Bir türk'ün II. Dünya harbi hatıraları») с горечью отмечает, что до прихода к власти в османском государстве партии «İttihad ve Terakki», несмотря на идентичность языка, традиций и обычаев, фольклора и песен двух народов, не признавали азербайджанских тюрков родственной нацией. Хотя, несмотря на

⁴⁷⁶ *Qasimli M.* Azərbaycan türklərinin milli mücadələ tarixi. S. 642.

⁴⁷⁷ Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. 3. С. 36-37.

различия в языке и враждебное отношение к османскому государству, считали албанцев и боснийцев частью турецкой нации. ⁴⁷⁸

К сожалению, подобные настроения не до конца были преодолены в турецком истеблишменте даже после примерно двадцатилетнего правления К. Ататюрка. Отчасти этим объясняется прохладное, а порою даже демонстративно равнодушное отношение тогдашнего турецкого руководства к судьбе М.Э. Расулзаде, и его принципиальное неприятие им политического курса мусаватского лидера, направленного на восстановление утраченной независимости Азербайджана.

Однако подобное невнимание и равнодушие турецких властей к его судьбе никоим образом не отразились на чувствах глубокой любви, которую М.Э. Расулзаде питал к этой стране. Наоборот, он всегда требовал от своих единомышленников, чтобы их деятельность за свободу и независимость Азербайджана никоим образом «не нанесла вреда внутренней и внешней политике Турции, так как Турция — единственная крепость для всего тюркского мира». И в своей деятельности он неуклонно придерживался этого принципа.

В отличие от турецкого руководства, немцы достаточно реально оценивали возможности и авторитет М.Э. Расулзаде, не оставляя попыток в той или иной форме задействовать его в своих проектах. Заинтересованность немцев в сотрудничестве с М.Э. Расулзаде особенно усилилась после того, как стал очевидным провал планов блицкрига в отношении СССР.

Как известно, приступая к разработке планов военной кампании против СССР, руководство Третьего Рейха не располагало цельной концепцией политического курса по отношению к народам советской империи. Более того, А. Гитлер, не желавший давать каких-либо конкретных обещаний о

⁴⁷⁸ *Cabbar Ertürk.* Kızılordu'dan Kafkaz Milli Lejyonuna. Bir türk'ün İkinci Dünya Harbi Hatıraları. İstanbul, 2005. S. 37.

будущем устройстве восточных территорий, первоначально крайне отрицательно относился к идее подключения к данной проблеме представителей политической эмиграции народов Кавказа. Он считал, что Германия не нуждается в услугах эмигрантов, поскольку был уверен в том, что уже к осени 1941 года германские войска нанесут решающее военное поражение советскому колоссу. В этой связи Г. Мамулия справедливо полагает, что именно неудача немцев под Москвой зимой 1941 года и возникшая перспектива затяжной войны явились поворотным пунктом в восточной политике Третьего Рейха.⁴⁷⁹

И с каким бы скептицизмом ни относился Гитлер к перспективам сотрудничества с политэмигрантами из СССР, обстоятельства вынудили руководство Третьего Рейха наладить отношения с ними. Определенную роль в изменении позиции Берлина в данном вопросе сыграл и визит в Германию двух турецких генералов: А. Эрдена и Х. Эркилета, посетивших с ознакомительной поездкой Восточный фронт в октябре 1941 года. Стремясь вызволить из германских лагерей для военнопленных находящихся там красноармейцев, выходцев из тюркских народов СССР, генералы, во время приема в Главной квартире фюрера, обратились к А. Гитлеру с ходатайством о формировании из военнопленных тюркского происхождения добровольческого соединения в духе Мусульманского легиона периода Первой мировой войны.⁴⁸⁰

В результате в ноябре 1941 года было принято принципиальное решение о формировании Тюрко-татарского и Кавказского легионов. А непосредственная реализация данного решения началась в январе 1942 года. Пытаясь привлечь на свою сторону азербайджанских тюрков и представителей других кавказских народов, немцы преследовали две

⁴⁷⁹ Мамулия Г. Борьба за свободу и независимость Кавказа. С. 375.

⁴⁸⁰ Там же. С. 375-376.

цели — политическую и военную. В первом случае преследовалась цель показать миру, что на их стороне против большевизма воюют добровольцы из СССР, что весьма красноречиво говорит о несостоятельности советской идеологии. Во втором — предусматривалось восполнение немецких потерь в живой силе за счет бойцов, привлеченных «со стороны».⁴⁸¹

Следует подчеркнуть, что в деле выработки общей концепции Германии в отношении нерусских народов советской империи имела место острая конкуренция между министерством иностранных дел и т. н. Восточным министерством (имперское министерство оккупированных восточных территорий). Первоначально инициатива находилась в руках МИД, где данный вопрос курировал бывший посол Германии в СССР Фридрих Вернер фон дер Шуленбург, который после принятия в конце 1941 года решения о создании Восточных легионов, видимо, решил, что наступило время для более тесного сотрудничества с представителями эмигрантских кругов.

Поэтому в апреле 1942 года Шуленбург обратился к виднейшим представителям эмиграции из СССР, пригласив их для политических переговоров и консультаций в Берлин. В конце апреля — начале мая 1942 года многие из приглашенных прибыли в германскую столицу и разместились в престижном отеле «Адлон». Эта первая масштабная акция немецких дипломатов по привлечению к сотрудничеству с Третьим Рейхом политических эмигрантов получила название «Адлониада».⁴⁸² Шуленбург рассчитывал обсудить с представителями политэмиграции вопросы выработки концепции Германии по отношению к нерусским народам советской империи, а также формат возможного участия в этом процессе эмигрантов. «Адлониада» фактически свелась к

⁴⁸¹ Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих. С. 4.

⁴⁸² Patrik von zur Mühlen. Camalıhaç ile Kızılyıldız Arasında. S. 82.

длительным переговорам между Шуленбургом и эмигрантами по поводу возможностей политического сотрудничества Германии с представителями национальных групп СССР.

Причем, состав участников переговоров в политическом отношении был очень пестрым. Среди них находились и бывшие активисты прометеевского движения, и монархисты, и правые эмигранты. В этом плане не составляла исключения и азербайджанская делегация. В Берлин Шуленбургом были приглашены не только М.Э. Расулзаде и его соратники по партии «Мусават», но и стоявшие в оппозиции к ним правые эмигранты из группы «Кавказ» — Х. Хасмамедов, Ф. Амирджан и др. Последние получили приглашение по инициативе Нури паши, который находился в дружеских отношениях с Шуленбургом.

В этой связи некоторые исследователи, в частности, П. фон цур Мюлен считают непонятной причину приглашения Шуленбургом на конференцию М.Э. Расулзаде, занимавшего достаточно жесткую позицию в вопросе сотрудничества с немцами, требуя от них признания независимости Азербайджана.⁴⁸³ При этом немецкий исследователь указывает на то обстоятельство, что среди азербайджанских политэмигрантов и так хватало лиц, готовых выполнять любые указания представителей Третьего Рейха. В частности, правые азербайджанские политэмигранты не скрывали своей готовности идти на диалог с германскими представителями.

Думается, что приглашение М.Э. Расулзаде было обусловлено, в первую очередь, тем, что мусаватский лидер продолжал оставаться знаковой фигурой азербайджанской эмиграции, авторитет и возможности которого казалось соблазнительным использовать при реализации планов Третьего Рейха в отношении восточных территорий. С другой стороны, следует учесть, что Шуленбург стремился добиться

⁴⁸³ Patrik von zur Mühlen. Camalıhaç ile Kızılyıldız Arasında. S. 123.

поддержки максимально широкого политического спектра азербайджанской эмиграции.

Неслучайно, что на совещании с представителями азербайджанской эмиграции, организованном в рамках «Адлониады», Шуленбург предложил им подумать о слиянии всех сложившихся к тому времени течений в единый Азербайджанский комитет. При этом он имел в виду мусаватистов во главе с М.Э. Расулзаде, отколовшихся от «Мусавата» старых членов партии — сторонников М. Векилли, небольшую по численности группировку М. Мехтиева, а также именуемую себя Азербайджанской народной партией организацию Х. Султанова.⁴⁸⁴

Однако уже в начале консультаций выявились глубокие расхождения между М.Э. Расулзаде и представителями германского министерства иностранных дел. Лидер «Мусавата» передал германскому внешнеполитическому ведомству документ, в котором возможность сотрудничества жестко увязывалось с принятием ряда предложений. Речь шла опять, разумеется, о признании Германией независимости Азербайджана, создании национальной армии и т.д. В документе также подчеркивалось, что после свержения большевистского режима немецкая армия не должна была вступать в пределы Кавказа, предоставив право решения судеб региона самим кавказским народам. Таким образом, в консультациях с германскими дипломатами М.Э. Расулзаде выдвинул на передний план вопрос независимости Азербайджана, и всего Кавказа. При этом он предупреждал, что азербайджанские эмигранты готовы сотрудничать с немецкой стороной лишь в вопросах, напрямую затрагивающих интересы Южного Кавказа.

Очевидно, что эти условия были неприемлемыми для германской стороны, которая не собиралась давать

⁴⁸⁴ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 125.

каких-либо обещаний относительно признания независимости Азербайджана и других оккупированных большевиками стран Кавказа. По крайней мере, сам Шуленбург не исключал сохранения единства советской империи даже после свержения большевистского режима. По этой причине немцы советовали эмигрантам сосредоточиться на вопросах комплектования национальных формирований и вплотную заняться воспитательной работой среди будущих легионеров. Но подобный подход, в свою очередь, не устраивал уже М.Э. Расулзаде и многих других лидеров кавказской эмиграции, считавших основным предметом переговоров вопрос признания германской стороной права поработанных народов советской империи на национальную независимость.

По причине столь серьезного расхождения позиций сторон «Адлониада» фактически превратилась в нудный и безрезультативный переговорный процесс между Шуленбургом и эмигрантами из СССР. Симптоматично, что отсутствие у Берлина малейшего желания достичь какого-либо консенсуса с политэмигрантами в вопросе поддержки их устремлений к независимости разочаровало даже таких прогермански-настроенных деятелей, как Г. Баммат. Видя бесперспективность переговоров с Шуленбургом, многие из них решили покинуть германскую столицу.

При этом «Адлониада» вывела латентный конфликт, тлеющий до сего времени между внешнеполитическим ведомством и Восточным министерством Германии, в открытое противостояние. В итоге своим предписанием от 28 июля 1942 года Гитлер передал в сферу компетенции Восточного министерства весь комплекс проблем, связанных с вопросом выработки и осуществления политики по отношению к народам, населяющим советскую империю. А МИД Германии фактически был отстранен от этих вопросов.⁴⁸⁵

⁴⁸⁵ Patrik von zur Mühlen. Camalıhaç ile Kızılyıldız Arasında. S. 83.

Согласно этому предписанию, отныне переговоры и контакты с представителями тюрко-мусульманских народов Поволжья, Средней Азии и Кавказа осуществлялись кавказским отделом Восточного министерства, которым руководил известный историк-тюрколог профессор Герхард фон Менде, автор монографии «Национальная борьба российских тюрков. Исследование национальной политики в Советском Союзе».⁴⁸⁶ Эта монография стала первым в западной историографии исследованием, посвященным истории и эволюции национально-освободительного движения тюркских народов в условиях Российской империи и Советского Союза. Кстати, несмотря на свой высокий пост в Восточном министерстве, Г. фон Менде никогда не состоял в национал-социалистской партии. Будучи истинным другом тюркских народов и их государственной независимости, Г. фон Менде делал все возможное, чтобы направить восточную политику Третьего Рейха в конструктивное русло. Именно ему удалось убедить М.Э. Расулзаде повременить с отъездом из Берлина и продолжить политические консультации.⁴⁸⁷

По сравнению с сотрудниками германского внешнеполитического ведомства, Г. фон Менде демонстрировал более гибкий подход в отношении требований эмигрантов. Вопреки приказу Гитлера, запретившего создание каких-либо политических представительств народов советской империи до окончания войны, благодаря усилиям Г. фон Менде, такие все же увидели свет.

Дело в том, что приглашенные в «Адлон» эмигранты, не добившись от официального Берлина каких бы то ни было гарантий относительного политического будущего своих стран, постепенно покидали германскую столицу. Это

⁴⁸⁶ Gerhard von Mende. Der nationale Kampf der Russlandturken. Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sovetunion. Berlin, 1936.

⁴⁸⁷ Patrik von zur Mühlen. Camalıhaç ile Kızılyıldız Arasında. S. 199.

грозило подорвать имидж Германии не только в эмигрантских кругах, но и среди самих кавказских народов, чем умело воспользовался проф. Г. фон Менде. Ему удалось добиться согласия А. Розенберга на создание национальных комитетов народов Кавказа, которые были сформированы в конце лета — осенью 1942 года.

В этой связи следует отметить, что в азербайджанской и зарубежной историографии утвердилось мнение, что М.Э. Расулзаде якобы возглавил созданный в Берлине Азербайджанский Национальный Комитет.⁴⁸⁸ Но это утверждение не соответствует историческим фактам, хотя М.Э. Расулзаде и действительно вел по данному вопросу переговоры с немецкими представителями. Об этом свидетельствует и содержание его беседы со своим соратником по прометеевскому фронту крымско-татарским эмигрантом Эдиге Крымалом (Крымали), состоявшейся 7 октября 1942 года в Берлине. В ней М.Э. Расулзаде информирует своего собеседника о том, что в ходе переговоров с представителями Вермахта, МИД и Восточного министерства в период с апреля по октябрь 1942 года он действительно выражал готовность к сотрудничеству и поиску взаимоприемлемых компромиссов при условии официального признания Германией независимости Азербайджана. Из-за неприемлемости этого условия для германских представителей переговоры завершились полным провалом.⁴⁸⁹

К тому же М.Э. Расулзаде не мог игнорировать тот факт, что сформированные национальные комитеты народов Кавказа обладали лишь совещательными функциями, без каких-либо конкретных прав и обязанностей. Учитывая эти обстоятельства, уже через несколько дней после вышеупомянутой встречи с Э. Крымалом М.Э. Расулзаде, покинув Берлин, вновь

⁴⁸⁸ См. например: *Oruclu M. Azərbaycanca və mühacirətdə Müsavat partiyasının fəaliyyəti (1911-1992)*. S. 111.

⁴⁸⁹ *Patrik von zur Mühlen. Camalıhaç ile Kızılyıldız Arasında*. S. 127.

вернулся в Бухарест. По существу, учреждение в этот период грузинского, азербайджанского и армянского национальных комитетов носило формальный характер, поскольку они так и не приступили к активной деятельности. В этой связи П. фон цур Мюлен справедливо отмечает, что Азербайджанский национальный комитет так и «остался фрагментом, носящим имя М.Э. Расулзаде».⁴⁹⁰

Тем не менее, нахождение в течение полугода Расулзаде в Берлине и его многочисленные контакты с германскими представителями нельзя считать абсолютно бесполезными. Ведь, воспользовавшись заинтересованностью нацистской верхушки в сотрудничестве с ним, М.Э. Расулзаде в этот период удалось спасти жизнь и облегчить участь, как минимум, нескольких тысяч азербайджанских тюрок, попавших в плен к немцам на советском фронте. Их численность составляла примерно 150 тыс. чел.⁴⁹¹ В начале войны многих мусульман, в том числе азербайджанцев, как «обрезанных», немцы принимали за евреев и расстреливали. После вмешательства М.Э. Расулзаде и других представителей эмиграции массовые расстрелы на этом основании азербайджанских военнопленных были фактически прекращены. Кстати, эта акция помогла выжить и евреям — уроженцам Азербайджана, которые выдавали себя за азербайджанцев.⁴⁹²

В целом же, несомненно, взаимоотношения М.Э. Расулзаде с нацистской верхушкой так и не наладились. Более того, принципиальная позиция мусаватского лидера в вопросе независимости Азербайджана начала вызывать все большее недовольство германских представителей. Ведь он настойчиво поднимал данную проблему не только в конфиденциальных переговорах с германскими представителями, но и в своих

⁴⁹⁰ A.g.e., S. 126.

⁴⁹¹ *Qasmlı M. Azərbaycan türklərinin milli mücadele tarixi*. S. 650.

⁴⁹² *Абуталыбов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих*. С. 6.

публичных выступлениях перед соотечественниками из числа военнопленных. В ходе одного из таких выступлений М.Э. Расулзаде заявил: «У меня в этой жизни лишь одна цель, которая заключается в борьбе за свободу Азербайджана. Более 20-ти лет я веду эту борьбу. За это время понесли немало потерь. Но если потребуются, и дальше будем жертвовать собой, поскольку политическая борьба за независимость Азербайджана не может обойтись без жертв».⁴⁹³

В конечном итоге, германским властям надоели разговоры о высоких идеалах, о независимости Азербайджана, которые продолжал вести М.Э. Расулзаде. Немцам были нужны сугубо прагматичные исполнители, проводники их политики среди азербайджанских военнопленных и старых эмигрантов. По этой причине они наладили сотрудничество с членами группировки Х. Хасмамедова, а также представителями новой волны эмиграции из числа военнопленных.⁴⁹⁴

Неудивительно, что на первые позиции среди азербайджанских эмигрантов вскоре выдвинулись политические оппоненты М.Э. Расулзаде — А. Атамалибеков, Ф. Амирджан, и А. Фаталибейли-Дудангинский, более подконтрольные немцам по сравнению с мусаватским лидером. Как впоследствии вспоминал А. Фаталибейли-Дудангинский, «все азербайджанские тюрки, находившиеся в Берлине, собрались под председательством министра Халил бея Хасмамедова, чтобы обсудить вопрос о том, следует ли продолжать сотрудничество в этих унижительных условиях или же уйти? Мы решили: «Признает ли нашу независимость Германия или нет, но мы не имеем морального права в этот тяжелый момент оставлять наших соотечественников без национального руководства».⁴⁹⁵

⁴⁹³ *Qasımlı M.* Azərbaycan türklərinin milli mücadələ tarixi. S. 648.

⁴⁹⁴ *Şimşir S.* Azərbaycanın istiklal mücadələsi. S. 98.

⁴⁹⁵ Письмо А. Фаталибейли-Дудангинского генералу Л. Бичерахову // Из личного архива Рамиза Абуталыбова

Безусловно, сотрудничество этих лиц с немцами в значительной степени было вынужденным шагом, продиктованным суровыми реалиями жизни. Они согласились сотрудничать с немцами не из любви к Гитлеру, в отношении которого не питали особых иллюзий, а из ненависти к Сталину и большевистскому тоталитарному режиму, поработившему их родину. Ведь в тогдашних условиях именно Германия была единственной на мировой арене реальной силой, способной сокрушить советский режим. Сражаясь в частях Азербайджанского легиона против советской армии, они искренне верили в то, что тем самым приближают час освобождения родного Азербайджана от большевистского ига.

Исходя из этого, мы далеки от мысли поставить под сомнение патриотизм А. Фаталибейли-Дудангинского и его стремление помочь азербайджанским военнопленным. Это, однако, вряд ли дает право некоторым соратникам А. Фаталибейли-Дудангинского обвинять М.Э. Расулзаде и его единомышленников в том, что они отказались от сотрудничества с немцами и, не поделившись своим опытом и знанием с соотечественниками, бросили их, чуть ли не на произвол судьбы.⁴⁹⁶

Здесь обязательно следует напомнить, что не только М.Э. Расулзаде, но и другие лидеры кавказской эмиграции, сыгравшие ключевую роль в обретении и укреплении государственной независимости стран Кавказа в 1918—1921 годах, в частности, руководители грузинских социал-демократов и наиболее видные представители северокавказцев, отказались от сотрудничества с немцами на условиях, предложенных последними. В результате уже с 1943 г. грузинские, северокавказские и армянские структуры, созданные немцами, возглавили лица, не входившие в состав бывших руководителей этих республик.

⁴⁹⁶ *Cabbar Ertürk.* Kızılordu'dan Kafkaz Milli Lejionuna. S. 351.

Тем не менее, несмотря на свое крайне критическое отношение к Третьему Рейху в целом, лидеры кавказской эмиграции, не желая пускать дело борьбы за независимость на самотек, продолжали оказывать влияние на развитие событий через третьих лиц. В частности, таким человеком для М.Э. Расулзаде и партии «Мусават» в Берлине был Х. Мунши, имевший хорошие связи в немецких кругах.

С другой стороны, оппоненты М.Э. Расулзаде почему-то стыдливо замалчивают тот факт, что они сами делали все возможное, чтобы помешать достижению каких-либо договоренностей между мусаватским лидером и немцами. В этом плане особо усердствовал Ф. Амирджан, имевший в то время весьма натянутые отношения с М.Э. Расулзаде.⁴⁹⁷

Подобное поведение оппонентов М.Э. Расулзаде объяснялось тем, что им были обещаны ключевые посты в будущем государственно-административном аппарате кавказских государств. Поэтому они стремились заранее нейтрализовать мусаватского лидера и тем самым избавиться от своего главного конкурента. Впрочем, все эти интриги противников М.Э. Расулзаде из числа старой и новой азербайджанской эмиграции не имели абсолютно никакого значения в провале переговоров в отеле «Адлон». Неудача этих переговоров исходила из самой сути политики Третьего Рейха, которая в принципе отрицала право на самоопределение поработенных народов советской империи. Тем не менее, эти факты ценны в плане подтверждения незаинтересованности сотрудничающих с немцами азербайджанских эмигрантов в помощи и советах М.Э. Расулзаде. Вероятно, именно по этой причине они всеми средствами пытались ускорить отъезд мусаватского лидера из Берлина.

В то время, как М.Э. Расулзаде вел трудные переговоры с представителями германского МИД и Восточного

⁴⁹⁷ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 125.

министерства, настаивая на признании независимости Азербайджана, его соотечественники получали у немцев различные должности. Так, Ф. Амирджан стал редактором газеты легионеров «Азербайджан», А. Атамалибеков возглавил Азербайджанскую группу в структуре «Зондерштаба Кавказ», созданной под эгидой СД, а А. Фаталибейли-Дудангинскому было поручено создание и руководство Азербайджанским легионом.

Правда, Фаталибейли-Дудангинский и его окружение, активно участвуя в формировании и пропагандистском обслуживании частей Азербайджанского легиона, надеялись добиться от Берлина признания независимости Азербайджана постепенно, по мере затягивания войны, вынуждавшего немцев идти на уступки представителям национальных комитетов.⁴⁹⁸

Что же касается М.Э. Расулзаде, то у него не было особых проблем в получении должностей от немцев. Этот факт признается даже оппонентами мусаватского лидера. Например, один из приближенных к А. Фаталибейли-Дудангинскому лиц, азербайджанский легионер Джаббар Эртюрк критикует М.Э. Расулзаде именно за его отказ от поста главы Азербайджанского национального комитета.⁴⁹⁹

Кстати, и после отъезда М.Э. Расулзаде в октябре 1942 года в Бухарест этот пост оставался вакантным, поскольку трудно было найти равноценную мусаватскому лидеру фигуру в рядах азербайджанцев, сотрудничающих с германскими властями. Именно поэтому немцы сделали еще одну попытку склонить М.Э. Расулзаде к сотрудничеству. С этой целью в начале 1943 года, после крупных военных неудач германской армии на фронтах Второй мировой войны, М.Э. Расулзаде

⁴⁹⁸ А. Фаталибейли. Отчет азербайджанскому народу о борьбе его сынов за независимость Родины, в период Второй мировой войны. Азербайджан, Мюнхен, 1951, №1, с. 13-28.

⁴⁹⁹ Cabbar Ertürk. Kızılordu'dan Kafkaz Milli Lejionuna. S. 351-354.

вновь был приглашен в Берлин для продолжения переговоров. Однако, как и следовало ожидать, эта попытка так же оказалась безрезультатной.

Прибыв в Берлин, М.Э. Расулзаде занимался не столько налаживанием сотрудничества с германской стороной, в возможность достижения которого он уже не верил, сколько патриотическим воспитанием азербайджанских тюрок, волею судьбы оказавшихся на германской территории. Даже в довольно стесненных условиях тогдашней Германии, М.Э. Расулзаде умудрялся пропагандировать идею независимости Азербайджана, используя для этого любую возможность.

По инициативе М.Э. Расулзаде 28 мая 1943 года в фешенебельном берлинском отеле «Kaiserhof» был организован прием по случаю 25-летней годовщины провозглашения независимости Азербайджана, в котором наряду со 150-ти азербайджанскими деятелями принимали участие представители официальных кругов и научной общественности Германии.⁵⁰⁰ На мероприятии также присутствовали эмигранты, представляющие кавказские и тюрко-мусульманские народы советской империи. Банкетный зал отеля, где проводился прием, был украшен многочисленными национальными флагами Азербайджана.

По причине болезни сам М.Э. Расулзаде не смог присутствовать на приеме. Поэтому было зачитано его приветственное послание, где подчеркивалось, что создание первой демократической республики на Востоке стало результатом борьбы азербайджанских тюрок за национальное освобождение. Напомнив об оккупации большевиками Азербайджанской Демократической Республики, М.Э. Расулзаде выражал твердую уверенность в том, что в будущем азербайджанская нация вновь восстановит свою государственную независимость.⁵⁰¹

⁵⁰⁰ Qasimli M. Azərbaycan türklərinin milli mücadele tarixi. S. 660.

⁵⁰¹ Qasimli M. Azərbaycan türklərinin milli mücadele tarixi. S. 660.

На мероприятии выступил известный немецкий тюрколог Готхард Яшке (1894—1983), сделавший доклад по истории и культуре тюрок, говорил он так же и о германо-азербайджанских отношениях.

Очевидно, что подобный прием, к тому же в одном из центральных отелей Берлина, мог быть организован лишь с согласия германских властей. Действительно, инициатива М.Э. Расулзаде о праздновании годовщины независимости Азербайджана была поддержана Восточным министерством и МИД Германии. Сегодня трудно определить, чем руководствовались эти две важнейшие государственные структуры, давая согласие на проведение такого явно политического мероприятия в условиях, когда Гитлер не хотел даже слышать не только о национальных комитетах, но и о независимости поработанных народов СССР. Не исключено, что это было попыткой добиться расположения М.Э. Расулзаде с целью склонить его к сотрудничеству.

Если это предположение соответствует действительности, следует признать, что расчеты немецкой стороны не оправдались, поскольку М.Э. Расулзаде продолжал при каждом удобном случае говорить о национальной независимости, не демонстрируя при этом особого желания наладить отношения с представителями Третьего Рейха. Как впоследствии отмечал сам М.Э. Расулзаде, дважды, в 1942 и 1943 гг. побывав в Берлине, он на собственном опыте убедился в том, что напрасно ожидать от немцев уважительного отношения к национальной борьбе поработанных народов, и тем более признания их независимости. «Общие действия теоретиков «высшей расы» с германской практикой на территории Польши, Украины и других оккупированных стран, — подчеркивал М.Э. Расулзаде, — не оставили ни малейшей надежды на этот счет. Поэтому наша единственная задача заключалась в том, чтобы, подтвердив невозможность сотрудничества с правительством, не

признающим наши национальные права и освободительную борьбу, выйти из игры». ⁵⁰²

С другой стороны, М.Э. Расулзаде прекрасно видел, что события на фронтах Второй мировой войны, в особенности после сокрушительного поражения немецких войск под Сталинградом, развиваются в направлении, не внушающим особого оптимизма относительно будущего самой нацистской Германии. В этих условиях неудивительно, что М.Э. Расулзаде не только не искал точек соприкосновения с германскими представителями, а наоборот, своими действиями явно спровоцировал их на окончательный разрыв отношений с ним. Иначе трудно объяснить его раздражающие германских представителей публичные высказывания, в частности, его знаменитое выступление перед азербайджанскими легионерами с призывом не поднимать оружие против народов, борющихся за свою свободу. При этом он официально заявил, что «Германия, отнявшая самостоятельную и свободную государственную жизнь многих народов и покончившая с их государственной независимостью, никогда не даст независимость Азербайджану, находящемуся под коммунистической оккупацией». ⁵⁰³

Судя по всему, это выступление стало последней каплей, переполнившей чашу терпения германских представителей и приведшей к полному разрыву всех контактов с М.Э. Расулзаде, чему он, несомненно, был очень рад. Как бы то ни было, 5 августа 1943 года М.Э. Расулзаде выступил со специальным меморандумом, в котором подчеркивал, что из-за нежелания германских представителей признать независимость стран Кавказа, он отказывается от дальнейших переговоров. ⁵⁰⁴ После этого он покинул Берлин и вернулся в Бухарест.

⁵⁰² *Rəsulzadə M.Ə. Əsrimizin Səyavuşu. Çağdaş Azərbaycan ədəbiyyatı. Çağdaş Azərbaycan tarixi.* Bakı, 1991. S. 103.

⁵⁰³ Kafkasya. 1952. №9. S. 28.

⁵⁰⁴ *Qasımlı M. Azərbaycan türklərinin milli mücadələ tarixi.* S. 661.

Это значительно ускорило выбор немецких властей, сделавших окончательную ставку на группировку Х. Хасмамедова, а также представителей нового поколения азербайджанских эмигрантов в лице А. Фаталибейли-Дудангинского. Последний же очень быстро выдвинулся на первые роли, став в ноябре 1943 года начальником Азербайджанского штаба связи.

Правда, в конце 1943 года германские власти сделали еще одну, последнюю по счету попытку договориться с М.Э. Расулзаде. В этот период под влиянием новых военных неудач возникли серьезные разногласия между руководством Вермахта и СС. На этом фоне представители войск СС начали обвинять гражданских чиновников в том, что они незаслуженно «обидели» М.Э. Расулзаде. Поэтому М.Э. Расулзаде, которого германские представители характеризовали как «крупного государственного деятеля», снова был приглашен в Берлин для переговоров. Однако он отказался от этого приглашения. ⁵⁰⁵

Таким образом, М.Э. Расулзаде всеми силами пытался избавиться от назойливых предложений Берлина о сотрудничестве. Однако его фактический отказ следовать указаниям немецкой верхушки таил в себе немалую опасность и для него самого, несмотря на то, что формально он находился за пределами Германии — в румынской столице. В этой непростой ситуации его поддержал турецкий посол в Румынии Хамдуллах Субхи Танрыювер, с которым М.Э. Расулзаде был знаком и имел дружеские отношения еще по совместной работе в 1911—1912 гг. в «Тюркском кружке» в Стамбуле. Так что в Бухаресте он находился под полным покровительством турецкого посольства вплоть до конца лета 1944 года, когда румынскую столицу захватили советские войска.

Безусловно, отъезд из Германии вовсе не означал, что М.Э. Расулзаде отказался от активной политической

⁵⁰⁵ A.g.e., S. 665.

деятельности. После завершения Второй мировой войны, несмотря на огромные сложности и реальную угрозу в любую минуту быть переданным советским властям, Расулзаде и его соратники сделали все возможное, чтобы спасти хотя бы часть азербайджанских военнопленных. Именно при их содействии и непосредственном участии около тысячи азербайджанских военнопленных удалось переправить в различные страны Европы, а также в Турцию и Египет. Тем самым они избежали верной гибели в сталинских лагерях.

В 1947 году, на фоне начавшейся «холодной войны» и резкого обострения турецко-советских взаимоотношений, Расулзаде наконец-то удалось получить разрешение официальной Анкары на возвращение в Турцию, где ему пришлось практически с нуля начинать организационное оформление азербайджанской политэмиграции. Это были трудные годы для всей эмиграции, поскольку в послевоенный период советский режим находился в зените своего могущества, а шансы на восстановление азербайджанской независимости казались просто иллюзорными. Все это нередко приводило к появлению уныния и безысходности среди определенной части азербайджанской эмиграции. По этой причине первоочередной задачей, стоявшей перед Расулзаде и его соратниками, было сохранение среди политэмигрантов веры и надежды на неизбежность торжества азербайджанского идеала.

Ситуация осложнялась и тем, что в начале 50-х гг. многие влиятельные круги Запада ратовали за сохранение государственного единства советской империи и в посткоммунистический период. Поэтому они выступали против автоматического признания прав нерусских народов СССР на самоопределение и создания на его развалинах отдельных, независимых национальных государств. В такой атмосфере А. Керенскому и его единомышленникам, выступающим с позиции «единой и неделимой России», удалось перетянуть на свою сторону часть представителей нерусской эмиграции.

Результатом подобной линии явилось принятие в ноябре 1951 года на созванной ими в Висбадене (Западная Германия) конференции эмигрантских организаций декларации, фактически предусматривающей восстановление Российской империи в границах 1914 года, за исключением Польши и стран Балтии.

Как и следовало ожидать, Расулзаде и другие лидеры кавказской эмиграции выступили с резкой критикой подобных попыток, направленных на отрицание права нерусских народов советской империи на самоопределение. Оппортунистической позиции определенной части своих соотечественников они пытались противопоставить единство рядов кавказской эмиграции, выступающей за безоговорочное признание права народов Кавказа на самостоятельное государственное существование. С этой целью с 11 по 16 декабря 1952 года в Мюнхене состоялась Общекавказская конференция политэмигрантов. В упомянутом мероприятии азербайджанскую эмиграцию представлял Национальный центр Азербайджана (руководитель — М.Э. Расулзаде), грузинскую — Национально-политический центр (руководитель — Р. Габашвили), а северокавказскую — Национальный Комитет (руководитель — А. Магома). Примечательно, что все эти организации руководствовались в своей деятельности основными положениями пакта о создании Конфедерации Кавказских Республик от 1934 года.

В связи с этим неудивительно, что главным вопросом повестки дня конференции в Мюнхене было обсуждение и принятие программы совместных действий в борьбе за восстановление независимости Кавказских республик, оккупированных в 1920—1921 гг. большевиками. Выступая с речью на конференции, Расулзаде особое внимание обратил на то обстоятельство, что кавказской эмиграции в данный момент приходится вести борьбу одновременно на двух фронтах — «против коммунистической доктрины большевиков

и русского империализма, в лице их эмигрантских организаций». Коснувшись принципа самоопределения, Расулзаде особо подчеркнул, что при реализации этого естественного права на свободу, народы Кавказа не собираются советоваться с Керенским и его окружением. Он напомнил «господам Керенским» и их покровителям, что кавказские народы окончательно решили этот вопрос еще в 1918 году, высказавшись за государственную независимость, которая была признана мировыми державами. «И никому не дано право поставить под вопрос тогдашний выбор. Нельзя повернуть вспять колесо истории», — резюмировал М.Э. Расулзаде.⁵⁰⁶

Между тем, протесты национальных эмигрантских организаций, а также осознание того очевидного факта, что на базе идеи «единой и неделимой России» невозможно консолидировать политэмиграцию из СССР в борьбе с советским режимом, привели к некоторым корректировкам в позиции администрации США. В частности, американцы стали уделять больше внимания нерусским эмигрантским организациям.

Следует особо отметить, что М.Э. Расулзаде всегда трезво оценивал ситуацию, не теряя чувство реальности. Так, он с одинаковой последовательностью был против как избыточного пессимизма, охватившего немалую часть эмиграции в первые послевоенные годы, так и необоснованной эйфории определенных эмигрантских кругов, которые, поддаваясь эмоциям, восприняли смерть Сталина в марте 1953 года предзнаменованием близкого краха советской империи.

М.Э. Расулзаде не разделял подобный оптимизм некоторых своих соратников по эмиграции. Он прекрасно понимал, что смерть «величайшего диктатора всех времен и народов» не приведет к автоматическому краху советской системы, поскольку она еще находилась в расцвете своих сил. Смерть

⁵⁰⁶ Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде (1884-1955). М., 209. С. 270.

Сталина еще не означала развал созданной им системы и не могла оказать решающего влияния на исход жестокой битвы, которую в тяжелейших условиях вела азербайджанская и вся кавказская политэмиграция. Исходя из этого, М.Э. Расулзаде предостерегал своих товарищей от неоправданного оптимизма, призывая их готовиться к длительной политической борьбе во имя торжества азербайджанского идеала.

Полностью осознавая все трудности на этом пути, М.Э. Расулзаде вместе с тем нисколько не сомневался в окончательной победе азербайджанского идеала и в возможности восстановления государственной независимости Азербайджана. В подобном же духе он самоотверженно стремился воспитывать молодое поколение азербайджанских эмигрантов вплоть до своей кончины в Анкаре 6 марта 1955 года.

Заклучение

В январе 2014 года исполнится 130 лет со дня рождения М.Э. Расулзаде, одного из самых величайших деятелей не только современной азербайджанской, но и всей многовековой истории тюркского мира. С его именем связана целая эпоха в истории азербайджанских тюрков, вершиной которой, несомненно, является 28 мая 1918 года, когда была провозглашена независимость Азербайджана. Эту дату с полным основанием можно считать днем рождения современной государственности Азербайджана.

Историческая заслуга М.Э. Расулзаде и других лидеров АДР заключается в том, что они предприняли первую на всем мусульманском Востоке попытку реализации европейской модели национальной государственности. Как известно, европейские народы прошли эту стадию исторического развития еще в XIX веке, а на Востоке миссия стать первоходцами на этом пути выпала на долю М.Э. Расулзаде и его соратников.

В этом смысле основатель АДР М.Э. Расулзаде на несколько лет опередил создателя современной Турции Ататюрка. Ведь идеи национальной государственности, которыми руководствовался Ататюрк при создании нынешней Турецкой Республики в середине 20-х годов XX века, были сформулированы и реализованы М.Э. Расулзаде и его единомышленниками в Азербайджане еще в 1918—1920 годах. Так что в какой-то степени М.Э. Расулзаде и его соратников можно считать учителями самого Ататюрка.

Правда, в отличие от Ататюрка, руководителям Азербайджанской Демократической Республики в силу неблагоприятной геополитической обстановки в регионе не удалось до конца осуществить свои планы и замыслы. Первая

Азербайджанская Республика пала в результате интервенции большевистских войск в апреле 1920 года.

Но, оказавшись за пределами страны, М.Э. Расулзаде и его соратники по национальному движению, невзирая на трудности и лишения эмигрантской жизни, продолжили свою борьбу за азербайджанский идеал, искренне веря в возможность восстановления независимости Азербайджана. Как отмечал известный татарский деятель А. Таймас, выступая на похоронах М.Э. Расулзаде, «ради этой борьбы он пожертвовал всем — своей семьей, спокойствием, здоровьем, и, наконец, жизнью».

«Благодарностью» же за все эти жертвы стало безразличие и равнодушие его соотечественников, борьбе за свободу которых М.Э. Расулзаде посвятил всю свою сознательную жизнь. По крайней мере, в сегодняшнем Азербайджане проблемы исследования и пропаганды политического и научного наследия Мамед Эмин бея не вызывают широкого интереса и остаются в сфере внимания отдельных энтузиастов, возможности которых крайне ограничены.

Слабым «утешением» для нас на сегодняшний день может быть лишь только то, что подобная судьба была уготована не только М.Э. Расулзаде, но и всем без исключения тем немногим представителям азербайджанских тюрков, посвятивших свою жизнь борьбе за счастье и благополучие собственного народа — от Мирзы Джалила до Мухаммеда Хади, и от Али бека Гусейнзаде до Ахмед бека Агаоглу. Иначе не пришлось бы Мирзе Джалилу на исходе дней сжигать в печи собственные рукописи, чтобы отапливать свое жилище. А «Хопхопнамэ» Мирзы Алекбера Сабира не увидела бы свет лишь после смерти поэта, и то благодаря жертвованиям армянских благотворителей.

Это исторические факты, которые нельзя ни отрицать, ни исправить задним числом, ни, тем более, списать на

особенности того времени, как это сейчас пытаются делать некоторые.

В заключение уместно будет привести знаменитую фразу известного русского историка В. Ключевского, сказавшего о России: «Эта страна состоит из одиноких гениев и миллионов никуда не годных людей». Эти слова с полным основанием можно отнести и к Азербайджану, и азербайджанцам. Ведь исключительно благодаря гению М.Э. Расулзаде и горстки таких же незаурядных личностей азербайджанские тюрки сегодня обладают собственной государственностью.

М.Ə.Расулзаде, Париж 1935 г.
(из личного архива Я.Акпынар)

М.Ə.Расулзаде среди азербайджанских политэмигрантов.
Анкара 50-е годы.из личного архива Я. Акпынар.

Выступление Расулзаде на похоронах Топчибаши

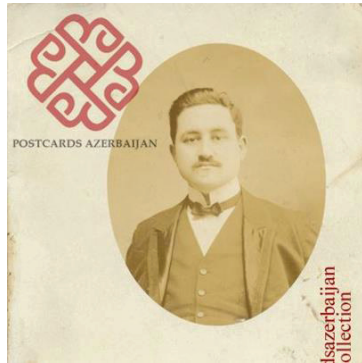

М.Ə. Расулзаде у мавзолея Ататюрка. 50-е годы.

Похороны М.Э. Расулзаде, Анкара 1955г.

Указатель имен

Абуталыбов Рамиз
Авалишвили З.
Агаоглу Ахмед бек
Агасибейли Селим
Азертекин Али бек
Акбер Исмаил
Акпынар Явуз
Акчура Юсуф
Али Шюкрю
Амир Али Гейдар
Амирджан (Амирджанов) Абдулали бек
Амирджан Фуад
Асатиани Александр
Атамалибеков Аббас бек
Ататюрк Мустафа Кемаль
Ахмедбеков Зивер бек
Ахундзаде Мехмет Садык
Ахундов Рухулла

Баммат (Бамматов) Гайдар
Бартольд В.
Бачковский В.
Бигиев Муса
Бирген Мухиддин
Бичерахов Лазарь
Буниатзаде Дадаш
Былинин В.

Валиди Ахмед Заки
Вачнадзе Давид (Дато)

Векилли (Векилов) Мустафа бек

Габашвили Р.

Гаджибейли Джейхун бек

Гаджизаде Мирза

Ганизаде Кямал

Гафари Гасан Бала

Гвазава Георгий

Гикало Н.Ф.

Гулиев Виляят

Гулизаде А.

Гусейнзаде Али бек

Гусейнов Мирза Давуд

Джабагиев (Джабаги) Вассан Гирей

Джафаров Мамед Юсиф

Джафароглу Ахмед

Дубич К.

Жордания Ной

Зардаби Г.Б.

Зареванд (Завен и Вартуи Налбандяны)

Зданович А.

Зейналов Г.

Иненю Исмет

Исрафилов М.

Исхаки Аяз

Исхаков С.

Казымзаде Аббасгулу

Кантемир Алихан

Карабекир Кязым

Караев Алигейдар

Карумидзе Шалва

Керенский Александр

Киров С.М.

Кноль Роман

Корнат Марек

Кортаев В.

Краелич

Крымал (Крымали) Эдиге

Кулиев Мустафа

Кязимзаде Халыг

Литвинов М.М.

Магеррамов Мамед

Магома Ахмеднаби

Мамедзаде Мирза Бала

Мамулиа Г.

Марр Н.

Мдивани С.Г.

Меликов Сафвет бек

Меликова Ханифа ханум

фон Менде Герхард

Мехмедзаде Абдул-Вагаб

Мехтиев Мир Ягуб

Микаилзаде Кербалаи Вели

Мирзоян Л.

Мумтаз С.

Мунши Хилал

Мусабеков Газанфар

Мюлен П.

Одер Керим

Озджан Омер

Орахелашвили И.Д.
Орджоникидзе К.Г.

Панкратов В.
Папен Франц
Пилсудский Юзеф
Пишевари С. Дж.

Рамишвили Ной
Расулзаде Гаджи Алекбер
Расулзаде Мамед Али
Расулзаде Мамед Эмин
Ратгаузер Я.
Рафиев Аббас
Рафиев Муса бек
Розенберг Альфред
Рустамбейли Шафи бек
Руфат паша
Рюшти Тевфик

Сабир Мирза Алекбер
Садыгов М.
Саид Ахмед Джафар
Сафарова А.
Смаль-Стоцкий Роман
Соцков Л.
Сталин И.В.
Султанов Ага
Султанов Хосров бек
Сунш (Сунжев) Магомет Гирей

Тагирджанова А.Н.
Тагирзаде А.
Танрыовер Хамдуллах Субхи

Топчибаши Али Акбар
Топчибаши Али Мардан бек
Топчибаши Рашид бек

Уммур-бану
Усуббеков Н.

Фаталибейли-Дудангинский А.
Фрейтаг Густав

Хади Мухаммед
Халил паша
Харашкевич Эдмунд
Хасмамедов Халил бек
Хондкряян А.
Хулуси (Гулиев) Мамед Садык
Хурш (Хуршилов) М.

Чавчавадзе С.
Чануквадзе П.
Чаплин Н.П.
Чеменземинли Ю.В.
Чермоев Абу Бакар
Чичерин Г.В.
Чокай (Чокаев) Мустафа
Чулик Ибрагим
Чхенкели Акакий

Шакман (Шакманов) Таусултан
Шамиль Сеид-бек
Шаумян С.Г.
Шейхзаманлы Наги
Шейхульисламов Акбер ага
Шетцель Тадеуш

Шимшир С.
Шуленбург Фридрих
Шульгин Александр

Элиава Ш.З.
Энвер паша
Эрден А.
Эркилет Х.
Эрт Адольф
Эртюрк Джаббар

Яшке Готхард

Gerhard von Mende
Hacaloğlu Y.
Həşimova A.
İbrahimli X.
İmanov V.
Karaca A.
Kengerli M.A.
Məmmədzadə M.B.
Oruclu M.
Patrik fon Zur Mühlen
Qasımlı M.
Resulzade M.E.
Rüstembeyli Ş.
Sonyel S.R.
Şimşir S.
Şeyhzamanlı N.
Targalski G.
Yaqublu N.